

ISSN 1817-9568

DISCOURSE - P
Дискурс★*Пи*
Научный журнал

P
HILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

P
OLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

P
AST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

P
UBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

P
HILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (14) 2014

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РГНФ
№14-13-66501 «Международная конференция
Soft power: теория, ресурсы, дискурс», 2014 г.

DISCOURSE - P
ДИСКУРС★*Пи*

IPL INSTITUTE of
&L PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE - P
Дискурс★*Пи*
Екатеринбург – 2014

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ДИСКУРС-ПИ»
№ 1 (14) 2014

Учредитель
Уральское отделение Российской академии наук
Институт философии и права УрО РАН

Издатель
Издательский Дом «Дискурс-Пи»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
на адрес редакции**
620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: ruskova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY – ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE – ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT – ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS – СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY – ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY – ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE – ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT – ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS – СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY – ФИЛОЛОГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л.М. Андрихина – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Е.Г. Дьякова – д.полит.н. (г. Екатеринбург, Россия)
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор (г. Челябинск, Россия)
К.В. Киселев – к.ф.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Е.А. Кожемякин – д.ф.н., профессор (г. Белгород, Россия)
Н.А. Комлева – д.полит.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
О.В. Коркунова – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В.О. Лобовиков – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В.С. Мартыянов – к.полит.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
С.В. Мошкин – д.полит.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
К.С. Романова – к.ф.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
В.М. Русаков – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
О.Г. Скворцов – к.филол.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А.В. Сперанский – д.и.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Д.Л. Стровский – д.пол.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Е.М. Олову – зав. науч. библиотекой Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
А.Д. Трахтенберг – к.полит.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
И.Б. Фан – д.полит.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Л.Г. Фишман – д.полит.н. (г. Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.В. Алексеев – академик РАН, д.и.н. (г. Екатеринбург, Россия)
Е.Т. Артемов – д.и.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В.Г. Богомяков – д.ф.н., профессор (г. Тюмень, Россия)
М.В. Ильин – д.полит.н., профессор (г. Москва, Россия)
А.Д. Королев – гл. уч. секретарь РФО, к.ф.н. (г. Москва, Россия)
К.Н. Любутин – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
М.А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)
О.Ю. Малинова – д.ф.н., профессор (г. Москва, Россия)
А.В. Перцев – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В.И. Разумов – д.ф.н., профессор (г. Омск, Россия)
В.Н. Руденко – член-корреспондент РАН, д.ю.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю.К. Саранчин – д.ф.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Л.Н. Синельникова – д.филол.н., профессор (г. Луганск, Украина)
Е.А. Степанова – д.ф.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Л.Н. Тимофеева – д.полит.н., профессор (г. Москва, Россия)
В.Е. Хвощев – к.и.н., профессор (г. Челябинск, Россия)
М.А. Фадеичева – д.полит.н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
А.Н. Чумаков – первый вице-президент РФО, д.ф.н., профессор (г. Москва, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь
Р.А. Зайнетдинова – к.ф.н., секретарь-координатор

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

Предисловие главного редактора

О.Ф. Русакова
Навстречу первой в России международной конференции по изучению soft power 10

Перформативный дискурс

О.Ф. Русакова
Коммуникативные стратегии перформативного дискурса 12

К.С. Романова
Перформанс повседневной жизни 15

А.С. Исаков
От национализма к космополитизму: перформативное измерение политической доктрины Турции 19

В.М. Русаков, О.Г. Скворцов
Перформативный аспект в дискурсе травелога 25

Антропология

А.В. Романов
Теология невроза 32

С.М. Зубарев
О мужской идентичности (к вопросу о поиске мужского в мужчине в современной ситуации изменения и смешивания гендерных границ и ролей) 41

Парадигмы и процессы

С.Б. Булекбаев
К вопросу о включении воспитательных компонентов в образовательную сферу 47

Конференц-зал

Международная конференция soft power: теория, ресурсы, дискурс
Смысловое многообразие теорий, концептов и дискурса soft Power

Доклады

А.А. Вилков
К вопросу об использовании концепта soft power как самостоятельного и нового направления в мировой политике 53

А.М. Старостин
Концепт soft power в современной политической философии 60

А.В. Михалев
Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке 63

О.Ф. Русакова
Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power 68

Г.М. Пашаева
Языковое измерение soft power 75

А.И. Шаповалова
Концепция силы в международных отношениях: интерпретация с точки зрения социального конструктивизма 83

Л.Г. Швец
Soft power в контексте гендерной парадигмы в политологии 89

М.А. Фадеичева
Государство-праздник и государство-будни: к вопросу о возможности еще одной типологии современных государств 91

Е.А. Кожемякин
«Мягкая власть» институциональных дискурсов: коммуникативное измерение 97

В.С. Мартьянов
Проблема легитимации прогрессора как условие политической гегемонии 103

В.М. Капицын
Символы национальной идентичности как ресурс «soft power» 113

Л.Н. Тимофеева
Новый имидж России как символ возрождения страны 119

В.Г. Циватый
Публичная и культурная дипломатия Украины XXI века: институциональное измерение и стратегии развития 124

К.С. Романова
Манипуляция как форма «мягкой» власти 131

Д.М. Ковба
Ресурсы и механизм реализации мягкой силы 136

М.Л. Дерябин
Организация социального пространства спортивным дискурсом 140

К.Ю. Королева
Концепт толерантности в теории и практике социальной работы 145

Е.С. Кубанкина
Глобальное гражданское общество: понятие и его структура 150

В.В. Демидов
Взаимодополнение открытых и скрытых источников внешнеполитической информации в аналитической работе 155

Л.А. Мулляр
Ум для человека: благо или бремя? 160

Н.Г. Попова
Ученый как субъект «мягкой силы» власти ... 164

С.В. Мошкин
Внешняя политика России: «гибридная война» вместо «мягкой силы» 168

Р.С. Мухаметов
Императивы внешней политики России: это компонент «мягкой силы» или фактор охлаждения отношений с Западом? 174

Новости МАДИ

VII научно-практическая конференция «Дискурс травелога» 180

Юрий Константинович Саранчин.
Памяти товарища 182

SCIENTIFIC JOURNAL
«DISCOURSE-P»
№ 1 (14) 2014

Founded by
Ural Department of Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy and Law

Publisher
Publishing House «Discourse-P»

Certificate of Registration
ПИ № ФС77-54425 of 10.06.2013

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

EDITOR-IN-CHIEF
O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

L.M. Andriuhina – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E.G. Djakova – Dr.Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)
J.G. Ershov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
S.G. Zyryanov – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Chelyabinsk, Russia)
K.V. Kiselev – Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
E.A. Kozhemjakin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Belgorod, Russia)
N.A. Komleva – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
O.V. Korkunova – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.O. Lobovikov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.S. Martjanov – Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
S.V. Moshkin – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
K.S. Romanova – Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.M. Rusakov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
O.G. Skvortsov – Cand.Sc. (Philology), Professor (Ekaterinburg, Russia)
A.V. Speransky – Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
D.L. Strovsky – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E.M. Olovu – manager of Science Library, Ural Department of RAS, Institute of Philosophy and Law (Ekaterinburg, Russia)
A.D. Trahtenberg – Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
I.B. Fan – Dr.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
L.G. Fishman – Dr.Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V.V. Alekseev – Member of RAS, Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E.T. Artemov – Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.G. Bogomyakov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
M.V. Iljin – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)
A.D. Korolev – Chief Secretary of RPS, Cand.Sc. (Philosophy) (Moscow, Russia)
K.N. Ljubutin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
M.A. Malyshev – Professor of Independent University of State of Mexico City (Toluca, Mexico)
O.J. Malinova – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)
A.V. Pertsev – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.I. Razumov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor, (Omsk, Russia)
V.N. Rudenko – Corr. – Member of RAS, Dr.Sc. (Law), Professor (Ekaterinburg, Russia)
J.K. Saranchin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
L.N. Sinelnikova – Dr.Sc. (Philology), Professor (Lugansk, Ukraine)
E.A. Stepanova – Dr.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
L.N. Timofeeva – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)
V.E. Hvoshchev – Cand.Sc. (History), Professor (Chelyabinsk, Russia)
M.A. Fadeicheva – Dr.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
A.N. Chumakov – First Vice-President of RPS, Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Responsible Secretary
R.A. Zajnetdinova – Cand.Sc. (Philosophy), Secretary-coordinator

Editor's Preface

O.F. Rusakova
To Meet the First International Conference
in Russia About Soft Power Studies 10

Performative Discourse

O.F. Rusakov
Communicative strategies of performative
discourse 12

K.S. Romanova
Performance in Everyday Life 15

A.S. Isakov
From Nationalism to Cosmopolitanism: Performative
Change of the Political Doctrine of Turkey 19

V.M. Rusakov, O.G. Skvortsov
Performative Aspects in the Discourse
of the Travelogue 25

Anthropology

A.V. Romanov
Theology of Neurosis 32

S.M. Zubarev
About Male Identity (On the Search for the Male
to Male in the Present Situation Changes and
Blending of Gender Roles and Boundaries 41

Paradigms and Processes

S.B. Bulekbaev
On Including in the Cognitive Sphere a Breeding
Components 47

Conference Chamber

International Conference Soft Power: Theory,
Resources, Discourse

*Semantic Variety of Theories, Concepts
and Discourse of Soft Power*

Reports

A.A. Vilkov
Revisiting the Usage of the Concept of «Soft
Power» as a Self-sufficient and a New Branch
of World Politics 53

A.M. Starostin
Concept of Soft Power in the Contemporary
Political Philosophy 60

A.V. Mikhalev
Conception of Soft Power: Review of Theory
in Foreign Science 63

O.F. Rusakova
Methodological Problems of Categorical
and Instrumental Analysis of Soft Power 68

G.M. Pashayeva
Language Dimension of Soft Power 75

A.I. Shapovalova
The concept of power in international relations:
a social constructivist interpretation 83

L.G. Shvets
Soft Power in the Context of Gender Paradigm
in Politology 89

M.A. Fadeicheva
State-Celebration and State-Routine:
The Question of Possibility A New Typology
of Modern States 91

E.A. Kozhemyakin
Soft Power of Institutional Discourses:
A Communicational Dimension 97

V.S. Martianov
Soft Hegemony:
Weak Progressor Legitimizing 103

V.M. Kapitsyn
Symbols of National Identity as a Resource of «Soft
Power» 113

L.N. Timofeeva
The New Image of Russia
as a Symbol of Renaissance of the Country 119

V.G. Tsivatyi
Public Diplomacy Ukraine XXI Century:
Institutional Dimension And Strategy
Development 124

K.S. Romanova
Manipulation as a Form of «Soft» Power 131

D.M. Kovba
Resources and Mechanisms of Realization of Soft
Power 136

M.L. Deryabin
Organization of Social Space in Sports
Discourse 140

K.Y. Korolyova
Tolerance Concept Implementation at Theory
and Practice of Social Work 145

E.S. Kubankina
Global Civil Society: The Concept and Its
Structure 150

V.V. Demidov
Complementarity of Open and Concealed Sources
of Foreign-Policy Information in Analytical
Work 155

L.A. Mullyar
Mind for Person: Blessing or Burden? 160

N.G. Popova
A Researcher As a Soft Power Agent 164

S.V. Moshkin
Russia's Foreign Policy: «Hybrid Warfare» Instead
of «Soft Power» 168

R.S. Muhametov
Imperatives of Foreign Policy of Russia:
Is It a Component of «Soft Power» or the Factor
of Cooling of Relations With the West? 174

News of IADR

VII Scientific and Practical Conference «Discourse
Travelogue» 180

Yuriy Konstantinovich Saranchin.
To the Memory of the Friend 182

НАВСТРЕЧУ ПЕРВОЙ В РОССИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ SOFT POWER

Русакова Ольга Фредовна

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических
наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Дорогие читатели!

Настоящий выпуск журнала «Дискурс-Пи» необычный. Дело в том, что поднятая нами еще в прошлом году тематика дискурса мягкой силы или soft power (Дискурс-Пи: научный журнал. 2013, вып. 11) вызвала живой интерес у многих наших авторов и читателей, как в России, так и за рубежом. В целях концентрации многообразных идей, теорий, методологий и ракурсов изучения soft power как аналитического концепта, а также как стратегии и разноплановой практики мы приняли решение о проведении международной конференции, заявка на которую к нашему большому удовольствию была поддержана грантом РГНФ (Грант РГНФ-2014 № 14-13-66-501 «Soft power: теория, ресурсы, дискурс»).

Нашу инициативу по организации первой в России большой научной конференции по раз-

нообразным проблемам изучения soft power поддержали многие вузы страны и крупные ученые, которые вошли в состав Оргкомитета и составили главный костяк ее теоретических заперщиков. Согласно разработанной нами программе, базовыми дискуссионными площадками, на которых выступают с научными докладами участники конференции, являются: Институт философии и права УрО РАН (директор *В.Н. Руденко*, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, г. Екатеринбург) и Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (директор *С.Г. Зырянов*, доктор политических наук, профессор, г. Челябинск).

В работу по подготовке конференции также активно включились наши коллеги из Мексики (*М.А. Малышев*, профессор-исследователь гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико, кандидат философии; *М.С. Гарса*, доктор антропологии, профессор-исследователь Национальной Школы Антропологии и истории, Мехико), из Белгородского государственного национального исследовательского университета (*Е.А. Кожемякин*, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики, доктор философских наук, профессор, г. Белгород), из Института международных связей (*О.Г. Скворцов*, заведующий кафедрой лингвистики, кандидат филологических наук, профессор, г. Екатеринбург; *В.М. Русаков*, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург), из Южно-Уральского государственного национального исследовательского университета (*В.Е. Хвоцев*, заведующий кафедрой политологии, кандидат философских наук, доцент, г. Челябинск).

В ходе подготовки конференции заинтересованное участие в ее тематическом и эмпирическом наполнении приняли аспиранты Института

философии и права УрО РАН (*Д.М. Ковба*, *Е.К. Грибовод*, *А.С. Исаков*, г. Екатеринбург), магистранты Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (*Е.Д. Кочнева*, *Р.Р. Мухамедярова*, *Т.Н. Носова*, *Ю.П. Чусовитина*, г. Екатеринбург).

В итоге большой организационной работы нами было получено 115 заявок на участие в конференции из многих городов *России* (Белгород, Владивосток, Екатеринбург, Ижевск, Краснодар, Магнитогорск, Москва, Нижневартовск, Новосибирск, Омск, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Челябинск, Якутск).

На наше приглашение оперативно откликнулись коллеги из *Республики Азербайджан* (г. Баку), *Республики Узбекистан* (г. Самарканд), *Республики Казахстан* (г. Алматы), *Украины* (г. Киев, г. Днепрпетровск).

По решению Оргкомитета конференции полученные тексты докладов (более 80) будут опубликованы в четырех специальных выпусках научного журнала «Дискурс-Пи» за 2014 год.

На страницах представляемого выпуска журнала в рубрике «Конференц-зал» размещены доклады под общим тематическим названием «Смысловое многообразие теорий, концептов и дискурса soft power». Саму конференцию предполагается провести в два этапа на базе двух ведущих институтов: 15 октября 2014 г. (Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург) и 24 октября 2014 г. (Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Челябинск).

Отметим также, что, отводя значительную долю объема журнала «Дискурс-Пи» текстам докладов научной конференции по soft power, мы, вместе с тем, продолжаем публиковать статьи по заявленным ранее темам и рубрикам. Так, в настоящем номере журнала представлена серия статей на тему «Перформативный дискурс». В данной рубрике читатель познакомится с перформативными аспектами политики, повседневной жизни и травелога (статьи *К.С. Романовой*, *А.С. Исакова*, *В.М. Русакова*, *О.Г. Скворцова*), с методологическим анализом коммуникативных стратегий перформативного дискурса (статья *О.Ф. Русаковой*). В традиционной рубрике «Антропология» размещены статьи, посвященные таким проблемам, как «теология невроза» (автор *А.В. Романов*) и «мужская идентичность» (автор *С.М. Зубарев*). В рубрике «Парадигмы и процессы» печатается статья нашего коллеги из Казахстана *С.Б. Булекбаева*, посвященная анализу воспитательных компонентов в современном образовательном процессе.

Уважаемые коллеги!

Редакционная коллегия и редакционный совет журнала «Дискурс-Пи» с прискорбием сообщают о скоростижном уходе из жизни нашего товарища, крупного ученого и организатора науки, академика МАДИ, члена редколлегии нашего журнала *Юрия Константиновича Саранчина*. Мы глубоко скорбим и выражаем свои соболезнования родным и близким Юрия Константиновича. Его краткая научная биография помещена в специальной рубрике.

TO MEET THE FIRST INTERNATIONAL CONFERENCE IN RUSSIA ABOUT SOFT POWER STUDIES

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
head of philosophy division,
doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРФОРМАТИВНОГО ДИСКУРСА

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusaikova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются такие когнитивные формы дискурса мобильности как метафоры и концепты. В статье раскрываются черты перформативного дискурса и его основные стратегии. Автор указывает на специальные приемы, направленные на реализацию властных свойств перформативного дискурса. Особое внимание уделяется анализу коммуникативных стратегий оболыщения и рекламы.

Ключевые слова:

Перформативный дискурс, перформанс, коммуникативные стратегии, дискурс оболыщения, сетевой соблазн, рекламный дискурс.

Перформативный поворот – знаковое явление в современных исследованиях массовых и медийных коммуникаций. Данный поворот оказался в русле более общего явления, которое обозначается понятием «новое гуманитарное знание» [1, с. 226]. Базовым концептом нового гуманитарного знания выступает концепт перформанса, акцентирующий внимание на репрезентативных и перформативных характеристиках коммуникативного процесса. Широкие междисциплинарные исследования феномена перформативности сегодня объединены названием *performance studies* [4].

При анализе политических перформансов в фокусе исследования оказываются следующие вопросы: образно-выразительные способы репрезентации власти и властных притязаний; формирование политических идентичностей посредством ритуальных и инновационных политических шоу; использование развлекательного компонента в медийных трансляциях политических новостей; эффективные методы и приемы

вовлечения в политическую коммуникацию; перформативные способы манифестаций дискурса протеста; использование жанров политического театра, политического клипа, политического агитационного видео в качестве перформативных ресурсов политической коммуникации и др.

Дискурсы перформансов обладают следующими неотъемлемыми чертами:

- наличие сильного игрового начала;
- развлекательность;
- зрелищность;
- театральность и карнавальность;
- интерактивность;
- эмоциональная заразительность (эмпатичность);
- ритуальность [3, с. 37–38].

Репрезентативный план дискурса перформанса обладает фиксированным топосом и определенными темпоральными границами. В рамках данного плана осуществляется интерактивный контакт между участниками коммуникации,

в процессе которого постоянно осуществляется процесс кодирования и декодирования знаковых фигур и символических образов, представленных в текстах, речах, картинках, музыкальных звуках, в подвижных изображениях, танцевальных па, в театрализованных инсценировках и т. д.

Во время перформанса осуществляется репрезентация коммуникативного проекта. При этом включаются следующие *коммуникативные стратегии перформативного дискурса*:

- овладение вниманием целевой аудитории;
- вовлечение адресата в коммуникацию;
- заражение адресата идеями и чувствами;
- убеждение, внушение, идеологическая обработка публики (суггестия, пропаганда);
- управление интеракцией, включающее провоцирование необходимой ответной реакции адресата, изначально заложенной в коммуникационном проекте.

Существуют специальные приемы, направленные на реализацию властных свойств перформативного дискурса. Так, в целях завладения вниманием публики и поддержания внимания используются следующие риторические приманки:

- необычный зачин, содержащий интригу;
- экстравагантные формулировки, вызывающие удивление;
- риторические вопросы, мобилизующие познавательный интерес;
- использование ярких зрительных образов, производящих на публику впечатление;
- квантовый выброс новой информации, разжигающей интерес публики;
- применение метода пугающей статистики;
- использование метафор, риторических фигур, образно-выразительных речевых оборотов, способствующих постижению многообразия смысловой палитры передаваемого сообщения;
- использование прецедентных текстов, пословиц, поговорок, притч, слоганов, цитат, фразеологизмов, оживляющих стереотипы мышления и активизирующих процесс восприятия информации,
- включение в коммуникацию элементов смехового общения (юмористическая тональность, шутки, байки, анекдоты), которые усиливают эмоциональный контакт между коммуникативными акторами, стимулируют интерактивность;

– парадоксальность вербальных и визуальных приемов мыслевыражения;

– использование факторов неожиданности и новизны для усиления коммуникативного эффекта;

– доверительная тональность, формирующая у аудитории чувства приобщения к неким тайнам и эксклюзивным информационным материалам.

В основе современных перформативных актов лежит дискурс оболыщения, который выступает универсальным языком общества массового потребления в условиях глобальной маркетинга и медиатизации. Дискурс оболыщения, согласно известному французскому исследователю Ж. Липовецки, стал повсеместной невидимой силой, которая стремится регулировать потребление, организации, информацию, образование, нравы. «Отныне, – отмечает автор, – вся жизнь общества находится под диктатом новой стратегии, ломающей производственные отношения ради апофеоза отношений оболыщения» [2, с. 33–34].

Процесс массовой медиатизации породил новый вид оболыщения – оболыщение интерактивностью, персональной вовлеченностью в авторское производство информационных и визуальных продуктов, оболыщение широкими возможностями самовыражения посредством Интернет, включенностью в социальные сети.

Стратегия сетевого соблазна сегодня является эффективным инструментом развития новых жанров и видов перформативных коммуникаций, таких, к примеру, как мобильный репортаж, фэйсбук-страница, твиттер-аккаунт, Интернет-троллинг, сетевой фэйк (от англ. *fake* – фальшивка). В Рунете мастерами производства сетевых фэйков являются следующие Интернет-ресурсы: Infa100, Fognews, НОВОСТИ. Существуют также Интернет-ресурсы, основной стратегией которых выступает разоблачение фэйков в СМИ: Fakecontrol, Stopfake, Интернет-газета «Городской Дозор», Проект «Антипропаганда» в сетях Facebook и ВКонтакте.

В большинстве перформативных дискурсов явно или неявно присутствует стратегия рекламы и самопродвижения. Не случайно многие риторические приемы и «кричалки» публичных шоу напоминают стилистику рекламных слоганов («не дай себе засохнуть», «ты этого достойна», «если

не знаешь..., я скажу тебе как» и др.) Рекламный дискурс сегодня проникает во все культурные индустрии, включая театр, мюзикл, кинематограф, и в первую очередь – телевидение с его сериалами и развлекательными программами. Доля рекламного дискурса в экранных шоу сегодня настолько велика, что на его почве развиваются сопутствующие массовым зрелищам индустрии: производство видеоигр по мотивам кино- и телесюжетов; производство игрушек, олицетворяющих медийные персонажи, включая персонажи мультипликационных фильмов; создание линий модной одежды и модной атрибутики, позволяющей идентифицировать себя с героями популярных фильмов. Типичным примером диктата рекламного дискурса в современном кинематографе является постоянная подпитка и разжигание массового интереса не столько к новым драматургическим поворотам предстоящих серий о легендарном Джеймсе Бонде, сколько к маркам его часов, автомобилей, сигар, напитков, к видам используемых им оружия и технических новинок.

Спортивные игры как зрелищные и развлекательные шоу давно превратились в места для размещения рекламы не столько самого

спорта, сколько рекламы торговых брендов, производимых крупными транснациональными корпорациями. К примеру, бренд «Red Bull» давно уже стал неотъемлемым атрибутом спортивных мото- и авиа-шоу.

1. Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Ответ. ред. М. А. Кукарцева. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
2. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Перевод с французского В. В. Кузнецова. Санкт-Петербург: «Владимир Даль». 2001.
3. Русакова О. Ф. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть. 2009. № 4.
4. Schechner Richard. Performance Studies: An Introduction. London: Routledge, 2002.

1. Domanska E'. Performativnyj povorot v sovremennom gumanitarnom znanii // Sposoby postizheniya proshlogo: Metodologiya i teoriya istoricheskoy nauki / Otvet. red. M. A. Kukarceva. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2011.
2. Lipovecki Zh. E'ra pustoty. E'sse o sovremennom individualizme / Perevod s francuzskogo V. V. Kuznecova. Sankt-Peterburg: «Vladimir Dal'». 2001.
3. Rusakova O. F. Shou-politika: osobennosti diskursa // Socium i vlast'. 2009. № 4.
4. Schechner Richard. Performance Studies: An Introduction. London: Routledge, 2002.

UDC 32.001:167

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF PERFORMATIVE DISCOURSE

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
Head of philosophy division,
Doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

In article lines a performative discourse and its basic strategy reveal. The author specifies in the special receptions directed on realization of imperious properties of the performative discourse. The special attention is given to the analysis of communicative strategy of seduction and advertising.

Key words:

performative discourse, performance, communicative strategy, a discourse of seduction, network temptation, an advertising discourse.

УДК 316.4+141

ПЕРФОРМАНС ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Романова Кира Степановна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
старший научный сотрудник, кандидат философских наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу перформанса как способу проживания повседневной жизни. Теоретическая модель социального пространства представляется как материальный ресурс для определенного типа действия, осуществляемого в виде житейского театра. Любое исполнение социальной роли в различных социальных сферах требует высшего уровня артистизма.

Ключевые слова:

перформанс, социальная роль, ритуал, артистизм.

Весь мир – театр.

В нем женщины, мужчины – все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

В. Шекспир [4].

Социологический анализ личности немислим без характеристики ее места в общественных отношениях и выполнения ролей, без указания на то, как человек выполняет ту или иную роль. Лишь посредством анализа различных сочетаний объективного положения, ролей и духовного облика человека мы можем заниматься определением социальных типов, а это является одной из важнейших задач социологического анализа [3, 52].

Рольевые теории плодотворны при исследовании личности, поведении человека и социальных групп. В феномене «роли» отражены как социальные, так и индивидуальные особенности личности, взаимодействие внутренних и внешних детерминант ее развития, и, в определенной мере, био-социальный дуализм. Но эти теории имеют большой нереализованный потенциал, особенно

в социологии и социальной психологии личности, там, где осуществляется поиск ответа на вопрос: «Как, каким образом реализуется социальная роль?». Если учесть, что основные результаты рольевых теорий принадлежат к зарубежным научным школам, в которых отечественные социокультурные особенности и закономерности не нашли своего отражения, то можно сделать вывод, что указанное направление является довольно актуальным и исследование перформанса в повседневной жизни есть один из путей его реализации.

Перформанс – сложное понятие, оно имеет много значений, но базисно – действие. Делать перформанс – совершать действие.

Американский культуролог, социолог, выдающийся театральный режиссер, основоположник теории перформанса Ричард Шехнер (Richard Schechner) под термином перформанс подразумевал любое человеческое действие в повседневной жизни, т. е. определял перформанс как повседневное представление (every day performance). Он понимал искусство перформанса как новый тип

антропологической теории и практики. Его идея заключалась в том, что перформанс – это живое действие, которое происходит в каждый момент человеческой жизни. Это его теория, связанная с антропологией [6].

Мы не имеем духовной культуры в эпоху материальной культуры, у нас есть культура повседневной жизни. И это культура экономики, политики, спорта – все сферы человеческой жизни смешались. И мы живем в это время.

С эпохи Возрождения идея «мир – театр», сравнение сцены и жизни были не только художественным, но и мировоззренческим принципом. Согласно преданию, у входа в театр «Глобус», где ставились пьесы Шекспира, высилась статуя Геркулеса, поддерживающая небесный свод, с латинским изречением Петрония «Totus mundus agit histrionem» или «Весь мир играет как лицедей. Весь мир лицедействует». Эта основополагающая идея Возрождения, которая пронизывает философию (Теофраст Парцельс, Френсис Бэкон), публицистику (Эразм Роттердамский), литературу (Франсуа Рабле, Мигель де Сервантес) и театр этой эпохи. Скрытая метафора «мир – сцена», структурный элемент пьес Шекспира, который определяет тему театра в жизни и жизни в театре, тему игры, актерства, сценического действия.

Философское осмысление повседневности явилось своеобразной реакцией на классическую философскую традицию, ориентированную по преимуществу на познание сущностей. Как известно Э. Гуссерль ввел понятие «жизненного мира», под которым имеется в виду мир в его значимости для человека, переживаемый им опыт жизни. То, что Э. Гуссерль называл «жизненным миром», сегодня входит в содержание концепта «повседневность». Феноменологическая методология адекватна и эффективна для изучения реальности вообще и в особенности современного человека с его «клиповым» сознанием.

В.И. Ильин предлагает методологию изучения повседневности, объединяющую, с одной стороны, субъективистский вариант драматургического подхода И. Гофмана, а с другой – принципы структурализма, которая является разновидностью деятельностно-конструктивистской методологии (П. Бурдьё, Э. Гидденса и др.).

Ядро повседневной жизни, как отмечает В.И. Ильин, – «социальное взаимодействие, не ис-

ключающее широкого спектра сугубо индивидуальных актов. Действие становится социальным, когда оно обращено на другого человека или подразумевает его наличие. Такие взаимодействия формируют ткань повседневности и превращают ее в материальную реальность. Взаимодействие можно разделить на два вида. Во-первых, спонтанные действия, участники которых попадают в новую для них ситуацию и вынуждены действовать либо рационально, изобретая адекватную модель, либо аффективно, полагаясь на чувства и интуицию. Во-вторых, это привычные, устойчивые, повторяющиеся в данной среде формы взаимодействия. Индивид, сталкиваясь с такой ситуацией, сразу ее распознает и начинает действовать полуавтоматически. Каркас такой ситуации составляют практики, ориентированные на взаимодействие с другими людьми. Иначе говоря, хотя не весь мир театр, но именно он формирует ядро повседневной социальности» [1, 55]. Перформанс, если он своими действиями не соединяет различные миры, обречен на театральность в негативном смысле этого слова. Хотя внешне он порой и напоминает театральное действие, однако нет ничего более чуждого ему, чем дух театра с его господством воображаемого над реальным, где кажимость главнее бытия. Хотя во многих ситуациях находится множество индивидов, для которых принцип «казаться» является более важным, чем принцип «быть».

Перформанс как повседневное представление (действие) отдаёт предпочтение непосредственному переживанию, здесь и сейчас, в это время и в этом месте – искусство и жизнь протекают в одно и то же время, главное – это их различие друг от друга. Перформанс не имеет определённого эстетического направления или программы: социальный аспект, игра, провокационность, время – всё это делает его широко применяемым и в корне отличным от классического произведения искусства. В эстетической плоскости рассмотрение перформанса сталкивается с формами, которые вбирают всю историю человека, весь багаж его мифологии, религии, философии и искусства. Перформанс включает в себя сознание человека и культурное пространство, которые имеют в своей структуре эстетическую составляющую, и могут быть объективированы в специфической форме общественного сознания – в искусстве.

В перформансе подчеркивается запланированный характер процесса. При этом предусматривается осознание восприятия, переживания, действия. Перформанс побуждает окружающих к совместному действию (перформансу) и рассчитывает на со-переживание, на со-чувствие. «Таким образом достигается ядро той диалектики, которая гласит, что поведение будет значимо, если оно сообщается обществу» [5].

Перформанс же есть реакция локальная и индивидуальная. Его действия не исполняются, но, повторяясь, проживаются, хотя и могут дать форму актуальному движению, и по сути своей он не воспроизводится, так как обладает индивидуальным почерком и индивидуальной образностью. Подлинный перформанс нельзя ни исполнить, ни повторить. Ответная реакция человека – уже другой перформанс.

В акте перформанса создается образ, который инициирует осмысление культуры, топоса, времени. Перформанс не играет роль, он доносит то, что есть, демонстрируя и комментируя, переживая и понимая одновременно, привнося бытийный контекст. Точка жизни соединяет тело и дух в едином синтезе, его соединяются всегда достаточная, требовательная, строгая истина нашего окружающего мира. Он использует энергию жеста, звуки, запахи, визуальные образы, коллективные действия, медитативные состояния, страхи и ожидания, табу и карнавалы-праздничное чувство его нарушения и т.д.

Перформанс по сути есть древний ритуал, в котором язык тела не является средством передачи мыслей, но вбирая типичные ситуации, он репрезентирует актуальные переживания человека. Ритуал является ригидным вариантом психологической роли, в котором прописаны «извне» все этапы ролевого поведения и взаимодействия. В ритуале мало личностной составляющей, а социальная, наоборот, является доминирующей, ролевые экспектации выступают ведущими побудительными механизмами во всех ритуальных ролях. Ритуал всегда связан с некоторыми изменениями, переходами, преобразованиями в социальной жизни. К примеру, «игра» свадеб как брачный обряд (ритуал). Свадьба имеет определенные социальные функции, нормы, традиции, но при этом, по способу исполнения, она всегда выступает как перформанс, будучи индивиду-

ализированной и уникальной. То же происходит и с похоронным ритуалом. Похоронный ритуал во времена Советского союза, при 80% атеистическом сознании, совершался как религиозный, во многих случаях с отпеванием, с поминками, отмечанием девяти и сорока дней, с определенным дресс-кодом, и определенным набором блюд, имеющих символическое значение на поминальных обедах. Других вариантов не было, да и отношение общества при несоблюдении традиций было критическим и негативным.

Как отмечает В.И. Ильин, стандартизация в форме устойчивых житейских спектаклей – это одна из форм рационализации жизни, позволяющая осуществлять рутинное взаимодействие быстрее и с меньшей затратой сил и времени. Исполнение роли в житейском спектакле – одна из ключевых форм конструирования социальной идентичности, определения «своих» и «чужих». «Свой» сразу распознает спектакль и «правильно» исполняет свою роль, «чужой» может неверно определить спектакль или повести себя в нем неадекватно [3].

Поскольку перформанс характеризует повседневную жизнь, то все ее стороны могут быть представлены для анализа: политическая, экономическая, международная, культурная, спортивная и т.д. Субъектом действия могут быть как общности, так и индивиды. Различия лишь в масштабах действия.

В качестве разновидности повседневного перформанса индивида можно привести боди-арт. Боди-арт, который воздействует непосредственным языком тела, обращением к кинестетике и тактильности. Перформанс дает телесные образы метафорическим интерпретациям воздействий, которые осуществляют наши технологии на нас самих. Определенный татуаж (особенно в криминальной среде), пирсинг и др. служат средством поиска идентификации и ее подтверждения. Самый простой из боди-арта – это макияж. Ни одна женщина не выходит в общество, не «сделав лицо». Для женщин творчество, в том числе и творчество своей внешности: лица, тела, одежды, очень важная и необходимая часть жизни, для жизни! Творческая женская сила является основой всего живого. Благодаря этой силе, женщина, как личность, способна формировать жизнь вокруг себя! Женщина – это само творче-

ство. Не случайно существует анекдот, отражающий это свойство, что «женщина из ничего может сделать три вещи: салат, шляпку и скандал». Мужчины тоже интересуются проблемами бодибилдинга, боди-арта, доводя иногда этот интерес до абсурда. Примером могут служить деятели шоу-бизнеса Джигурда, Тимати, Зверев и др.

Перформанс как действие, проявляющееся в формах творчества, обнаруживает в себе новый аспект – артистизм. Возникает ситуация, в которой исполнительское мастерство автора присутствует уже в нескольких ипостасях: и как способность создать совершенную форму, и как способность творца самого представлять данное произведение публике, режиссировать и выстраивать его сценарий, участвовать в «презентации». Здесь речь идет не о глубине и символическом усилении качества; артистизм раскрывает себя в легкости, отточенности и изяществе исполнения, и является признаком высшей квалификации. Везде, где нечто исполняется субъектом, артистизм легитимен и в рамках меры выражает позитивное качество. Везде, исключая исполнения роли артистом, существенное качество которого проявляется в моменты не тождественности самому себе, когда артист менее всего играет, когда проживает, вживается и забывает

себя. Артист не может быть точкой отсчета самого себя [2]. Но это свойство в полной мере относится к людям в любой другой профессии – будь то лектор, хирург, спортсмен и т. д., словом, артист своего дела.

1. Ильин В.И. Повседневная жизнь как театр: методологические принципы анализа / Социология 1/2010. С. 55–61.
2. Савчук В.В. Что исполняет перформанс? // Феномен артистизма в современном искусстве. / Отв. ред. О.А. Кривцун. М.: «Индрик», 2008. С. 497–517.
3. Смирнов Г.Л. Советский человек. М. 1971.
4. Шекспир В. Комедия «Как вам это понравится». Перевод Т.Л. Щепкиной – Куперник.
5. Taylor B. The art today. London, Calman & Kind LTD. 1995. P. 32.
6. Schechner, R. Performance Theory. Routledge, New York-London. 1988.

1. Il'in V.I. Povsednevnyaya zhizn' kak teatr: metodologicheskie principy analiza / Sociologiya 1/2010. S. 55–61.
2. Savchuk V.V. Chto ispolnyaet performans? // Fenomen artistizma v sovremennom iskusstve. / Отв. ред. О.А. Кривцун. М.: «Индрик», 2008. С. 497–517.
3. Smirnov G.L. Sovetskij chelovek. M. 1971.
4. Shekspir V. Komediya «Kak vam e'to ponravitsya». Perevod T.L. Shhepkinoj – Kupernik.
5. Taylor B. The art today. London, Calman & Kind LTD. 1995. P. 32.
6. Schechner, R. Performance Theory. Routledge, New York-London. 1988.

UDC 316.4+141

PERFORMANCE IN EVERYDAY LIFE

Romanova Kira Stepanovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
senior scientific collaborator,
candidate of philosophical sciences, associate professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the performance as a way to stay everyday life. The theoretical model of social space is represented as a material resource for a specific type of actions implemented in the form of life theatre. Any enforcement of the social roles in different social spheres requires the highest level of artistry.

Key words:

performance, social role, ritual, artistry.

УДК 321.013

ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К КОСМОПОЛИТИЗМУ: ПЕРФОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ТУРЦИИ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт Философии и Права Уральского отделения Российской Академии Наук,
аспирант,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья направлена на изучение перформативных процессов, происходящих в политическом дискурсе современной Турции. Исследование базируется на авторской методологии, предполагающей анализ мазхаба как основы для политических изменений. Результатом исследования стало отражение поляризации политического развития страны, анализ национальных и космополитических векторов развития в контексте событий «Арабской весны» и ее последствий.

Ключевые слова:

Турция, мазхаб, ханафизм, Арабская весна, исламизм, перформация, дискурс.

События так называемой «Арабской Весны» фундаментально перекроили аксиологическую карту исламской восточной политики. Традиционалистскому обществу, лишенному секуляризации добровольной автаркией в рамках мировых интеграционных процессов, был брошен глобалистский вызов. Суть этого вызова заключалась в том, что привычный лидер ханафитских стран, да и суннитского мира в целом, Египет потерял статус страны, предлагающей религиозно-политическую повестку дня другим актерам региона.

На замещение места лидера ханафитских государств претендует Турция. Также она соревнуется с Саудовской Аравией за лидерство в исламской умме в целом. Основная суть противостояния заключается в том, кто сможет предложить более эффективный проект политической интеграции в глобальную экономику, компенсировав при этом делинквентные последствия, несопоставимые с религиозным каноном.

Основная проблема интеграции – инициация политических изменений. Изменения обще-

ственной жизни, как таковые, имеют негативную презумпцию в несекулярных обществах, находящихся вне западной этики. Основным цензором подобных изменений является религия, а ее выразителями – духовенство или государство. Персонализация конкретного актора и суть потенциальных изменений в политике определяет религиозно-правовая школа – мазхаб. Именно в мазхабе, традициях его претворения в жизни общины зиждется детерминация отношения населения к изменениям. Каждая школа содержит собственный аутентичный потенциал.

На сегодняшний день в исламе остаются актуальными пять основополагающих мазхабов: ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский – в суннизме; джафаритский – в шиизме. Каждый из приведенных мазхабов ранжируется согласно уровню внутреннего перформативного потенциала и оказывает специфическое влияние на возможность и характер общественных изменений как таковых.

Основной страной, использующей ханафитский мазхаб, традиционно считался Египет.

Однако после череды революций страна потеряла возможность занимать лидерские позиции. Претендуя на ее место, Турецкая республика также изменяет и политическую доктрину, предлагаемую религией. Традиционно, ханафитский мазхаб представляет собой наиболее религиозно-умеренное направление в исламе. Это предполагает, что любые политические изменения имеют крайне малую корреляцию с теологической мыслью.

Ханафизм отдает приоритет светскому характеру власти, основной его идеологией является попытка создания концепций не исламской, а национальной идентичности. Первой такой концепцией является имплементированный Мустафой Кемалем пантюркизм, или «здоровый тюркизм», целью которого было сохранение турецкого государства в условиях падения халифата и западной интервенции. «Националистические концепции «здорового тюркизма» были реализованы в форме идеологии государственной власти и организации общества на республиканской основе» [1, 13].

В основе данных идей – аналогия исторического развития турецкого государства и основных европейских стран. Источником подобных параллелей являются конкретные исторические условия. После поражения в первой мировой войне рушится Портинский халифат. Следствием кризиса самосознания становится возрастание национализма и формирование турецкой идентичности как таковой. Кульминацией этого процесса становится институциональное оформление Турецкой республики.

Идеологом создания нового государства выступил Мустафа Кемаль Ататюрк. Проводимые им политические реформы основывались на идеях философии просвещения, предполагающих не только образование национального государства и договорную его основу, но и абстрагирования от религиозного детерминизма политики. Конкретные преобразования носили схожую логику: упразднение халифата, запрет на ношение религиозной одежды в общественных учреждениях, эмансипация, секуляризация.

Подобные изменения в традиционно религиозном обществе стали возможны путем создания кризисной ситуации, актуализировавшей роль

армии как проводника политических изменений. «Ататюрк пытался преобразовать Турцию в современное, западное, светское государство, осуществив эту революцию «сверху». Эти изменения, исходящие от государства и спущенные вниз как элемент социального конструирования, были осуществлены небольшой военно-бюрократической элитой, которая наложила свое атеистическое видение на сопротивляющееся традиционное общество» [9, 32]. Это позволяет говорить о том, что само общество не было заинтересовано в политической модернизации, а привносимые изменения носили вынужденный насильственный характер.

Подобный характер политических преобразований был детерминирован текущей геополитической обстановкой. В условиях упадка Османской империи имел место быть высокий риск ее колонизации западными державами. Конкретный проект, предложенный президентом США Вудро Вильсоном, вызвал отторжение со стороны военной верхушки высокой Порты, что послужило поводом для разработки собственного турецкого проекта политического развития, перформации турецкого общества.

Фундаментальное следование положениям либеральной идеологии и западноориентированный характер предлагаемых изменений также был обусловлен практическими задачами. Мировые политические процессы того времени характеризуются институциональным закреплением власти в периферии державами центра с помощью колонизации. Единственный способ избежать подобной участи для Турции заключался в необходимости конвергенции и предполагал радикальное сближение с западным миром. Исходя из этого, за основу производимых изменений была взята аналогия исторического развития, основанная на формировании национального государства. Обратной стороной изменений такого рода стало исключение национальных меньшинств из политического пространства.

Кроме того, новообразованной державой была предложена и новая, в рамках исламского самосознания, модель политического развития. Ее сущностные характеристики сводились к умалению роли религии как цензора изменений в обществе. Однако это не означало секуляриза-

цию в традиционном европейском понимании как полной делимитации религии и государства. Это выразилось в отказе от официального государственного провозглашения и деактуализации религии как основного регулятора общественных отношений. «Республика унаследовала механизмы контроля и регулирования религии от системы, установленной Оттоманами» [9, 12].

В основе этих механизмов лежит замена традиционного института шейх-уль-ислама на специализированный орган в правительстве, занимающийся регламентацией религиозных вопросов. Компетенция данного органа распространялась только на мусульман суннитов ханафитского мазхаба. Посредством данного органа осуществлялся четкий контроль над религиозной деятельностью со стороны военных, интересы которых представляли правящие круги.

Таким образом, де-факто, турецкое государство произвело «национализацию ислама». Культовые сооружения стали государственными органами, оказывающими услуги населению; а представители исламского духовенства – государственными служащими. С помощью данных преобразований государство получило контроль над религиозным дискурсом страны, который перестал быть определяющим фактором политической повестки. Это позволяет говорить, что была произведена перформация, сместившая космополитический акцент Оттоманской империи как державы-хранительницы священных городов, к про-европейскому национальному светскому государству.

Тем не менее, со временем в политической жизни страны начали происходить аксиологические расслоения, ставшие причиной повторной актуализации религиозной проблематики. С одной стороны, широко распространились и укрепились в обществе идеи светского национального государства, с другой, в качестве реакционизма, – актуализировалась космополитическая роль ислама. Для обеспечения стабильного политического развития в таких условиях стала необходима ценностная синкретия, предполагающая сочетание исламизма и западно-ориентированного курса развития.

Укрепляя регулируемый характер религиозной деятельности, военные добились введения

всеобщего религиозного образования как способа предотвращения ортодоксии и экстремизма. Это не только актуализировало роль политического ислама в жизни Турции, но также привело и к постепенной популяризации идей об отказе от построения светского государства. Историческая задача сохранения независимости республики была выполнена, а значит, либеральные ценности стали умножаться на религиозный консерватизм.

В такой ситуации военные выступили гарантом сохранения курса на построение светского национального государства западного образца с помощью военных переворотов, методично отстранявших от власти политиков исламской ориентации. «На самых крутых виражах истории страны армии удавалось выправить и стабилизировать ситуацию» [2, 246]. Военные стали гарантом обеспечения интересов светски ориентированных граждан, так как «при любых катаклизмах политического процесса либеральная элита апеллирует к армии» [2, 246].

Возможность подобного сотрудничества между интеллигенцией и армией следует из детерминированных ханафитским мазхабом социальных особенностей. С точки зрения религиозной доктрины ханафитов любые общественные изменения, имеющие перформативный характер, соотносятся не с конкретными нормами шариата или сунны, а выстраиваются в логике примата местных традиций как источника светского закона. Также возможен другой вариант: рассмотрение изменений с позиции национальной уммы, т.е. институционально закрепленной электоральной волей большинства. Подобная практика соответствует исламскому принципу истихсан, и предполагает, что наиболее благоприятным решением, как с политической, так и с религиозной точки зрения, является предпочтительное для большинства.

В данных рамках ключевым моментом в закреплении любых новаций как нормы является обеспечение ее преэминентности любыми методами. Это актуализирует роль военных как гаранта защиты общественных основ, заложенных Мустафой Кемалем. При этом конкретная роль военных заключается в реставрации и воспроизведении тех качественных характеристик политической системы, которые ориентированы

на идеалы светского прозападного развития. Это значит, что с течением времени данные приоритеты, как выражение воли большинства, становятся синкретической частью религиозных традиций. Это позволяет говорить о том, что ориентация на сотрудничество с Европой, кульминативным выражением которого является идея о вступлении в Европейский Союз, становится частью государственной религиозной доктрины.

Актуализация дальнейшего политического развития, с учетом совершенствования институтов представительства, отводится политическим партиям. Поскольку основой в формировании перформативных ориентаций населения является исламизм, т.е. аксиологическая база религии, то он выступает как ценностная основа происламских партий. Соответственно, с ростом продолжительности срока артикуляции идеями изменения, тенденция отстранения данных партий от участия в политическом процессе со стороны армии снижается, так как свобода политических партий является критическим условием для вступления в демократический авангард.

Данный тезис может быть продемонстрирован на основе расстановки политических сил в современной Турции. Несмотря на расцвет происламских партий и движений в конце XX века, эти события лишь стали поступательным концом реакционизма, отвергающего дальнейшие политические преобразования как таковые. На сегодняшний день ведущая роль в политической жизни страны принадлежит Партии Справедливости и Развития. Основа партии – религиозные ценности и происламский порядок. При этом данный курс сочетается с дальнейшей экономической и политической интеграцией с Европейским сообществом. «Нынешняя Турция во главе с Партией Справедливости и Развития намерена продолжить свой путь явно по капиталистическому пути и в тесном сотрудничестве с миром Запада. Она очень надеется на то, что станет членом ЕС» [2, 268].

Несмотря на это, как и в любой восточной стране, определенное влияние на общественное развитие Турции оказывают внесистемные силы, представленные альтернативными этническими или конфессиональными ценностями. Этническая

идентичность в республике подавляется абсолютизацией концепта национального государства, что с точки зрения исторической аналогии является прямой рецепцией западных ценностей. Побочные религиозные взгляды, в большинстве своем также основанные на традициях ханафитской школы, основываются на умеренном исламизме, интерпретируемом с позиции конструктивной критики действующего режима.

Это проявляется в образовании легальных движений, ставящих своей целью достижение политической власти и использование ее для проведения общественных изменений, способных вернуть страну в русло мусульманских традиций в той мере, в которой это не противоречит принятым рамкам развития. «Исламисты способны действовать в коалиции со светскими организациями», «находясь в оппозиции, они идут на сотрудничество с различными партиями в социальной сфере, вопросах здравоохранения и т.п.» [3, 88].

Такая ситуация позволяет говорить о полноценном синтезе религиозной этики и ориентиров политического развития. В основе межполитических противоречий, традиционно, остаются вопросы в отношении конкретных проблем. Среди них: отношения с Израилем, Ираном; актуальность D-8 («Большой Исламской Восьмерки»), будущее Республики Северного Кипра, вариативность решений в плоскости дихотомии свобода-порядок, ношение религиозной одежды и прочее. В свою очередь, подобная повестка дня способствует деактуализации реакционизма и, как следствие, потерю необходимости в насильственном сохранении режима.

В логике подобного развития происходят последние изменения. Турция смещает акцент с военных как гаранта развития в плоскость бюрократического управления. Можно сказать, что происходит планомерный переход способа легитимации власти и актора политических изменений с харизматического на бюрократический. Заложенная Атаатюрком традиция придания государственного статуса религиозной деятельности в прошлом на сегодняшний день способствует тому, что ориентированные на модернистский потенциал исламизма силы лаконично интегри-

руются в устоявшиеся политические институты, приобретая в них лидерские позиции.

Именно благодаря популяризации происламских идей и политического курса, ориентированного на исламский мир, начали происходить новые перформативные изменения. С одной стороны, развитие турецкого евроскептицизма, основанного на невключении республики в интеграционные процессы ЕС и отсутствие понимания проблемы Северного Кипра, деактуализирует западный вектор внешней политики. С другой стороны, политическое разрушение Египта в ходе «Арабской весны» освобождает лидерские позиции в суннитском пространстве, на которые претендует Саудовская Аравия, являясь державой-хранителем святых городов Медины и Мекки. Совокупность этих факторов делает привлекательной для турецкого государства идею продвижения своих интересов в исламском мире, повышая статус страны как гаранта региональной военной и политической безопасности, также способного предложить иным странам проекты успешного политического развития.

Однако для усиления политических позиций Турции в рамках уммы, а в большинстве своем – в странах Северной Африки, требуется отказ от риторики этнического турецкого государства. В свою очередь, это потребует обратного смещения акцента политического развития с процессов национализации в пользу исламского космополитизма, включающего в себя и религиозную эстетику как делимитацию статуса мужчины и женщины, ориентацию не на местные, а на общие для мусульман традиции и т.п. В свою очередь, это привело бы к ослаблению позиций в рамках пантюркского сотрудничества, в котором страна играет активную роль.

Несмотря на то, что подобная исламская повестка соответствует действиям правящей партии Справедливости и Развития, она не находит поддержки среди турецких граждан. Декларированный курс происламских реформ в 2013 году, сделанный в антураже поездки премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана по пост-революционным странам Северной Африки, вызвал определенную обеспокоенность в стране и активизацию проблемной внутривнутриполитической

повестки. Это привело к масштабным антиправительственным выступлениям светски настроенной молодежи и представителей либеральной интеллигенции, вылившиеся в события на площади Таксим.

Анализ этих событий позволяет говорить о том, что политический дискурс в стране переживает состояние поляризации. С одной стороны – идея евроинтеграции и национальном светском турецком государстве, с другой – потенциал усилить позиции регионального лидера в исламской умме на фоне усиления исламизма в стране. Это противостояние является как предметом политической плоскости, так и своеобразным отражением конфликта запада и востока, к которым очень важно выработать четкую позицию.

Таким образом, ханафитский мазхаб современной Турции имеет аутентичный потенциал в контексте реализации перформативных изменений. Это позволяет сделать особое понимание традиций как критерия допустимости новаций. Если новация соответствует воле большинства, то она истолковывается как приемлемая, а с приданием ей статуса традиции понимается как составная часть религиозной доктрины.

Панельная рецепция религией идей государства, заложенных Атаатюрком, привела как к образованию особой модели развития страны, но также усилила интерес к религии в стратегической перспективе, как к некоему кумулятору актуальных политических трендов. Именно благодаря этому политические идеи, составляющие религиозную платформу, очень лабильны и способны к видоизменению.

На сегодняшний день мы наблюдаем, что изменения происходят в самой аксиологии развития государства. Национальную повестку, являющуюся традиционным универсумом ханафитских стран, сменяет исламский космополитизм. Сказать, насколько долгосрочным и стабильным станет этот политический тренд, можно будет проанализировав дальнейшие шаги турецкого правительства. На данный момент как минимум два фактора нивелируют дальнейшую космополитическую перформацию. Во-первых, это показательный опыт Египта, где активизация артикуляции религиозными ценностями приве-

ла к смещению президента Мухаммеда Мурси и популяризации более светски настроенного и национально-ориентированного фельдмаршала Ас-Сиси. Во-вторых, это присоединение Крыма к России, которое активизировало пантюркский дискурс в стране, призывая Турцию более активно выступать гарантом прав родственных народов, в частности – крымских татар.

1. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М., 2003 – С. 13.
2. Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В.Я. Белокрицкий – М., 2011, – С. 246.
3. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М., 2006, – С. 88.
4. Мамедова Н.М. Эффективность экономических моделей Ирана и Турции (сравнительный анализ) // Мировое и Национальное Хозяйство: № 1 (16), – 2011.
5. Мирский Г. «Арабская весна» – туман и тревога [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Arabskaya-vesna-tuman-i-trevoga-15957#>.
6. Lahoud N. Political Thought in Islam – NY: Routledge Curzon, 2005.
7. Masud M.Kh. Islam and Modernity – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

8. Park B. Turkey-kurdish regional government relation after the U.S. withdrawal from Iraq: putting the kurds on the map? – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2014.
9. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey – Santa Monica, 2008, – С. 32.

1. Zhdanov N. V. Islamskaya koncepciya miroporjadka. – M., 2003 – S. 13.
2. Islamskij faktor v istorii i sovremennosti / Pod red. V.Ya. Belokrickij – M., 2011, – S. 246.
3. Malashenko A. Islamskaya al'ternativa i islamskij proekt. – M., 2006, – S. 88.
4. Mamedova N.M. E'ffektivnost' e'konomicheskix modelej Irana i Turcii (sravnitel'nyj analiz) // Mirovoe i Nacional'noe Xozyajstvo: № 1 (16), – 2011.
5. Mirskij G. «Arabskaya vesna» – tuman i trevoga [E'lektronnyj resurs] // Rossiya v global'noj politike – Rezhim dostupa: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Arabskaya-vesna-tuman-i-trevoga-15957#>.
6. Lahoud N. Political Thought in Islam – NY: Routledge Curzon, 2005.
7. Masud M.Kh. Islam and Modernity – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
8. Park B. Turkey-kurdish regional government relation after the U.S. withdrawal from Iraq: putting the kurds on the map? – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2014.
9. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey – Santa Monica, 2008, – С. 32.

UDC 321.013

FROM NATIONALISM TO COSMOPOLITISM: PERFORMATIVE CHANGE OF THE POLITICAL DOCTRINE OF TURKEY

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
graduated student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article aims to explore the performative processes occurring in a political discourse of modern Turkey. Research is based on the author's methodology assuming the analysis madh'hab as a basis for political changes. Reflexion of polarisation of political development of the country, the analysis of national and cosmopolitan vectors of development in the context of the events of the «Arab Spring» and its consequences.

Key words:

Turkey, madh'hab, hanafism, the Arabian spring, islamism, performance, discourse.

УДК 11.6

ПЕРФОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ В ДИСКУРСЕ ТРАВЕЛОГА

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
зав. кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Скворцов Олег Георгиевич,

Институт международных связей,
заведующий кафедрой,
кандидат филологических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: skvortsov@ims-ural.ru

Аннотация

Исследуется методология лингвокультурологического подхода к перформативному аспекту дискурса травелога.

Ключевые слова:

перформанс, перформатив, перформативный аспект, дискурс, травелог, дискурс травелога.

В дискурсе травелога перформативный аспект играет весьма существенную роль. Для уяснения этого сделаем небольшой экскурс в историю вопроса.

В рамках отмеченного в мировой и отечественной литературе так называемого «лингвистического поворота» в 60–70-е гг. XX в. происходит переориентация исследований языка с изучения его структур – на изучение его функционирования. Возникает мощное течение «лингвопрагматики», значительный вклад в которое внесли работы Дж. Остина по «теории речевых актов». В рамках своего подхода Дж. Остин предложил разграничивать два типа высказываний – перфор-

мативные и констативные. Если констативные высказывания или «констативы» лишь описывают, изображают окружающую действительность, т. е. сообщают что-то о ней, то «перформативы» производят речевые поступки, имеющие определенные последствия, как для говорящего, так и для слушающих, другими словами – осуществляют какие-то действия, само произнесение данных высказываний является осуществлением некоторого акта. Естественно, что практически сразу возникли, как минимум, две позиции: одна настаивала на строгой дихотомии констативов и перформативов, а другая – на относительности их различия, поскольку они всегда погружены в речевой акт,

направленный на то, чтобы посредством речи вызвать необходимое действие (в противном случае речь оказывается бесцельным «сотрясением воздуха»). Поэтому слоган «Слово как действие» нуждался в уточнении: о каком действии идет речь? К высказываниям перформативного типа, как подчеркивал Д. Остин, неприменим критерий истинно/ложно, но применим критерий успешно/неуспешно, поскольку перформативный означает для него «оперативный». Соответственно, в речевых актах следовало различать «локутивные» (описывающие, констатирующие) и «иллокутивные» – подразумевающие действия, отличные от собственно самого речевого действия (акта говорения).

В дальнейшем произошло неизбежное различие так называемого «сильного перформатива», произнесение которого непосредственно влекло социальные, юридические и иные действия, акты, и «слабого перформатива». Акцент сместился на коммуникативную ситуацию: что происходит/не происходит в процессе говорения, произнесения высказываний. Для целей нашего исследования важно то, что употребление перформативов подразумевало изменение или способа мышления, рассуждения («ментальный перформатив»), или социальной среды путем совершения поступка, за который наступала та или иная ответственность (юридическая, моральная, политическая и т. п.). В этом плане виды перформативных высказываний суть следующие: специализированные обращения и утверждения, признание, обещание, просьба, предложения и советы, предупреждение, требование, запрет, разрешение, согласие, возражение, одобрение, осуждение, прощение, речевые ритуалы, социальные акты передачи, отчуждения, отмены, отказа, называние (именование, нарекание, назначение). Например, в английском языке, по мнению Дж. Остина, имеется более тысячи глаголов и других выражений для их обозначения.

В литературе делаются попытки сформулировать наиболее важные признаки перформатива: «Назовем некоторые структурные особенности перформативов. Глагол перформативного предложения не может иметь форму прошедшего или будущего времени. Перформативное предложение не может быть отрицательным. Не допускается включение в состав перформативных предложений модальных слов, снимающих

«совершенность» действия, ср. неотмеченность» [2]. Наиболее характерной формой для них выступают побудительные предложения (просьбы, приказы). Обращается внимание на то, что «перформативность высказывания создается не только наличием или отсутствием перформативного глагола, но и рядом других средств, как языковых – ударением, интонацией, так и неязыковых – жестами, мимикой. Так, например, достаточно распространенным является выражение перформативности контекстуальными, речевыми способами» [2]. Хотя до сих пор спорным остается вопрос о том, по каким критериям разграничиваются перформативные и неперформативные глаголы, а также в каких условиях перформативные глаголы получают перформативную реализацию, смещение акцента на рассмотрение самого акта коммуникации делает сомнительным установление однозначных лексических или грамматических критериев перформативности. Вне контекста речевой коммуникации эти различия весьма относительны.

Ю. Д. Апресян в своей работе «Перформативы в грамматике и словаре» [5] предпринял попытку выделить признаки перформативных глаголов на основе семантических и грамматических характеристик перформативов. Он указывает 15 их разновидностей (на материале английского языка): «...перформативным является всякий глагол речи, лексическое значение которого удовлетворяет двум условиям:

1) не содержит компонентов, противоречащих сущности перформативного употребления или делающих такое употребление абсурдным;

2) содержит семантические компоненты, оправдывающие затрату усилий, связанную с введением в высказывание перформативной формулы.

Глаголы речи, лексико-семантическая структура которых не удовлетворяет ни одному из указанных условий, являются принципиально неперформативными глаголами» [8].

Интересно, что «Глагол перформативного предложения не может иметь форму прошедшего или будущего времени» [2].

Но лингвистическим и далее – «лингвокультурологическим» поворотами не завершились коренные перемены в методологии современного социально-гуманитарного знания. Далее обозна-

чился не менее фундаментальный поворот – «дискурсивный». Концепт «дискурс» предназначен был объять прежде разъятое целое: коммуникативный акт, участников его, условия и средства (тексты и контексты), намерения и последствия, имеющие обратную силу. В дискурс-анализе заметное место заняло изучение перформативного аспекта, связанного с пониманием дискурса как властного ресурса [10]. «Структурно, – пишут авторы, – дискурс как символический властный ресурс или символический капитал состоит... из диалектического соединения следующих планов: 1) интенциональный план (властные интенции, стратегии, замыслы); 2) актуальный план или перформанс (реализация властных интенций в живой деятельности, имеющей знаково-символический характер); 3) виртуальный план (план распознавания и понимания смыслов, ценностей, идентичностей, репертуар интерпретаций); 4) контекстуальный план (расширение смыслового поля на основе социокультурных, исторических и иных контекстов); 5) психологический план (эмоциональный энергетический заряд, содержащийся в дискурсе и придающий дискурсу суггестивную силу); 6) осадочный план (запечатление всех вышеназванных планов в виде документов, литературных, художественных, архитектурных и иных памятников культуры)» [10, с. 162].

Исследование дискурса травелога в его разнообразных видах и жанрах [9] демонстрирует самое широкое использование перформатива (перформативных высказываний).

Во-первых, самые древние продукты изустного народного творчества – сказания – в принципе и были дискурсом-предписанием каждому члену племени, не только объяснявшим весь мир («в мифе есть все»), но и, не различая прошлого, настоящего и будущего, задавали универсальные надвременные схематизмы поведения.

Во-вторых, огромный корпус текстов травелога в жанре путеводителей, карт-схем, лоций, инструкций экстренного покидания в случае ЧП и т. п. – как раз предполагает неукоснительное исполнение связки «слово-дело», за соблюдение чего предусмотрены разнообразные санкции (юридические, экономические, политические и т. п.) и, таким образом, выступает настоящим перформативом.

В-третьих, достаточно обширен корпус текстов травелога в жанре методических советов, самоучителей, инструкций по обучению, руководств по выработке и принятию решений. Он также текстуально насквозь перформативен: обучаемый-инструктируемый выступает Путником, делающим первые шаги по неведомым странам (так их авторы часто и называют свои пособия, стремясь достичь максимального воздействия: «Страна Философия», «Приключения Имярек в мире (далее – на выбор: электронов, атомов и молекул, растений и животных, чисел и букв и т. п.)»).)

В последующем, с появлением работы Ги Дебора, заговорили об «обществе спектакля». Современная справочно-энциклопедическая литература так определяет суть «перформанса»: «Перформанс (английское *performance* – спектакль, представление), направление в неоавангардистском искусстве 1970–80-х гг.: система действий исполнителя или исполнителей, рассчитанная на публичную демонстрацию (например, создание художественного произведения или другой акции обычно абсурдистского толка). В отличие от хеппенинга, перформанс отказывается от непосредственного вовлечения в действие зрителей, от скандально-шокирующих элементов» [11; 14]. Обычно перформанс отделяют от таких сходных явлений, как «инсталляция» и «хэппенинг» [7]. Углубление в смысл сказанного отправляет нас к куда более древнему явлению – так называемым «живым картинам» [6]. Существует мнение, что «Впервые слово «перформанс» было применено к своему произведению-действию композитором Дж. Кейджем в 1952 году, исполнившим на сцене «4'33''» (4 минуты 33 секунды тишины). В афише этого концерта значилось – «перформанс» [6]. Более ригористически настроенные авторы склонны трактовать это явление так: «Перформанс расплодился, когда совершенно явно в культуре стала властвовать нищета духа, дотоле тщательно скрываемая за неумением иных художников проявить себя профессионально. Иными словами, перформанс – прибежище шарлатанов от искусства в сделанной им нише, искусственно присоединенной к искусству же. Правда, вот искусством перформансы назвать крайне трудно. Но о вкусах не спорят, может для кого это и является смыслом выражения себя» [4].

Отвлекаясь от споров о художественных достоинствах явления перформанс, сосредоточим внимание на некоторых, если можно так выразиться, «технологических» сторонах. Действительно, перформанс есть,

во-первых, действие (мимика, жест, речь), самого рассказчика, субъекта действия;

во-вторых, как спектакль, – это наррация, «рассказ», создание образа в восприятии зрителя; другими словами, это постановочное действие, заранее спланированное и «срежиссированное»;

в-третьих, хотя он не вовлекает зрителя в само действие, оставляя ему самому переживать степень действенности создаваемого образа, но он обладает определенным *властно-регулятивным характером, поскольку всеми предшествующими средствами, фактически, задает и даже предписывает зрителю способ восприятия сказанного и представленного и отношение к нему, потенциальную схему взаимодействия с ним (если, паче чаяния, зритель примется повторить пройденный и представленный в перформансе Путь).*

Эти аспекты глубоко роднят перформанс и жанр травелога.

Когда мы задаемся вопросом: травелог является жанром чего? изобразительного искусства? литературы? – мы невольно делаем шаг к «колодецу прошлого», о котором так выразительно сказал Т. Манн: «Прошлое – колодец глубины несказанной». Там, в неизреченных глубинах прошлого, когда человечество растекалось по лику земли в своих непрерывных великих и малых переселениях, когда оно пыталось одолеть немоту и словами передать, сказать, выразить все, что оно переживало в этих скитаниях, – не было еще различия мифа и литературы, субъекта-рассказчика и объективного мира, который он переживает. О.М. Фрейденберг указывает на это на примере древнегреческой культуры: «Греческий роман опирается на очень древний материал. Тут «рассказ» носит субъектно-объектный характер; в нем нет различия между тем, кто рассказывает, что рассказывается, кому рассказывается. Здесь слушающий – это бог; рассказ носит форму молитвы, обращенной к богу – слушателю и зрителю, «пред лицом» которого протекают события. Он, этот рассказ, ведется в первом лице; он – личный рассказ, о самом рассказчике, как и всякая молитва. Его содержание – действия

и бездействия, деяния и претерпевания. Эти два противоположных элемента активности и пассивности и составляют суть древнего рассказа-мифа, передается ли он в словесной или в обрядовой форме. В таком мифе сам рассказчик идентичен своему рассказу; он сам исчерпывается активным и пассивным состояниями в борьбе с противными силами. Как известно, на этом основаны все эпосы, герои которых только и делают, что ведут борьбу или «претерпевают», пока снова не побеждают; на этом обыкновенно рассказ о них искусственно ставит точку» [13, с. 261].

Это объясняет тот факт, что «Структура античных жанров всецело принадлежит фольклору», но в каком смысле? Дело в том, что «Она имеет происхождение в мифологических представлениях, которые в известный исторический момент уже утрачивают свои смысловые функции, хотя и продолжают бытовать. Однако без нового смыслового содержания вчерашние представления существовать не могут. Мифы и обряды ложатся формальной основой нарождающихся в этот момент двух различных идеологических разновидностей – фольклора и религии» [13, с. 14–15].

В какой связи находятся травелог и перформанс?

Перформанс, уходящий своими корнями не только в «живые картины», но куда глубже – в праздники, обряды, магические и культовые действия, несет в себе тот изначальный двуединый заряд «действия-представления» (когда магические и культовые действия совершались лишь «посвященными» (шаманами, жрецами), а все прочие – были лишь в большей или меньшей мере активными участниками, но призванными пережить новый опыт под руководством посвященных).

Праздники, шаманские обряды, культовые магические действия – все они содержат в своей структуре важный элемент представления, некоего спектакля, обязательного зрелища, в котором главный персонаж (шаман, жрец, маг, Учитель, посвященный, старший) через ряд действий (танец, жест, пение, крик, бормотание, заклинание, молитва и т. п.) производит чувственно-наглядное представление зрителю (посвящаемому, больному) набора некоторых важных сил, мощно влияющих на жизнь человека (духов, демонов, злобных или добрых сил, существ или сущностей),

через посредство чувственно-предметного мира: костюмы, маски, жезлы, знамена, музыкальные инструменты, твердые и жидкие, ароматические вещества, пищу, световые и звуковые эффекты, растения и животные, а затем производит некоторые операции с ними (или их вещно-предметными заместителями): «отгоняет», «задабривает», «обманывает» и т. п.

При этом важно помнить: перформанс обязательно измеряется успешностью – достигнута ли была поставленная цель. Для театрального спектакля, сценического зрелища это тоже важно, но не обязательно; перформансу это необходимо для существования.

Обряды инициации были призваны, по сути, провести посвящаемых по суровому и даже жестокому пути, состоящему из ряда испытаний, в конце которого возникал «новый» человек (менялось имя, менялся социальный статус). Но обряд – не перформанс, он предусматривает обязательное «всамделишное» непосредственное, не отстраненное участие. Обряд лишь в дальнейшем отложился в своем формально-технологическом аспекте в виде празднеств, театральных представлений, спектаклей, в которых на первый план выступает зрелищность и наррация.

Травелог как форма субъективно-творческого освоения действительности в виде рассказов (повествований) о реальных или вымышленных путешествиях включает в себя довольно значительный пласт перформанса: в травелог обязательны две фигуры – рассказчика (Путника) и слушателя (слушателей). Одной из важных ипостасей Путника в истории мировой культуры выступает Гость. Первой обязанностью Гостя является рассказ, повествование о Пути (цели, препятствия, приключения, сведения о городах и странах и людях). Так, в пушкинской сказке о царе Салтане в подражание традиции устного народного сказительства троекратно повторяется сцена приема царем заморских гостей с обязательным предложением поведать о том, что «за морем житье – не худо, в свете ж вот какое чудо...».

Гость (Путник, Сказитель) обязан угодить хозяину максимально интересным рассказом об увиденном, услышанном и т. п. Поскольку Гость-Путник в своих странствиях сталкивается с Неведомым, возникает естественная трудность передать это неизреченное всеми доступными

средствами – речью (вербально), мимикой, жестами, интонацией (невербально). Проблема достоверности и понятности рассказа, повествования выступает во всем: топография и топонимика, перевод, несоизмеримость величин (пространства, времени), несоизмеримость ценностей и смыслов (иноземцы едят не ту пищу, не таким способом, не в то время, не в том месте; вступают в «противоестественные» отношения друг с другом, с животными; молятся не тем богам и т. п.), ведут неправильный «противоестественный» образ жизни.

Поэтому Гость-Путник должен изобразить и представить все сказанное максимально наглядным, действенным образом.

Травелог в форме жанра литературы не утрачивает перформативного аспекта, последний лишь модифицируется, сообразно новым, нарабатываемым средствам:

– путеводители, карты, лоции, схемы движения и т. п. сообщают координаты важных объектов на Пути, направления движений, относительные размеры и длительности, границы и прочие ограничения (пункты пограничного и таможенного контроля, запретные зоны, сезонные ограничения (зимники, трассы сплавов по рекам, проходы по тропам через перевалы и т. п.)). Прочерченные, установленные и закрепленные (предписанные) маршруты движения тем более обладают властно-распорядительным характером, поскольку в значительной степени ограничивают возможные отклонения в пространстве, времени, характере передвижения и т. п. Таким образом, повествование о Пути (описание маршрута) приобретает характер жестко заданного сценария будущего Спектакля-Отчета о путешествии. Повествования пилигримов-странников, путешествующих по святым местам, обладают для слушателей нормативным характером (как и где и каким образом можно и нужно почтить места поклонения).

Отдельно необходимо сказать о травелог в форме отчетов научных экспедиций, в которых перформативный аспект становится обязательной частью достоверности повествования. Для достижения максимального эффекта достоверности используются все потенциальные возможности перформанса: макеты, чучела, гербарии, зарисовки, фото-, кино-, аудио-, видеосъемка, образцы горных пород и изделия народных

промыслов и т.п. Отчеты выдающихся ученых-первооткрывателей об экспедициях (Т. Кук, Ч. Дарвин, Н. Миклухо-Маклай, Н. Пржевальский, П. Семенов-Тяньшанский и мн.др.) соединяют в себе достоинства «живых картин», спектакля, зрелища и представления, обладающих мощным воздействием на зрителя-читателя.

Вообще, перформативные свойства научного травелога – например, в форме методического наставления или руководства, «решетки» и т.п. – давно и хорошо известны. На использовании этих свойств основывается перспектива повышения усвояемости учебного или научного материала: наличие самостоятельной субъективно-личностной позиции ученого-преподавателя-учителя, который «пропускает» учебный материал «через себя» и тем делает его ближе ученику-зрителю, выражая и дополняя это мимикой, интонацией, жестом; использование наглядных пособий (чертежи, схемы, таблицы, диаграммы, макеты, действующие модели и т.п.) зрелищно обставляет спектакль, призванный наглядно и убедительно продемонстрировать движение мысли, пути познания. Разбор «конкретных» примеров, частных случаев из «жизни», производимый в специальном помещении, где есть зритель (аудитория), есть сцена (кафедра, трибуна), есть декорации (сколь угодно минимальные) – создает эффект настоящего спектакля, «театра одного актера», ставящего зрелищное действо под названием «Лекция по аналитической геометрии» или «Сопроотивление материалов». Не случайно аудитории для практического изучения анатомии человека назывались «анатомическими театрами», а описания лекций выдающихся ученых и педагогов (Т. Грановский, Н. Пирогов, С. Аверинцев, М. Мамардашвили и др.) похожи на рецензии на спектакли.

Перформативный аспект отчетливо можно наблюдать в том действии, которое оказывает художественная литература, повествующая либо о путешествиях и странствиях людей по странам и континентам («литература приключений»), либо о странствиях души в поисках ценностей и смыслов (исповеди Августина, Руссо и Толстого, «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Гете, «Записки охотника» И. Тургенева, «Очарованный странник» Н. Лескова, «Мои университеты» М. Горького, «Путешествие на край

ночи» Ф. Селина, «Путешествие в Икстлан» К. Кастанеды). Читатель становится зрителем «рассказа-спектакля-зрелища», т.е. созданной литературно-художественными средствами картины некоторого мира – часто знакомого и неведомого одновременно. Перформативный аспект «путеводной» литературы, выступающей «учебником жизни» (а писатели – «инженеры человеческих душ»), наиболее полно и синтетически выражается в воспитательном значении и воздействии литературы, если она воспринимается и становится, действительно, «учебником жизни». Ее литературно-художественные герои, пусть и являющиеся продуктом художественного вымысла, фантазии, тем не менее, выступают образцами поведения, задают смысло-жизненные ориентации, объясняют, «делать жизнь с кого».

В завершение можно сказать, что развитость и мастерство исполнения именно перформативного аспекта в дискурсе травелога придает ему максимальную действенность (эффективность) и убедительность. Как тонко заметили выдающиеся писатели современности – А. и Б. Стругацкие, – перед писателем-фантастом стоит особенно трудная задача: ему необходимо при помощи минимальных средств создать, построить некий фантастический, вымышленный мир, в который читатель поверил бы, который воспринял и в котором события и поступки героев произведения были бы органичны. Но ведь, с другой стороны, с этой проблемой сталкивается каждый писатель, каждый рассказчик (только народный сказитель может апеллировать к тому, что это не он все выдумал, а что так сказывали еще «отцы наших дедов»). Поэтому правомерно говорить о «мирах» Гоголя, Достоевского, Лескова, Горького.

1. <http://phraseology.academic.ru/5242/>.
2. <http://works.doklad.ru/view/eEsP5q7Vqh4/6.html>.
3. <http://works.doklad.ru/view/eEsP5q7Vqh4/6.html>. Это весьма примечательно и характерно, как мы увидим, для дискурса травелога, особенно его древних видов и жанров: сказаний, эпоса. Не менее важное значение имеет интенциональный план перформатива, органично входящий в интенциональный план дискурса травелога.
4. <http://www.rusyaz.ru/is/ns/performance.html>.
5. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1986. Т. 45. № 3. С. 28–36.
6. Большой энциклопедический словарь <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/128874>.
7. В. Березкин. Перформанс / Энциклопедия «Кру-

госвет» // http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_iskusstvo/PERFORMANS_ART.html.

8. Падучева Е.В. Соотнесение высказывания с действительностью. М.: ЛКИ, 2001. С. 103.
9. Русаков В.М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс-Пи: Научный журнал. Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2013, вып. 11–12. С. 304–306.
10. Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс./Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (серия «Дискурсология». Вып.1) – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 151–164.
11. Современная энциклопедия. М., 2000 // www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/36586.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка.
13. Фрейденберг О.М. Миф и литература Древности. М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН. 1998. С. 261.
14. Фрай М. Перформанс // Арт-азбука современного искусства.

1. <http://phraseology.academic.ru/5242/>.
2. <http://works.doklad.ru/view/eEsP5q7Vqh4/6.html>.
3. <http://works.doklad.ru/view/eEsP5q7Vqh4/6.html>. E'to ves'ma primechatel'no i karakterno, kak my uvidim, dlya diskursa traveloga, osobenno ego drevnix vidov i zhanrov: skazaniy, e'posa. Ne

mence vazhnoe znachenie imeet intencional'nyj plan performativa, organichno vxodyashhij v intencional'nyj plan diskursa traveloga

4. <http://www.rusyaz.ru/is/ns/performance.html>.
5. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1986. Т. 45. № 3. С. 28–36.
6. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar' <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/128874>.
7. V. Bereskin. Performans / E'nciklopediya «Krugosvet» // http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_iskusstvo/PERFORMANS_ART.html.
8. Paducheva E.V. Sootnesenie vyskazyvaniya s dejstvitel'nost'yu. M.: LKI, 2001. S. 103.
9. Rusakov V.M. Mnogoobrazie vidov i zhanrov traveloga // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal. Pod red. O.F. Rusakovej. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2013, вып. 11–12. С. 304–306.
10. Rusakova O.F., Spasskij A.E. Diskurs kak vlastnyj resurs / Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz. (seriya «Diskursologiya». Vyp. 1) – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 151–164.
11. Sovremennaya e'nciklopediya. M., 2000 // www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/36586.
12. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka.
13. Frejdenberg O.M. Mif i literatura Drevnosti. M., Izd. firma «Vostochnaya literatura» RAN. 1998. S. 261.
14. Fraj M. Performans // Арт-азбука современного искусства.

UDC 11.6

PERFORMATIVE ASPECTS IN THE DISCOURSE OF THE TRAVELOGUE

Rusakov Vasilii Matveevich,

Institute of International Relations,
Head of the Chair of Philosophy and Culturology,
Doctor of Sciences (Philosophy), full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Skvortsov Oleg Georgievich,

Institute of International Relations,
Head of Department of linguistic and cultural studies,
candidate of Philological Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: skvortsov@ims-ural.ru

Annotation

We study methodology of linguistic-cultural approach to the performative aspect of the discourse of the travelogue.

Key words:

performance, performative, performative aspect, discourse, travelogue, discourse travelogue.

ТЕОЛОГИЯ НЕВРОЗА

Романов Андрей Владимирович,

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета.

Аннотация

Развивается психоаналитическая концепция возникновения и воспроизводства религии и религиозных представлений, актуальные аспекты применения психоаналитических категорий фрустрации, невроза, а также отчуждения и адаптации.

Ключевые слова:

религия, невроз, отчуждение, фрустрация, адаптация.

«Кто бы знал, из какого сора растут» религиозные образы, «не ведая стыда». Как говорит Вениамин Смехов: «Главное качество советского человека – это невроз». Дискурс религиозности и богословия невроза определен исследованиями З. Фрейда. Представителями психоанализа – наряду со Шлейермахером, Фейербахом, Марксом, Дюркгеймом, Юнгом, Тиллихом, Маслоу – отрицается специфическое «религиозное чувство», «опыт», право религии на собственное основание и предмет.

В работе «Будущее одной иллюзии» Фрейд отмечает, что по мере социализации, приобщения к культуре, взросления и формирования сферы суперэго, индивид неизбежно проходит стадию невроза (которая характеризует и «детство» самого человечества). Невроз возникает как следствие репрессирования тех влечений, которые не могут быть удовлетворены. Защищаясь от чувств зависимости и тревоги, связанными с образами враждебного внешнего мира (и проявлениями собственного бессознательного), человек стремится антропоморфизировать природу по образу своему и подобию. Силы природы в его восприя-

тии трансформируются в образы всемогущих богов.

Согласно классическому постулату Фрейда, религию «можно было бы считать общечеловеческим навязчивым неврозом» [5, с. 131]. Невротичность оснований религии есть проекция faith-веры. Это религиозность, которая не ограничивается рамками культуры и несводима к сфере интеллекта, она не опирается ни на авторитет, ни на Писание, ни на традицию.

Но подобные невротические комплексы коренятся не только в амбивалентности детского и общечеловеческого Эдипова комплекса («kill your father – fuck your mother») – более сомнительного и метафизического, когда суррогатом отца может быть образ как лошади (сюжет о «маленьком Гансе»), так и Бога, но эти комплексы коренятся и в основаниях более очевидных – неудовлетворенности потребностей.

В проекции религиозности закона религия также есть основа подавления «инстинктов», фрустрации потребностей. Тем самым она формирует неврозы, агрессию, патологические тенденции в целом. «Фрустрированность», «не-

вроз», «отчуждение», «чувство вины» «комплекс греховности», «неосуществленность значимого», «состояние зависимости», «стремление к ценностям» – понятия, пересекающиеся по смыслу, с разных сторон фиксирующие одно и то же ментальное состояние. Еще апостол Павел в «Посланиях к евреям» замечает: не имея «постоянного града», человек ищет будущего (Евр. 13:14). И еще до него напротив восточной стены Иерусалима, на Масличной горе было сказано: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4). Страдания, «слезы души христианской», сораспятие, кровь, Голгофа – все это символы фрустрации. Мы обращаемся к Богу, когда нам плохо. Как говорит один из философов современности М.М. Жванецкий: «Наш человек всегда много пил потому, что мало ел. Если он будет больше есть, он станет меньше пить».

Кризис личности и общества ведет к укреплению религии. Ее развитие есть символическая проекция углубления кризиса человека. В период кризиса одновременно и параллельно возрастает уровень алкоголизации, наркоманизации, агрессии, невротичности, психопатологии, игровой зависимости, аморализма населения и, наконец, возрастает степень религиозности. Не трудно усмотреть единый корень у этих, казалось бы, разнородных явлений – фрустрированность базовых потребностей. Именно в нем коренится «естественная религиозность человека». «Мутность», неопределенность и метафизичность религиозных терминов – один из критериев невротичности их оснований.

Навязчивый невроз, отмечается Фрейдом, – это психическая копия религии. Невроз определяется как индивидуальная религиозность. Религия – как универсальный, всеобщий для всех невроз таких навязчивых состояний, как бессилие (проявляемое в чувстве страха) и чувство вины (проявляемое в комплексах греховности). Первое состояние проецируется в атрибуте всемогущества Бога, через призму второго Бог предстает как Благо и Судия (нет глубокого покаяния без искреннего греха). Изучение религии невозможно без анализа биографии индивида и человечества. Не образованность, не «ум», но наличие или отсутствие детских и более поздних страхов,

трагедий, комплексов определяет наличие или отсутствие религиозности. Все мы в той или иной степени верим в духов, «бабаек», НЛО. Но без серьезной психической травмы сложно исходить из того, что все хорошее возможно только от Санта Николауса или от Бога.

Человек также может подпадать под власть коллективного невроза. Это проявляется в виде фанатизма, гонений на «еретиков» и «сектантов», инакомыслящих, в экстремизме «во славу Бога», в сакральных убийствах и самоубийствах.

Невротик неизбежно приходит к магии, ритуализации поведения, религии. Технология терапии невроза «секулярного» неотличима от терапии невроза религиозного. В рамках доминирования официальной, «утвержденной парткомом» религиозности происходит монополизация предмета невроза.

Так же как понятия «мазохизм», «садизм», «некрофилия» с начала середины XX века перестают быть медицинскими и психиатрическими, превращаясь в понятия культурологические, так же и «невроз» становится понятием богословским, философским.

В качестве культурного феномена религия, согласно Фрейду, проецируясь на уровне суперэго, выступает в качестве системы табу, норм, запретов. Обуздывая человека, она защищает общество (и самого человека) от его собственных влечений, которые, не удовлетворяясь, репрессированы и вытесняются в бессознательное. Религиозные ритуалы символизируют «воздержание», отречение человека от естественных и одновременно «греховных» стремлений, которые подавляются системой табу. Они вытесняются в сферу бессознательного, откуда оказывают влияние на мотивацию, поведение индивида и человеческую культуру в целом. В рамках амбивалентного отношения стремление совершить «искусительное» деяние сочетается со страхом нарушения табу.

Фрустрированность, порождаемая неудовлетворенностью потребностей, проистекает из чувства зависимости. Чувство предельной зависимости определяет опыт «misterium tremendum» (Р. Отто) и – через атрибут всемогущества – соответствующий образ ветхозаветного Бога Отца.

Религиозность подобна «многообразию» поведения людей на «Титанике» жизни: кто-то напивается вдрызг, кто-то предается сексу или отталкивает женщин и детей от шлюпок, кто-то лазит по ящикам в поисках чужих денег и сокровищ, кто-то молится и ждет неминуемого приобщения к Вечности. Делают все, чтобы забыться перед неминуемым погружением в бесчувственную ледяную бездну. В религиозном восприятии социальный страх превращается в божественный ужас. Повседневный опыт зависимости – в представлении о постоянстве действия всемогущего Бога Отца.

Любое состояние фрустрированности любовью потребности – от зубной боли до поиска смысла – молитвенно. Насколько человек растворен в опыте бессилия, настолько осуществление значимого для него есть континуальность дара, настолько он – существо получающее и просящее.

Религиозность – удел обществ отсталых, малоэффективных, для которых характерна коррупция, неравномерность распределения материальных благ, большой процент бедняков, наименьший ВВП на душу населения. Религиозность – форма психологической защиты, помогающей справляться со стрессом и тревогой в обществе с низким уровнем социальной стабильности и защищенности [10; 3].

Как говорит М. М. Жванецкий: «Жизнь в России – тревожное ожидание». Если весь мир движется по пути секуляризации, то Россия направляется в противоположную сторону, в «мезозойскую» эпоху церковно-колдовской «духовности» и идеологической клерикализации слишком многих сторон жизни общества.

Неврозы навязчивых состояний – это неконтролируемые образы, страхи, которые преследуют человека и не зависят от его воли. К ним относятся как «оговорки», повторяющиеся темы сновидений, ассоциативные формы забывчивости, описки, «ритуальные» действия, так и религиозные образы. И рациональное мышление подвергается влиянию навязчивых невротических состояний.

Фрейд отождествляет обсессивно-компульсивные состояния (obsession – «одер-

жимость» как следствие compulsive – «принудительности»), неврозы навязчивых состояний с религиозными ритуалами [4]. Посредством табуирования, блокирования удовлетворения прежде всего агрессивных и сексуальных влечений, репрессированные в бессознательное «греховные» стремления осуществляются в навязчивых действиях и ритуалах. Религиозные ритуалы подобны действию невротиков. Устойчивые состояния, в частности, репрессированной агрессии, обуславливают восприятие внешнего мира в качестве враждебного и «нечистого», что символически проявляется в невротически избыточной чистоплотности, в повторяющихся ритуалах омовения. Ритуалы – это повторяющиеся стереотипные действия, лишённые непосредственного смысла и неадекватные ситуации. Окружающие более способны осознать бессмысленность и неадекватность поступков невротика, но сам он не в состоянии от них избавиться. При их осуществлении он чувствует облегчение и защищенность от метафизической, невидимой, но реальной для него угрозы. Абсурдные в отношении действительного ритуальные невротические действия человек стремится обосновать, рационализировать, находя в них «разумные» основания. Поведение невротика требует «демифологизации». Оно символично: преисполнено скрытого смысла как проявления неосознанных, репрессированных мотивов и представлений. Невроз есть стремление преодолеть негативные состояния (и эмоции), определенные прежней фрустрированностью потребностей, и достичь удовлетворения. Поэтому, невротическое, ритуальное поведение действует катарсически. Оно снимает – временно – напряжение, тревоги, дает удовлетворение, чувство радости.

Обсессивность («навязчивость») состояний полагается в качестве «одержимости Богом». Бессознательность действия неврозов в детерминации человеческого поведения отождествляется с непостижимой человеческим разумом волей божией.

Религия, отмечает З. Фрейд, есть иллюзорное исполнение древнейших навязчивых желаний человечества, проецирует всеобщие желания человечества [5]. Тайна силы религиозных обра-

зов как иллюзий кроется в силе человеческих желаний. Рациональность религиозных суждений заключается не в опоре на аргументы, а в степени проективного удовлетворения фрустрированных потребностей. Религия не является мышлением. Невротичность религиозности – обратная сторона ее аксиологичности.

Давление сверх-я определяет чувство вины, являющееся основой формирования неврозов. В силу извечного противоречия между Ид и Суперэго на уровне Я человек испытывает чувство страха и вины. Каждый человек бессознательно чувствует себя преступником («пере-ступающим» через запреты). «Бытийное» чувство вины проявляется в иудео-христианской концепции первородного греха: еще не родившись и ничего не совершив, человек изначально виновен перед Богом.

Отношение человека к Богу проецирует отношение беспомощного, инфантильного ребенка к всеильному отцу.

Величина ultimate concern («предельного интереса») П. Тиллиха определяется степенью неудовлетворенности, фрустрированности, невротичности потребностей. Люди, которые не принимают жизнь и не могут жить, легче воспринимают идею посмертного воздаяния. Полнота проективного, символического, компенсаторного бытия оборачивается неполноценностью жизни повседневной. Бог есть ницшеановское символическое «нет» жизни. Повседневные невзгоды, неполноценность являются основанием проективно-компенсаторного эскапизма. «Нет» жизни есть «да» – трансцендентным проективным возможностям. Бог есть «клевета на «посюстороннее» (Ницше) [1], реакция на «ничто», пустоту жизни. С одной стороны, образ Ада и Рая, ангелов определен взаимным влиянием традиций, влиянием зороастрийства на иудаизм. С другой стороны, они обусловлены устойчивыми состояниями сознания. Образ Ада и Рая детерминирован кармическими установками. Как пишет мастер афористики Олег Илиеш, «у всякого светлого будущего есть своё тёмное прошлое». Для православных Пасха – праздник более значимый, чем Рождество. Рождество знаменует сакральность гуманизма, любви. Пасха – посмертного воздаяния.

Религия есть символически выраженная, спроецированная во внешний мир психология. Невроз метафизичен. Предметом его направленности является не реальная объективная ситуация или субъективное состояние, а трансцендентная проективная реальность. Основанием – невротические «трансцендентальные» структуры человека. (Концепт «невротического априоризма» развивается Фрейдом и Адлером). Невротические состояния, образы и ритуалы есть связь с трансцендентным. «Духовная жизнь» оказывается формой отношения с «духовными сущностями», т. е. связи с невротическими комплексами проективного порождениями. Проективность фрустрационного предмета отождествляется с его «духовностью». Установка, определенная выраженной фрустрированностью потребности направлена на сверхудовлетворение («гиперкомпенсацию» по Адлеру). Достигаемые сверхрезультаты осуществляются в сфере не объективной, но «субъективной». Невротическая реальность противостоит «чувственному», сенсорному восприятию. Основания религиозной метафизики невротичны. И по этому основанию религиозная метафизика отождествляется с мифологией и суевериями.

Религия проективно опредмечивает неосуществленные желания человека. Удовлетворение в ментальной сфере отождествляется с достижением целей в сфере физической. И вера в Бога выступает в качестве уверенности в константности возможности удовлетворения значимых потребностей.

Атеизм – мировоззрение более интеллектуальное и более стрессогенное, чем религия. Как отмечает один из ведущих «когнитивных религиоведов» Паскаль Бойер: «Атеизм всегда будет сложнее продавать, чем религию» [9].

Религия, отмечает Фрейдом, – это иллюзия, в рамках которой желаемое выдается за действительное. Религиозные образы отождествляются с невротическими фантазиями, галлюцинациями, бредовыми идеями. «Они не являются подытоживанием опыта или конечным результатом мысли», но есть «реализации самых древних, самых сильных, самых настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний» [5, с. 131]. Фрустрированная личность живет в сфере

фантазий, проекций, невидимой для окружающих реальности. Невротическое восприятие – это знание симулякров, того, что лишено объективного существования, «знание того, чего нет». Неврозы, порождая иллюзорные образы и реальность, мешают постигать действительность. Не только идола, но и Боги являются собственными творениями человека. Для Фрейда разрушение иллюзий посредством их рационализации является формой устранения неврозов. Человек «знает» о Боге из своего собственного «экзистенциального» опыта. Религиозные убеждения объективно обосновательны и свидетельствуют о расстройстве познавательной способности. С научной, гносеологической точки зрения ни одна религия не является истинной. Метафизический, экстрасенсорный («сверхчувственный») религиозный опыт является источником информации не о внешнем мире, а о психических, «экзистенциальных» состояниях субъекта. Религия есть не «сознательное» т.е. ложное (хотя зачастую и оно имеет место) искажение действительности, но искажение бессознательное. Религия – сказки для испуганных взрослых. «Лестница в небо» оказывается входом в универсальный для всех невротический кинотеатр.

Невротик адекватен в отношении не ситуации, а собственных устойчивых состояний психики. (Например, в состоянии голода, усталости человек ведет себя компульсивно, ориентируясь не на внешние условия, а на внутренние фрустрационные состояния). Стимулом к поведению для него служат собственные неврозы и – в его восприятии – та проективная метафизическая реальность, которая ими порождается. В своей практике З. Фрейд был удивлен неспособностью пациентов понимать однозначный для психоаналитика смысл собственных воспоминаний и сновидений. То, что было ясно для З. Фрейда, пациенты однозначно отрицали. Если мы посылаем письма в Лапландию, это не значит, что там живет Санта Клаус. Если миллионы людей постоянно дуют на холодную воду, это означает, что это не вода, а молоко и оно всегда горячее или то, что эти миллионы человек в свое время обожглись на молоке? Как подчеркивает К.Г. Юнг, метафизические суждения есть психологические

высказывания. Необходимо «признать недостоверность какой бы то ни было метафизической позиции, в том числе недостоверность всех вероисповеданий» [8]. Человек поклоняется призракам, порожденным собственным сознанием.

Никаких веских доказательств для веры в Бога не существует. Б. Рассела – атеиста – спросили, чем он станет объяснять свой атеизм при встрече с Богом. «Недостаточно доказательств, Господи, недостаточно доказательств», – ответил лорд Бертран. И не корректно говорить об «истинности» одних религий и «ложности» других. Гносеологически они все ложны.

Воздействие религиозной идеи подобно обману, манипуляции. Мишенью манипулятора является невроз. Манипулятор работает с невротической реальностью объекта воздействия, который, чем более фрустрированы его потребности, тем более «обманываться рад». Религиозная индоктринация, вербовка – без особых зазрений совести – осуществляется миссионерами в тюрьмах, армии, онкологических отделениях больниц. Как весьма «по-сектантски» формулирует евангельский Христос: «Я сделаю вас ловцами человеков» (Мтф. 4:19). На фоне длительной тотальной фрустрированности потребностей установка невротика – «получить все сразу», обрести абсолютное удовлетворение одномоментно. Что соответствует предлагаемой главной («гарантированной фирмой») услуге церкви – обрести посмертное вечное блаженство.

Так же как невротик не может являться психоаналитиком, в той же степени «верующий» может быть религиозным философом, богословом но не может – философом или психологом религии. Мы стремимся обосновать неизменные структуры собственной психики. Богословие выступает формой апологетики, рационализации неврозов. Религиозная личность тяготеет к защитам в виде репрессии и отрицания в процессе осознания оснований собственной религиозности (боится их осознать). Научный натурализм в поиске естественных оснований сверхъестественного автоматически не может не «оскорблять религиозные чувства».

Невроз есть трансцендирование за границы не только реальности, но и социальных

норм. Невроз асоциален, он изолирует личность от общества и реального, адекватного решения жизненных проблем. Религиозные ответственность и служение обществу также носят трансцендентный характер, в реальной ситуации проявляясь в асоциальности и безответственности. Невротические состояния противостоят логике, способности к состраданию, поддержанию дружеских, любовных отношений, социальным чувствам, стремлению к жизни. Фрустрированная личность ищет и находит высшие оправдания для своего дистанцирования от решения реальных проблем – устранения коррупции в стране, противостояния тоталитаризму, адекватного воспитания собственного ребенка. Тем самым она движется по пути атрофирования «социального интереса», адаптивных – социальных, семейных – установок и навыков. Окружающие мир и люди представляются ей субстанционально виновными, являя тотальную систему, обеспечивающую фрустрацию, состояние неудовлетворенности невротика. Он постоянно обуреваем чувством обиды, «оскорбленности религиозных чувств».

Невротик делает то, что должен сделать. В период обсессивной активности он лишен выбора и ответственности, совести, чувства стыда и вины (каковые могут возникать лишь после завершения обсессии). Свои действия он рассматривает в качестве проявления фатальной необходимости, данной свыше, от Бога. Ограничения этих действий со стороны рассматриваются как святотатство. Расстаться для него со своими «убеждениями» и «истиной» – смерти подобно.

Религиозность тождественна агрессивности. Оба эти состояния проистекают из одного основания – фрустрированности потребностей. Каждая конфессия грешит эксклюзивизмом, отрицающим религиозный плюрализм. «Диалог религий» – есть диалог невротических стилей восприятия, характеризующийся нетолерантностью, амбициозностью, нетерпимостью. Окружающий мир превращается в универсальный предмет отчуждения. Реакция невротика – в интервале между сентиментальностью и агрессивной нетерпимостью. Его действия лишены сомнения, преисполнены уверенности. Он характеризуется

крайними формами «упертости»: ради осуществления своей фрустрированной потребности готов на все. Если он проявляет жестокость, то эта жестокость абсолютно лишена милосердия. Ради проявления своих установок он готов на любые преступления, формы асоциальности и аморализма. Он стремится удовлетворить свои потребности, снять психическое напряжение – несмотря ни на что, с риском для жизни. При этом невротик не способен идентифицировать свои действия в качестве агрессивных. Поэтому, самое изуверское преступление – в силу навязчивости его психических оснований – отождествляется с формами сакральности и нравственности.

Религия, меняя не объективную ситуацию, а отношение к ней, предстает в виде системы психологических защит. Сотворенные человеческим восприятием боги устраняют страх перед миром, неизбежностью смерти, примиряют с жестокой судьбой и проективно («иллюзорно») вознаграждают за жизненные страдания. Человеку трудно сталкиваться с этим ужасным миром без веры в Бога. Религия делает бессилие и ужас людей более переносимыми. В ней, как в детских сказках, компенсируется неосуществленность значимого: зло наказывается, добро и страдания вознаграждаются – если не при жизни, то, как гарантирует церковь, после смерти обязательно. Взрослый человек, осознающий себя беспомощным «овном» перед лицом независимых от него внешних и внутренних сил, продолжает нуждаться в защите от всемогущих богов. «Иллюзорный» образ благого и всемогущего Бога – опора и последнее утешение в жизни для многих людей. У невротических личностей защитные психологические механизмы осуществляются, зачастую, в форме магии, суеверий, религиозных ритуалов. Неудовлетворенные потребности проецируются на образ Бога. Их удовлетворение предполагается лишь в результате служения Богу. Человеческая личность находит в Боге свою целостность – через символическое обращение к собственному бессознательному. (Весенние «литургии», посвященные Дионису, высвобождают подавленную сексуальность. Церковные службы усиливают уверенность человека в «спасенности и сохранности»). Психологические защиты – удел не-

вротиков. Они порождаются невротами и формируют их. Без психологических защит, жизнь для человека представляется экзистенциально невыносимой. В религии – через изменение отношения человека к действительности – человеческие состояния беспомощности и ужаса становятся более переносимыми. Согласно Фрейду, человек стремится к религии, которая призвана утешить, дать чувство защищенности. Возможности человека настолько ограничены, что всегда остается достаточно места для сакрально-проективной компенсации недостаточного, веры в посмертную жизнь, в кармическую компенсацию фрустрированных потребностей.

Религия, определяя предмет поклонения и нормы реакции индивида, устраняет невроз дезадаптированности к внешней среде. Неадаптированность, постоянство стресса усиливает индивидуальную подверженность регрессии, возврату к формам поведения и мировосприятию, соответствующим формуле «будьте как дети». Религия выступает формой регрессии, возвращения к ранним, инфантильным формам поведения. Как пишет К. Г. Юнг: «Верующие остаются детьми, вместо того, чтобы стать как дети» [8].

Посредством вкушения просфоры и вина – в проекции фиксации оральной стадии – человек приобщается не столько к Сыну, сколько к Богу Отцу, и не столько к Отцу, сколько к Богоматери. В этом случае – вызывающие чувство «духовного» удовлетворения – процесс поглощения пищи, поцелуи, целования икон и рук священников приобретают литургический характер.

Если у индивида проблемы с самоактуализацией, то Бог для него предстает как то, что «больше, чем личность». Авторитарная зависимость воспринимается верующим как форма абсолютной свободы.

Верующий – это взрослый ребенок. В рамках невротической идеализации представление о себе характеризуется добродетельностью, богоизбранностью, святостью [7]. Невротик может создавать образ самого себя как существа «духовного», «истинно верующего», и этот образ в его представлении соответствует действительности. Такой образ, Я-концепция не просто идеализирован и не соответствует реалиям, в границах его должно выдаваться за действительное.

Религиозный индивид нуждается в поддержании этого образа со стороны референтной группы.

В рамках рационализации (обоснования тех внешних и внутренних устойчивых состояний, которые мы не можем изменить) утрата воспринимается в качестве обретения, основания трансцендентного изобилия, страдание как «искупительный» источник непереносимого наслаждения. Религиозность есть рационализация пребывания в бездушном мире, полном разочарований, ужасов, страданий и трагизма.

Постоянно призывать других к морали, подчеркивая собственную нравственность, – удел аморальных личностей. Чем больше выступлений политических и церковных чиновников пронизаны манипулятивностью, тем более в них доминирует тема морали. Посредством СМИ мы постоянно убеждаемся, что только официальная церковь перевыполняет «нормы ГТО» по нравственности.

Состояние «религиозного утешения» при жизни, идея вечного блаженства после смерти на фоне опыта постоянного страдания осуществляются в рамках компенсаторной проекции в отношении образа Бога, идеи Царства Божьего (в которое войдут только «бедные»). На фоне тотальности смерти человек обречен на веру в бессмертие. Усиление фрустрации, отсутствие вознаграждения обостряет кармическую установку на воздаяние свыше.

З. Фрейд в работах «Будущее одной иллюзии» и «Достоевский и отцеубийство» отмечает характерное для русского этноса стремление не вытеснять греховные, деструктивные желания, а компенсировать их проявление раскаянием, предполагающим совершение нового греха. Сделка с совестью как типичная русская черта, полагает он, заключена в слабости суперэго.

Религиозное мышление осуществляет репрессирование, вытеснение в бессознательное мыслей и стремлений, оцениваемых «божественным» суперэго в качестве греховных. Идентификация с церковью, религиозной группой, образом Бога одновременно ослабляет комплекс неполноценности, снижая уровень тревожности.

Необходимо не забывать, что все психологические защиты кроме сублимации, давая

временное и частное ослабление тревоги, в стратегической перспективе ведут к еще большей невротизации. В частности, рационализация (обоснование) необходимости принятия собственного трагичного бытия оборачивается вытеснением его неприятия и соответствующими невротами и агрессией.

Религия придает жизни проективный, «киллюзорный» смысл в условиях агрессии абсолютной бессмысленности. Во фрустрирующих ситуациях религия, не выступая фактором изменения внешних условий, проявляется в виде системы психологических защит, являясь формой капитуляции, отступления перед объективной ситуацией. В Индии (как во многом и в России) кинематограф выполняет религиозную функцию.

Российский чиновничий аппарат стеной стоит за укрепление отечественной религиозности. Положительная эволюционная функция религии та же, что у наркотика и алкоголя. И в этом смысле религия способствует выживанию и размножению человеческой популяции. Религиозные убеждения оказываются гносеологически ложными, но эволюционно полезными. Как отмечает вслед за К. Марксом и З. Фрейдом Э. Фромм, задача религии, стоящая перед политической властью, – предотвратить психологическую независимость масс людей, приводить их в состояние инфантильного послушания перед властью. Религия уподобляется ими наркотику, опиуму («духовной сивухе», согласно поэтической оценке В. Ульянова-Ленина): она 1) предлагает массам удовлетворение, действуя успокаивающе и 2) выступает средством против изменения действительности. Для эксплуататорского меньшинства религия облегчает чувство вины. Для эксплуатируемого большинства дает утешение и определяет эмоциональное принятие их классового положения [6].

Согласно оценке П. Тиллиха, Фрейд выявляет психологические основания христианского искушения. В сублимированном виде либидо присутствует в высших проявлениях культуры и духовного опыта человека. Фрейд, по замечанию Тиллиха, обосновал те догадки, к которым уже давно пришло христианство в рамках традиции монашеского самоанализа. Психоанализ Фрейда носит исповедально-покаянный характер.

Он выходит за границы псевдохристианского табу на сексуальность. Фрейд «является более христианином, нежели эти табу» [2]. Церковь вначале запрещала распространение «еретических», «атеистических», «богохульных» произведений Фрейда. Спустя три десятилетия она использовала психоаналитические аргументы для обоснования христианского вероучения, и сам Фрейд был признан одним из крупнейших христианских богословов XX века.

Религия как основа «духовности» оказывается лекарством страшнее самой болезни. Невротик стремится избавиться от комплекса неполноценности посредством отождествления себя с абсолютом возможностей, престижа, что, в частности, отражается в символике Бога. И в этом смысле религиозность противоположна «воле к власти» (на чем настаивал Ницше), т. е. стремлению к развитию способностей, талантов, самоактуализации. Отчуждение – одна из ипостасей зла. Зло – один из символов отчуждения. Отчуждение – один из символов основания религиозного опыта. Отчуждение, неврозы порождают религиозность. Религия как форма проявления отчуждения и неврозов – есть «зло» и «грех». Один из атрибутов Бога – самоактуализированность личности. Не «отчуждение от Бога» порождает отчуждение человека от самого себя. Но отчуждение социальное и человека от самого себя символизируется в состоянии «отчуждения от Бога». Религиозность, проецируя несамоактуализированность личности, превращается в отсутствие «истинной веры», «святости», отождествляется с состоянием «греха». Не религия устраняет грех. Но состояние греха, то есть отчуждения, невроза порождает религиозность. Религия есть грех.

В современной России состояние отчуждения возрастает...

1. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 644.

2. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – С. 323–325.

3. Тимошенко А. Религия затормозила развитие США // Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/science/258008.html>.

4. Фрейд З. Навязчивые действия и религиозные обряды // Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: Воронеж, 2000.

5. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки бо-

гов. – М.: Политиздат, 1989.

6. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. – С. 357.

7. Хорни К. Ваши внутренние конфликты. – М.: Лань, 1997. – С. 90.

8. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философии. – М.: «Медиум», 1993. – С. 95.

9. Boyer P. Being human: Religion: Bound to believe? // Nature 455, (23 October 2008) // Режим доступа: <http://www.nature.com/nature/journal/v455/n7216/full/4551038a.html>.

10. Gregory Paul. The Chronic Dependence of Popular Religiosity upon Dysfunctional Psychosociological Conditions // Evolutionary Psychology. 2009. V. 7 (3). P. 398–441.

1. Nische F. Po tu stranu dobra i zla // Sochineniya v 2 t. T. 2. – М.: Mysl', 1990. – С. 644.

2. Tillix P. Izbrannoe: Teologiya kul'tury. – М.: Yurist, 1995. – С. 323–325.

3. Timoshenko A. Religiya zatormozila razvitie SShA // Rezhim dostupa: <http://www.gzt.ru/topnews/science/258008.html>.

4. Frejd Z. Navyazchivye dejstviya i religioznye obryady // Zigmund Frejd i psixoanaliz v Rossii. – М.: Voronezh, 2000.

5. Frejd Z. Budushhee odnoj illyuzii // Sumerki bogov. – М.: Politizdat, 1989.

6. Fromm E'. Zdorovoe obshchestvo. Dogmat o Xriste. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. – С. 357.

7. Xorni K. Vashi vnutrennie konflikty. – М.: Lan', 1997. – С. 90.

8. Yung K.G. O psixologii vostochnyx religij i filosofij. – М.: «Медиум», 1993. – С. 95.

9. Boyer P. Being human: Religion: Bound to believe? // Nature 455, (23 October 2008) // Rezhim dostupa: <http://www.nature.com/nature/journal/v455/n7216/full/4551038a.html>.

10. Gregory Paul. The Chronic Dependence of Popular Religiosity upon Dysfunctional Psychosociological Conditions // Evolutionary Psychology. 2009. V. 7 (3). P. 398–441.

UDC 316.6

THEOLOGY OF NEUROSIS

Romanov Andrey Vladimirovich,

Candidate of philosophical Sciences,
Associate Professor,
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia.

Annotation

Search a psychoanalysis conceptions of the religions troughs and patterns, any actual aspects of use concepts neurosis, frustration, adaptation.

Key words:

Religion, neurosis, frustration, adaptation.

УДК 316. 347

О МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ МУЖСКОГО В МУЖЧИНЕ В СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ И СМЕШИВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ГРАНИЦ И РОЛЕЙ)

Зубарев Сергей Михайлович,

Эксперт Русского Психоналитического Общества,
Специалист Европейской Конфедерации Психоналитической Психотерапии,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: zubr@usp.ru

Аннотация

Исследуется концепт мужской идентичности, ее аспекты: структура, демиург, трансцендентное, мысль, действие.

Ключевые слова:

человек, мужчина, инициация, родители, демиург, трансцендентное, действие.

Кто такой мужчина? Слишком широкий вопрос, попробуем его сузить: кого с точки зрения социума принято называть мужчиной? В архаических сообществах ответ очевиден: субъекта инициированного – прошедшего принятую форму специфического испытания, как минимум, общеплеменного. В цивилизованных сообществах с размытыми критериями инициаций – «культурного кода» наличествует неясность, некоторая бесформенность и масса разночтений, но ядро этого кода вычленив всё-таки можно. Поясним, почему ритуал инициации можно назвать культурным кодом. Культура – суть механизм воспроизводства личности вполне определённого типа, особо востребованного социумом в конкретных исторических условиях. Познакомившись, например, с «Венком добродетелей», многие современные читатели будут удивлены: в списке требований, предъявляемых к будущему рыцарству, нет ничего про владение оружием, воинское искусство, верховую езду, балы, турниры и геральдику. Социум предписывает «железным» воинам другие качества:

- 1) чистое воспитание – рыцарство и куртуазность;
- 2) целомудрие;
- 3) кротость;
- 4) верность;
- 5) умеренность;
- 6) осмотрительность;
- 7) стыд;
- 8) скромность;
- 9) упорство;
- 10) смирение;
- 11) терпение;
- 12) любовь (см.: [4, с. 326]).

Отсутствие данных качеств оружием не икупалось, но их сплав с «силовой составляющей» получился любопытным.

Как пример можно привести и «Хомо советикус» (в просторечии – «совок»). У «совков» тоже были дидактические тексты вроде «Пионерской клятвы», Морального Кодекса Строителя Коммунизма, Воинской Присяги и других. Этим текстам соответствовала ритуальная советская практика, формировавшая личность послушную, не рассуждающую,

отказавшуюся от индивидуальных желаний, легко мобилизуемую. «Совок» отходит в прошлое, но современное российское общество стагнирует во многом из-за отсутствия внятного представления, какой именно человек желателен этому обществу сейчас и в перспективе. С одной стороны, «сумма понимания» уже достаточна для выводов, с другой – социальная практика, поддерживаемая режимом, движется по накатанной колее, способствуя воспроизводству тоталитарного «совка» с его стойким отвращением к свободе.

Ярким примером является так называемая реформа образования.

Поскольку внятный код инициации отсутствует, стихийно его замещают тюрьма и армия, как наиболее массовые механизмы.

Но и то и другое – типичные материнские структуры, поэтому мужчин они инициировать не могут [6].

За мужественность выдаются агрессивность, брутальность, психопатическое пренебрежение к любым нормам. Квинтэссенцией такого абсурда является расхожее выражение: «Армия сделает из тебя (разгильдяя, лентяя, алкаша, невежды, наркомана) настоящего мужчину». Каким образом материнская структура может сделать из недоросля мужчину? Матери мужчин не воспитывают в принципе. Виртуальный шанс есть, если речь идёт о действующей армии или её подразделении. Но цена такого мужания может быть смертельно высокой. А в мирно разлагающейся армии никакого возмужания быть не может.

Иногда к псевдомужественности подмешивают ещё героикку. Но К.Г. Юнг убедительно показал, что героичность – доблесть незрелого человека, который обречён на символическую гибель для того, чтобы мог родиться зрелый человек [17].

Итак, мужчины-отцы уводят детей от матерей и подвергают испытаниям. Символически инициация означает смерть неопита. Умирает прежнее природное существо и рождается новое – социальное и духовное.

Эта функция отрыва детей от матери чрезвычайно важна. Известен древнегреческий миф

о похищении Кору Аидом. Кора была дочерью Деметры от Зевса. Однажды юная Кора собирала цветы на лугу. Чем ещё ей было заниматься? Вдруг земля разверзлась, выскочил Аид и утащил красотку в своё подземное царство. Деметра разгневалась и пошла к Зевсу разбираться. Там она узнала, что Аид действовал не без санкции самого верховного божества, оно же папа похищенной. Далее миф повествует о тоске матери по дочери. Тоске, заставившей богиню плодородия забыть про свои прямые обязанности. Растения перестали расти и плодоносить. На Земле наступил голод. Продовольственный шантаж позволил Деметре надавить на бывшего мужа и вернуть дочь, но Аид использовал в качестве последнего аргумента гранаты. В конце концов, был достигнут компромисс: полгода – у мамы, полгода – у мужа.

Кора стала Персефой – могучей и почитаемой едва ли не больше Аида властительницей Подземного мира. Во всяком случае, герои, посещавшие подземку, с просьбами обращались именно к ней. Муж даже не смел с тех пор изменять своей, украденной на свою же шею супруге. А уж она его рогатила со всеми, у кого был допуск на нижний этаж. А потом полгода оттягивалась у мамы. И та, помня про гранаты и семейный долг, не слишком докучала взрослой дочери [2, 3]. В общем, для похищенной девицы всё сложилось удачно. А если бы Зевс не дал той санкции? Сложился бы ещё один незаметный инцест.

Заметим, что инцест опасен не какими-то мифическими генными поломками, а остановкой развития социума, «варящегося в собственном соку». Альдо Нуаре полагает связь матери и дочери самой распространённой, но от этого не менее патологической формой инцеста [11].

В греческом мифе как будто предчувствуется опасность такого развития событий (ведь боги подают пример смертным), и необходимость отцовской волей разорвать патогенную связь.

Для России, страны мёртвых Отцов, эта ситуация более, чем актуальна. В массе некому выполнять отцовскую–мужскую задачу. Некому социализировать, некому инициировать.

Номинальные мужчинки всё чаще остаются застарелыми инфантилами при матери. Или при материнской структуре. Основной конфликт времени проявляется не в противостоянии мужчин и женщин, «отцов и детей», этносов, конфессий, а в оппозиции инфантилов и зрелых людей. Пока что у инфантилов колоссальное преимущество.

Если не хватает личностей для исполнения жизненно важной функции, необходимо создавать механизм, как советовал Ф. Бэкон в «Новом органоне» [1]. Но обсуждение данного вопроса выходит за пределы этой статьи.

Слово «мужчина» вполне нейтральное, если исключить феминистский дискурс. Но слово «мужик» амбивалентно. Оно может выражать как одобрение, так и порицание того, к кому применяется, в зависимости от доминирующей характеристики: если подчёркивается социальный статус, то он невысок, хотя и устойчив. С точки зрения аристократа, мужик – существо подчинённое, бесправное. Ниже его только маргиналы. Основное предназначение мужика – материальное, в частности, сельскохозяйственное производство. Представители «высших» сословий склонны приписывать мужику, представителю низших социальных слоёв, «низшую мораль». Об этом упоминал Ф. Ницше в своей работе «По ту сторону добра и зла». «Презрением клеймят человека трусливого, малодушного, мелочного, думающего об узкой пользе, а так же недоверчивого, со взглядом исподлобья, унижающегося, – собачью породу людей, выносящую дурное обхождение, попрошайку-льстеца и прежде всего лжеца: все аристократы уверены в лживости простого народа. «Мы, правдивые», – так называли себя благородные в Древней Греции» [12, с. 193].

Мужиком можно обозвать того, чей эстетический или гастрономический вкус не обладает, по мнению «аристократа» тонкостью и изысканностью. А поведение отличается грубостью, брутальностью, то есть, несоответствием принятым в данном кругу нормам. Иногда употребляется уничижительное «мужлан».

В криминальном мире воспроизводится упрощённая модель иерархии. «Высшее

сословие» – «воры» – не должны работать. За них работают и обеспечивают отчётность «мужики». Как и в большом социуме, они составляют основную массу. Ниже их по статусу разнообразные нарушители воровского «закона» (к отцовскому Закону относящегося номинально, а по существу являющимся вариацией материнского Каприза) [8].

Это гомосексуальная обслуга, «крысы», воровавшие у своих, сидельцы по позорным статьям и прочие провинившиеся. Мужика без повода трогать не принято. Речь в данном случае идёт о «чёрных» зонах, где доминирует воровской «закон» а не о «красных», полностью подчинённых лагерной администрации [15].

Резюмируя сказанное, отметим, что социальная роль «мужика» сводится к материальному производству. В языке это может артикулироваться в таких выражениях, как «тягловый скот», «рабочая лошадь», «быдло». У него «широкая спина», он вынесет всё, он накормит два миллиона генералов, что особенно актуально для России. А потом, за них же и проголосует.

Его задача – предписанная теми, кто претендует на верховенство – повышать их благосостояние, обеспечивать комфорт. Заметим, что в отсутствие жёстких иерархических установлений, разделение на «аристократов» и «мужиков» реализуется в демократических корпорациях, семьях, в дружеских и даже любовных отношениях.

Иное дело, если в слове «мужик» употребляется сексуальная, гендерная характеристика. В этом смысле «Граф Толстой – настоящий мужик». Заметим, что гендерный «мужик» всегда «настоящий» Причём, эта настоящность – важнейшее дополнение, без которой мужик рискует соскользнуть в свой незавидный сословный статус. Настоящий мужик – не педераст, сколь ни огорчительно это для гендерных уравнивателей.

Тут есть одна тонкость. Внимательно рассматривая, что же определяет «настоящность» мужика (в данном случае мужчина тоже хорошо встраивается в устойчивое словосочетание), обнаружим, что и здесь значительна доля материальных показателей: «Настоящий мужик

обеспечивает семью»; «У настоящего мужчины всегда есть деньги»; «Он никогда своего не упустит» и т. п., как в старом анекдоте про Сухумский заповедник, где назойливый экскурсант донимает экскурсовода некорректными вопросами – мужчина или женщина данный объект. Экскурсовод коротко бросает: «Самэц». Наконец, на очередной типовой вопрос отвечает обстоятельно. «Это самэц. Мужчина только тот, у кого есть дэньги!» Очень легко свалиться в образ мужлана, прикупившего себе статус повыше.

Да, для «настоящего» требуются умение выдерживать давление разного рода, преодолевать невзгоды, сохранять свой путь, вопреки обстоятельствам и тому подобные малозаметные снаружи навыки. Ещё от настоящего мужчины ожидается особая выразительность поступка. Повторим, не эффективность, она быстро рассеивается, а его бытийное качество. Реальное положение мужчины, меж тем, незавидно. Ольга Павлова пишет о широко распространяющейся диффузной сексуальной идентичности. «Основная фабула этой патологии – уход от реальности мужского существования в наркотики, алкоголизм, бешеное зарабатывание денег, промискуитет, перверсную сексуальность...» [14, с. 215.] Эти формы, по крайней мере, отслеживаются в социуме, поскольку затрагивают интересы множества окружающих. Но есть малозаметная окружающим, но оттого не менее патологичная инцестная форма: «... я имею в виду широко распространённую проблему отягчающей связи сына с матерью, доводящей до безумия обоих, где великовозрастное дитя с мужским телом, этакий фонвизинский «недоросль», не имеющий возможности оторваться от своей матери, влачит ежедневное мучительное существование на полном попечении, не желая при этом учиться, зарабатывать, самому пытаться строить свою жизнь. Пожалуй, это крайняя форма потери мужской идентичности в нашу эпоху» [14, с. 216]. Далее Ольга Павлова рассматривает и более мягкие формы инвалидизации мужчины, но, отвлекаясь от этой тягостной картины, попытаемся обнаружить иного мужчину. Для того и добавляем уточняющее

«настоящий», подразумевая, что остальные носители «мужского звания» – не подлинные. А наш поиск направлен, кажется, на нечто реликтовое, рудиментарное, или фантазийное из отдалённого будущего.

Возвращаемся к мужскому поступку, как атрибуту подлинности.

Мужской поступок противостоит не мужскому. Не по-мужски могут поступать многие номинальные мужчины. Но их поступки не называют женскими. Вообще не принято говорить: «женский поступок». Поступить «по-женски» можно. Совершить «женский» поступок – нет. При том, что женщина, безусловно, может и обладать мужеством, и действовать «по-мужски». Отметим только, что для таких действий женщине нужно пространство мужского/самостного мира. В материнском мире это не получится.

Материнский мир, состоящий из матерей и детей, развивается по естественным законам, которые дополняются материнскими же фантазиями и подчинён материнским же капризам. Только в ином – мужском/самостном мире – встречается то, что не сводится к природному началу. Именно там происходит «второе рождение» человека как неприродного (внеприродного) существа.

Потому творцами мира в мифологии всегда выступают мужские фигуры, что может вызывать недоумение у приверженцев «естественного» взгляда. Инициированный мужчина становится Мастером инициаций и чуть не в буквальном смысле формирует «профиль» будущих поколений.

Уточним, что самостный мир реально разворачивается в большом социуме, но и его пронизывают структуры, образованные по образцу материнской семьи, в том числе государство, церковь, школа и многие другие (см.: [6, 7]).

Демиургические черты можно обнаружить в описании Фридрихом Ницше человека «господской расы». Это люди, которые, прежде всего, действуют, устанавливают свои нормы и законы, которые потом становятся обязательными для других, «чувствуют себя мерилем ценностей, они не нуждаются в одобрении, они

говорят: «что вредно для меня, то вредно само по себе», они сознают себя тем, что вообще только и даёт достоинство вещам, они создают ценности» [12, с. 193]. Тут же упоминаются «чувство избытка, чувство мощи, бьющей через край, счастье высокого напряжения, сознание богатства, готового дарить и раздавать» [12, с. 193–194]. Показательна в этом отношении знаменитая надгробная речь Перикла, цитируемая Ф. Ницше (см.: [13, с. 265]). Кого-то из современных читателей она может шокировать, но не забудем, что это говорил об основателях европейской цивилизации один из их числа.

Заглянем чуть дальше – в трансцендентную область и предположим, что отличительной чертой мужчины настоящего является способность мыслить. Это допущение, заметим сразу, не отрицает наличие таковой способности у женщин. Просто женщины могут себе это позволить, а мужчины – должны, если хотят считаться собой.

Второй вопрос – как отличать собственно мысль от мыслеподобных состояний. «Глупость – это то, что думается в нашей голове само по себе, а не нами», – даёт блестящее определение Мераб Мамардашвили [9, с. 142]. Но это значит, что возможно такое усилие, чтобы мыслить самому. Для этого всего-навсего необходимо собирать себя как свободного трансцендентного субъекта, то есть, действовать лично, и именно действовать, а не пребывать в благостных намерениях быть добрым, справедливым, правдивым. «Недостаточно соображать в биологическом смысле слова, нужно ещё что-то. Недостаточно хотеть добра: добро – искусство, то есть сложная техника. Недостаточно хотеть истины: истина – техника» [9, с. 147]. «Добро есть нечто, что каждый раз нужно делать заново, специально, а зло делается само собой» [9, с. 201]. В своём труде М. Мамардашвили обстоятельно изложил, что есть, по его мнению, такая техника реального вхождения в бытие. Не имея возможности охватить весь круг идей данного трактата, обратим ещё внимание на конкретные признаки мышления: оно всегда рефлексивно, то есть мыслящий сознаёт то, что он мыслит. Мышление

извлекает опыт их хаоса явлений и событий. Именно мысль может остановить дурную повторяемость дурных событий, в которых причина беды сокрыта от действующих лиц. Отчасти это комплимент психоанализу, который может быть назван техникой, пресекающей дурную повторяемость. Извлечённый опыт даёт возможность прекращающего поступка (действия).

Ещё один признак – оформленность мысли, в отличие от бесформенности, сопутствующей и заблуждениям, и злу вообще. Таким образом, оформленность, рефлексивность, проявленность мысли в поступке являются необходимыми качествами мужчины. Повторим: это не исключает возможности существования тех же качеств у женщины, но в этом случае они, скорее факультативны, чем обязательны. К тому же, проявляя названные качества женщине иногда приходится совершать компенсаторные усилия, чтобы остаться в своём «гендере». Кроме того, невозможно представлять, что такое предельное состояние включённости в бытие, как подлинная мысль, не может длиться сколько-нибудь долго. И способность к тому в данный миг вовсе не гарантирует способности в будущем. То есть, подлинность – это воспоминание и вечный экзамен. Можно сказать, инициация, вечно дрящущая, подобно агонии Христа.

Впрочем, сама попытка искать мужские характеристики в области трансцендентного парадоксальна. Но, может быть, именно тут удастся нащупать путь к своеобразной трансцендентальной инициации.

1. Бэкон Ф. Новый органон // Ф. Бэкон. Сочинения. М.: Мысль, 1977. Т. 2.
2. Гесиод. Теогония // Гесиод. Полн. собр. текстов. М.: Лабиринт, 2001.
3. Гомер. Гимны к Деметре // Эллинистские поэты. М.: Худож. лит. 1963.
4. Домострой. М.: Худож. лит. 1991.
5. Инцест и кровосмешение: [сб. ст.] / пер. с фр. Н. Поповой, И. Попова. М.: Кстат, 2000.
6. Зубарев С.М. Ужасы родительства. Перемать. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
7. Зубарев С.М. Хрустальный купол фантазий. М.: Академия, 2011.
8. Майер Р. В пространстве – время здесь... История Грааля. М.: Энигма, 1997.

9. Мамардашвили М. Философские чтения. Азбука-Классика СПб., 2002.
10. Мифы народов мира: энцикл. В 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М.: Совет. энцикл., 1991.
11. Наури А. Инцест, не переходящий в действие // Инцест и кровосмешение: [сб. ст.] / пер. с фр. Н. Поповой, И. Попова. М.: Кстати, 2000.
12. Ницше Ф. По ту сторону Добра и Зла. М.: Акад. проект, 2007.
13. Ницше Ф. К генеалогии морали. М.: Акад. проект, 2007.
14. Павлова О.Н. Женское vs мужское: метапсихологические аспекты. Ижевск: ERGO, 2009.
15. Снегов С. Философия блатного языка // Даугава. 1990. № 11. С. 72–77.
16. Элиаде М. Тайные общества, обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999.
17. Юнг К.Г. Либидо: метаморфозы и символы. СПб: ВЕИП, 1994.
1. Ве'кон Ф. Novyj organon // F. Be'kon. Sochineniya. M.: Mysl', 1977. T. 2.
2. Gesiod. Teogoniya // Gesiod. Poln. sobr. tekstov. M.: Labirint, 2001.
3. Gomer. Gimny k Demetre // E'llinskie poe'ty. M.: Xudozh. lit. 1963.
4. Domostroj. M.: Xudozh. lit. 1991.
5. Incest i krovosmeshenie: [sb. st.] / per. s fr. N. Popovoj, I. Popova. M.: Kstati, 2000.
6. Zubarev S.M. Uzhasy roditel'stva. Peremat'. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005.
7. Zubarev S.M. Xrustal'nyj kupol fantazij. M.: Akademiya, 2011.
8. Majer R. V prostranstve – vremya zdes'... Istoriya Graalya. M.: E'nigma, 1997.
9. Mamardashvili M. Filosofskie chteniya. Azbuka-Klassika SPb., 2002.
10. Mify narodov mira: e'ncikl. V 2 t. / pod red. S.A. Tokareva. M.: Sovet. e'ncikl., 1991.
11. Nauri A. Incest, ne perexodyashhij v dejstvie // Incest i krovosmeshenie: [sb. st.] / per. s fr. N. Popovoj, I. Popova. M.: Kstati, 2000.
12. Nicshe F. Po tu storonu Dobra i Zla. M.: Akad. proekt, 2007.
13. Nicshe F. K genealogii morali. M.: Akad. proekt, 2007.
14. Pavlova O.N. Zhenskoe vs muzhskoe: metapsixologicheskie aspekty. Izhevsk: ERGO, 2009.
15. Snegov S. Filosofiya blatnogo yazyka // Daugava. 1990. № 11. S. 72–77.
16. E'liade M. Tajnye obshhestva, obryady iniciacii i posvyashheniya. M.; SPb., 1999.
17. Yung K.G. Libido: metamorfozy i simvol'y. SPb: VEIP, 1994.

UDC 316. 347

ABOUT MALE IDENTITY (ON THE SEARCH FOR THE MALE TO MALE IN THE PRESENT SITUATION CHANGES AND BLENDING OF GENDER ROLES AND BOUNDARIES

Zubarev Sergey Mikhaylovich,

Expert of the Russian Psychoanalytical Society,
The European Confederation of the Psychoanalytical Psychotherapy,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: zubr@usp.ru

Annotation

Search any aspects of the concept of the male to male in the gender roles in the contemporary society.

Key words:

men, Man, initiation, incest, the parent company, the demiurge, the transcendent, the thought, action.

УДК 37.014.53

К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СФЕРУ

Булекбаев Сагади Байузакович,

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана,
доктор философских наук, профессор,
г. Алматы, Казахстан,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Аннотация

Исследуется вновь ставшая актуальной идея органического соединения образования и воспитания, анализируется отечественный и зарубежный опыт, доказываются необходимость социально-политического подхода к организации непрерывного образовательного-воспитательного процесса.

Ключевые слова:

образование, воспитание, непрерывное образование, отечественный и зарубежный опыт организации воспитания и образования.

Современное общество на пороге XXI века встало перед проблемой создания принципиально новой образовательной системы и соответствующей ей методологии. Такая глобальная задача необходимо требует изменения или корректировки самих исходных принципов обучения. Ибо если до второй половины XX века обучение, по сути, строилось на принципе «Получи сумму знаний, усвой ее и этого тебе хватит на всю оставшуюся жизнь», то сегодня даже «красный диплом» высшего учебного заведения не гарантирует того, что через десять-двенадцать лет профессионал не будет безнадежно отставать в своей сфере деятельности.

Помимо этого, тотальная коммерциализация учебных заведений, узкоспециализированная направленность, сокращение часов

на формирование духовных ценностей, морали и многое другое привели к необходимости внесения коррективов в образовательную систему и казахстанского общества. Одним из которых является настоятельная необходимость включения воспитательных элементов в казахстанскую образовательную систему, указанная Президентом РК в его недавнем Послании народу Казахстана. На наш взгляд здесь речь должна, прежде всего, идти:

Во-первых, об общем изменении статуса образовательной сферы в системе общественного производства. Она должна стать приоритетной, т.е. притягательной при выборе профессии. Быть высоко оплачиваемой и высоко престижной как, например, в Малайзии или в Финляндии, когда на одну должность педагога претендуют от восьми до четырнадцати

соискателей. Без такой подвижки в ценностях ничего путного, кардинального не получится. Следовательно, нужно менять приоритеты. Это совершенно очевидно в свете кризиса нашей образовательной системы. Опыт повышения статуса ученого у нас есть. В СССР в свое время это сделал И. В. Сталин, который в труднейший для страны первый послевоенный год, если быть точным, то с 1 апреля 1946 г. установил месячный оклад полного профессора 3,5–5 тыс. рублей (в зависимости от стажа работы) при средней месячной заработной плате в народном хозяйстве СССР 440 рублей и средней оплате труда колхозников 150 рублей [1]. Целью такого решения было создание заинтересованности у талантливой молодежи к работе в научных учреждениях, прежде всего обслуживающих нужды ВПК.

Как известно, уже в 1956 году советская система образования вышла на третье место в мире по коэффициенту интеллектуальности, в 1957 СССР первым вывел на орбиту спутник, а в 1961 первым в мире вывел человека на космическую орбиту. Очевидный результат повышения статуса ученого и преподавателя [1].

Даже в более поздний период, несмотря на то, что Н. С. Хрущев в шестидесятые годы снизил зарплату ученым, в СССР по-прежнему самую высокую официальную зарплату получал не генеральный секретарь ЦК КПСС, а Президент Академии наук. В советский период зарплата профессора равнялась зарплате депутата Верховного Совета – 500 рублей. В настоящее время, отмечает О. Смолин, российский профессор (мы добавим: и в Казахстане) обычного вуза получает из бюджета примерно в 7 раз меньше, чем парламентарий, не говоря уже о высокопоставленных чиновниках исполнительной власти, или менеджеров нацкомпаний [2].

Кстати, в современном Китае, статус ученого и преподавателя значительно выше, чем в других странах. Согласно профессору Селищеву, сегодня китайский профессор получает значительно больше, чем российский его коллега.

Во-вторых, образование не должно быть делом только государства или частных, а должно быть и делом всего общества, т.е. общество должно иметь свои узаконенные права на влияние, воздействие и контроль над образовательным процессом; только тогда у общества появится реальная ответственность за этот участок.

В-третьих, образование не должно быть только просвещением, но и умением делать своими руками конкретные дела или мозгами решать конкретные задачи. Образование, по большому счету, должно стать процессом, который выявляет заложенные в человеке его потенциальные способности и задатки. Отсюда главная задача образования это не «формирование компетенций», а формирование развитой, творческой личности и хорошего специалиста.

В-четвертых, обучение должно проходить не только через память или сознание, а должно пройти через чувства, сердце. Образование в семье, в детском саду, школе, вузе и т.д. должно иметь общую концептуальную основу. Это должна быть система, где каждое звено в цепи делает свое дело, но в одном ключе. Для этого должна быть разработана глубоко продуманная, основанная на лучшем отечественном и зарубежном опыте, рассчитанная на десятилетия, с ожидаемыми результатами образовательная и воспитательная система. Таковой программы у нас, к сожалению, нет. Она должна быть разработана. Такое требование вытекает из Послания Президента РК.

В-пятых, образование и воспитание должны работать в одной связке. Воспитание должно быть вплетено в образовательный процесс. Оно должно пробудить дух, волю, интерес учащегося служению нации, направить его энергию в созидательное русло. В истории есть множество примеров, когда государство сознательно пробуждало, организовывало и направляло эту энергию в пользу государства. К примеру, Южная Корея, которая позиционирует себя как маленькое, но древнее государство. В этой стране, уже с детского сада ребенку говорят: ты родился корейцем. Ты

родился в стране с великой древней историей. У нас было славное прошлое. У нас могучие традиции, религия. Ты должен знать и помнить свою историю. Ты должен гордиться тем, что ты Кореец. Но у нас маленькая территория, у нас нет полезных ископаемых, поэтому мы должны надеяться на свой «Ум», на свои Знания. Знания способны компенсировать отсутствие богатых природных ископаемых. Более того, ты должен обогнать и превзойти другие народы.

В-шестых, ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии положительной системы ценностей, объединяющей ее членов. Нация, лишенная своих ценностей, превращается в толпу или хуже – в гигантскую банду. Совершенно очевидно, что одно из первых мест в формировании ценностей народа принадлежит образованию. Отсюда не случайно, что Президент РК ставит задачу усиления роли воспитания в образовательном процессе. Он прав, поскольку совершенно очевидно, что без определенного уровня морали общество обречено на разложение и загнивание, а любые призывы к реформе образования останутся декларативными заявлениями или информационным шумом [3].

В-седьмых, необходимо помнить, что специализированное образование оставляет в тени нравственную сторону воспитания, оно не направлено на раскрытие сущностных сил человека, его внутреннего богатства. С другой стороны, специализированное образование старается понять реальность, разбивая ее на различные дисциплины и отделяя процесс понимания от действия. Но в настоящее время все в большей степени любая проблема требует знания по целому ряду дисциплин. Способность видеть ситуацию в целостности и взаимосвязи ее составляющих частей является важнейшим, действительно необходимым способом доступа к знанию и ликвидации разрыва между знанием, как абстрактным обобщением (типично учебный подход) и реальностью условий человеческого существования. Способность и возможность видеть предмет

в целостности, в развитии в сущностном плане возникает лишь на базе общегуманитарного, а не специального образования. Здесь дело также в том, что многие современные проблемы носят глубинный характер, их осознание и понимание требуют знаний, а оно приходит к тем людям, которые имеют не только специальное, но и общегуманитарное образование [4].

В-восьмых, образование, наука и производство должно рассматриваться как единый целостный процесс. Это важное условие и предпосылки их развития. Хорошим образчиком гармоничного развития этой триады является американская система образования. Там при университетах находятся научно-исследовательские институты и центры, работающие на американское производство, то есть они, эти научные учреждения, выполняют заказы на новые научные разработки американской промышленности и экономики. В вузах преподают ученые, которые реально «делают» науку. Отсюда высок образовательный уровень и востребованность их выпускников. Наука делается тогда, когда есть ее востребованность в производстве, а в производстве она будет востребована лишь тогда, когда есть реальная конкуренция. Вне этого, то есть, без здоровой и добросовестной конкуренции товаров, без ее потребности в производстве, желание чиновников развивать науку вне ее необходимой связи, контекста триады – «образование-наука-производство», вряд ли можно успешно. Здесь имеется в виду то, что в нашей государственной программе «образование-наука-инновация» отсутствует один из самых основных компонентов – производство. Вне этого необходимого элемента, ни образование, ни науку, ни производство не поднять.

В-девятых, духовно-нравственные проблемы современной молодежи – результат не только разрушения советской общественной системы, но и результат проводимой политики в области образования, в частности и школьной политики. С одной стороны, под лозунгом «деидеологизации» в школе была отринута система ценностей, характерная для социализма.

С другой стороны, например в преподавании литературы, возобладала установка анализировать не ее великое нравственное содержание, а главным образом художественные особенности. Из мощнейшей прикладной этики, из средства воспитания души литература, как и другие предметы, превратилась в поле натаскивания на ЕГЭ, а в Казахстане – ЕНТ. В итоге, если Советский Союз по уровню ориентации на духовные ценности был среди мировых лидеров, то в настоящее время примерно вдвое отстает от социальных государств Европы. Думается, что подобное положение негативно влияет не только на общий культурный уровень казахстанского общества, но и на весь механизм трансляции социального опыта. Согласно социологическим опросам, сделанным в России, 55 процентов молодежи готовы преступить через моральные нормы (что называется, через все десять заповедей), для того чтобы добиться личного успеха. И это несмотря на активную пропаганду религии и фактическое сращивание православной церкви с государством! [5].

В-десятых, с разрушением советской системы внедряется элитарная система образования – точнее, две системы: одна должна обеспечить богатым людям возможность учить своих детей в элитных школах и вузах либо за границей; другая – научить так называемый простой народ, говоря словами Пушкина, «чему-нибудь да как-нибудь». Элитарная система образования осуществляется во многих странах, в том числе и США. Несколько лет назад на нее, то есть элитарную систему, обрушился в то время самый богатый человек на планете Билл Гейтс. Он в своем выступлении на заседании Ассоциации губернаторов США (NGA), посвященном поиску путей улучшения школьного образования в национальном масштабе в феврале 2005 года, заявил: «... если мы признаем, что дети из семей с низкими доходами или принадлежащих к этническим меньшинствам лишены возможности получить качественное образование, то этому может быть только два объяснения: либо они не способны учиться, либо мы считаем, что их незачем

учить. Первый аргумент не соответствует действительности, второй аморален».

В-одиннадцатых, необходимо включение в систему образования дисциплины, которая бы знакомила молодежь с законами и принципами достижения успеха. Одним словом, нужно преподавать философию успеха. В процессе преподавания общих и специальных дисциплин учеников обучают в рамках школьной программы. Все это правильно. Однако в школе не учат, как и каким образом стать в жизни успешным человеком, не учат тому, как этого достичь. Отсюда, на наш взгляд, нужно ученика знакомить и учить навыкам и методам правильной постановки жизненных целей, путям и методам их решения. Ведь в жизни человека возникают не только (ученические) учебные задачи, но и жизненные проблемы, к которым школа также должна учить. Эта дисциплина должна основываться на обобщениях опыта людей, достигших в жизни большого успеха. Прекрасным образчиком в этом плане являются книги Н. Хилла, который обобщив опыт успеха пятисот выдающихся американцев, вывел принципы, законы, а потом и формулу успеха. Десятки и сотни тысяч людей, познакомившиеся с книгами Н. Хилла, достигли выдающихся результатов. В практическом отношении книги Н. Хилла для читателей дали гораздо больше, чем многие дипломы о высшем и среднем образовании.

В-двенадцатых, в образовательной системе должна быть ясная и конкретная градация целей. Не оспаривая значимости абстрактной высшей цели образования о всестороннем развитии человека, о раскрытии и выявлении его потенциальных способностей и возможностей человека, на наш взгляд, необходимо конкретизировать и ранжировать цели и задачи в процессе преподавания. К примеру, какие конкретные образовательные, профессиональные, воспитательные цели ставятся в том или ином учебном заведении и для каких специальностей. Здесь имеется в виду то, что у нашего МОН или других министерств нет конкретного социального заказа на то, каким должен быть специалист.

Отсюда наши вузы готовят специалиста, исходя из своего понимания, какой специалист нужен народному хозяйству. Ректор МГИМО О. Торкунов, отмечая отсутствие социального заказа со стороны МОН и МИД каким должен быть современный специалист, говорит, что мы готовим по устоявшимся в вузе специальностям, как «международные отношения», «международная экономика», в то время как СП и зарубежные компании нуждаются в специалистах типа «международник-инженер», «международник-механик».

В-тринадцатых, в процессе разработки концепции воспитания для казахстанской молодежи, на наш взгляд, нужно проанализировать и обобщить признанный всем миром богатейший опыт в области воспитания некоторых народов. К примеру, у китайцев, евреев, корейцев и, естественно, опыт своего народа, который как совершенно очевидно недостаточно используется нашим обществом. Воспитание – дело конкретное. На это приходится обращать внимание потому, что у нас, в Казахстане, вопрос о воспитании молодежи на государственном уровне даже не поставлен. Свидетельством последнего является то, что у нас до сих пор нет даже выработанной глубоко продуманной государственной концепции воспитания молодежи. Концепции системы, которая закладывая сегодня в мировоззрение современной молодежи определенные ценности, что ожидает получить через десять и более лет. Воспитание, по большому счету, сводится к помпезным и пышным разовым мероприятиям.

В целом сегодня необходимость реформы образования и науки Казахстана практически никем не оспариваются, в том числе на официальном уровне. Однако у МОН, на наш взгляд, до сих пор нет ни ясного понимания ситуации в научно-образовательной сфере, ни внятной программы научно-образовательного прорыва. Много слепого копирования образовательной системы Запада. При реформировании образования, к сожалению, не учитываются действительно хорошие стороны нашей старой

образовательной системы. В частности стремление в ней формирования духовных ценностей. Отсюда не случайна та резкая критика Президентом этого министерства за имеющиеся недостатки и требование за короткий срок их устранения.

Сегодня необходимо критически проанализировать имеющийся опыт вплетения в ткань образовательной системы воспитательного компонента. К примеру, неплохой опыт, по мнению специалистов, есть в казахско-турецких лицеях (КТЛ), где изначально строятся доверительные взаимоотношения между администрацией, учителями, учениками и родителями учеников. Они оскрашены доверием и любовью. Кроме того ученики старших классов непосредственно выполняют обязанности и учителя, и воспитателя. Для этого их материально заинтересовывают. Причем это делается как традиция и от души. Каждый ученик лицея чувствует себя членом единой семьи. Велик у лицеистов и духовно-нравственный стержень. В целом это целый достаточно не изученный и не осмысленный полезный опыт в сфере воспитания. Н. Назарбаев отметил, что в университете 50% студентов – это выпускники КТЛ. Отмечая достижение этих учебных заведений, он, к сожалению, не обратил внимания на морально-нравственные качества этих студентов. А они очень высокие. На наш взгляд высокие показатели в сфере образования связаны, в первую очередь, и с высокими успехами в области воспитания, ибо только хорошо воспитанный ребенок понимает роль знаний и старается учиться на хорошо и отлично. Здесь образование и воспитание – взаимосвязанные и взаимообусловленные составляющие.

1. См.: Гальперин В.М., Игнатъев С.М., Моргунов В.И. Микроэкономика. – СПб., 1999. Т. 2, С. 130.

2. Смолин О. Интеллектуальная катастрофа в России: причины и пути выхода Журнал Свободная мысль, № 5, Май 2011, С. 25.

3. Там же. С. 30–31.

4. Юрий Афанасьев. Россия – несвоевременная страна. «Свободная мысль-XXI», № 11, 2004. С. 36.

5. Смолин О. Интеллектуальная катастрофа в России: причины и пути выхода. Свободная мысль, № 5, Май 2011, С. 30–31.

1. Sm.: Gal'perin V.M., Ignat'ev S.M., Morgunov V.I. Mikroekonomika. – SPb., 1999. T. 2, S. 130.

2. Smolin O. Intellektual'naya katastrofa v Rossii: prichiny i puti vychoda Zhurnal Svobodnaya mysl', № 5, Maj

2011, С. 25.

3. Tam zhe. С. 30–31.

4. Yurij Afanas'ev. Rossiya – nesovremennaya strana. «Svobodnaya mysl'-XXI», № 11, 2004. S. 36.

5. Smolin O. Intellektual'naya katastrofa v Rossii: prichiny i puti vychoda. Svobodnaya mysl', № 5, Maj 2011, С. 30–31.

UDC 37.014.53

ON INCLUDING IN THE COGNITIVE SPHERE A BREEDING COMPONENTS

Bulekbaev Sagadi Bayuzakovich,

Kazakhstan Abylai-Khan University of International relations and world languages,
PhD, professor,
Almaty, Kazakhstan,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Annotation

Search actual aspects of the concept including any components of breeding in the education sphere and contemporary experiment in a different countries.

Key words:

education, breeding, all-time education, management experience of the organizations in our country and others states.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС

Смысловое многообразие теорий, концептов и дискурса soft Power

Доклады

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОНЦЕПТА SOFT POWER КАК САМОДОСТАТОЧНОГО И НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Вилков Александр Алексеевич,

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
заведующий кафедрой политических наук, доктор политических наук, профессор,
Саратов, Россия,
E-mail: vil57@yandex.ru

Аннотация

В статье обосновывается, что данное понятие не представляет с теоретической точки зрения ничего принципиально нового, выступая лишь одним из известных и взаимосвязанных инструментов внутренней и особенно внешней политики ведущих мировых держав.

Ключевые слова:

soft power, трактовки концепта «мягкой силы», внешняя политика, «цветные революции».

Одной из самых актуальных и социально значимых проблем современности является соотношение внутренней и внешней политики национальных государств в условиях глобализации. После поражения СССР в холодной войне американский политолог Дж.С. Най обосновал целесообразность и перспективность использования soft power в мировой политике. Несмотря на некоторые нюансы с переводом данного понятия, наибольшее распространение получила его трактовка как «мягкой силы», в том числе и в изданной на русском языке книге [2].

По мнению О.Ф. Русаковой, концепт soft power – это нечто сложное, обладающее «много-слойной смысловой структурой, многозначностью

и интерпретативным разнообразием», которое исследователи наделяют новыми смыслами «вписывая в тот или иной предметно-исследовательский и методологический контекст» [7, с. 174]. Однако большинство исследователей сходятся в том, что главный «смысл «soft power» заключается в формировании привлекательной власти, то есть в способности влиять на поведение людей, опосредованно, заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не сделали» [5, с. 90]. Фактически, суть данной трактовки сводится к созданию привлекательного имиджа власти, социально-политического строя, совокупности идеологических ценностей и принципов, политических институтов, образа жизни в целом для

информационного воздействия на какую-либо страну с целью формирования в ней группы активных сторонников данных ценностей, готовых к борьбе за их внедрение в собственной стране.

На наш взгляд, стремление представить такую политику как нечто принципиально новое и самодостаточное, обусловленное переходом к постиндустриальному информационному обществу, не вполне оправдано. На самом деле, понятие *soft power*, активно используемое последние два десятилетия политиками и исследователями, своим реальным содержанием уходит корнями глубоко в историю. Сочетание «кнута и пряника» во внешней и внутренней политике использовались многими правителями всех времен и народов. Соотношение этих двух начал и технологии их использования в политике прекрасно описал Н. Макиавелли в своем всемирно известном трактате «Государь». Наполеон позиционировал себя как «освободителя Европы», подкрепляя данный имидж достаточно прогрессивными реформами во многих завоеванных странах. Даже Гитлер стремился использовать на завоеванных территориях образ освободителя народов СССР от «ига еврейского большевизма».

Своеобразные модели *soft power* использовали многие правители средневековой Европы, которые после разрушительных войн и массовых эпидемий практиковали «перезывы» подданных из соседних государств, привлекая их всевозможными льготами для обустройства на новом месте. Такую политику, например, активно использовала Екатерина II, в результате чего в малонаселенном Поволжье и некоторых других регионах России возникли многочисленные поселения немецких колонистов.

Первым масштабным политическим мегапроектом использования *soft power* можно считать США, которые успешно эксплуатировали положительный образ своей страны для привлечения потоков иммигрантов из самых различных стран. Одним из идеологов формирования такого образа в XIX веке стал А. де Токвиль, который в своем труде «О демократии в Америке», подробным образом описал все преимущества республиканского демократического устройства в США по сравнению с другими странами. «Американская мечта»

стала для многих жителей старого континента главным мотивом переселения в новый свет, чтобы в условиях максимальной свободы рыночных отношений и частной собственности попытаться реализовать ее на практике. Кроме того, данный проект сыграл не последнюю роль в разрушении абсолютистских монархий и распространении конституционализма и демократических начал в Европе и других странах.

Не менее масштабной альтернативой стала социалистическая модель общественно-политического и социально-экономического устройства, которая должна была продемонстрировать всему капиталистическому миру и народам развивающихся стран преимущества нового строя. По сути, сама идея коммунизма была нацелена на осознание пролетариатом различных стран прогрессивности уничтожения частной собственности и внедрения плановых начал в обобществленное производство. Именно осознанная сила этих идей должна была консолидировать сторонников социализма в ведущих капиталистических странах и обеспечить их победу во всемирном масштабе.

Сама концепция СССР, основывающаяся на возможности построения социализма в отдельно взятой стране, в значительной степени представляла собой своеобразный вариант *soft power*. Готовность поддержать развитие мировой революции сопровождалась формированием положительного образа первого в мире социалистического государства, которое, «вопреки проискам внутренних и внешних врагов», добивается невиданных успехов в экономической, социальной и культурной сферах. Этот положительный образ должен был вселять уверенность и оптимизм в те силы, которые вели борьбу за власть в капиталистических и развивающихся странах.

Антагонистическая борьба мегапроектов социализма и капитализма, в том числе и на уровне символических образов, составляла основу противостояния двух блоков в период «холодной» войны. В это время тактика *soft power* фактически была одним из главных средств идеологического противоборства США и их союзников и возглавляемого СССР социалистического лагеря. С учетом наличия «железного занавеса», возможности

сторон для пропаганды своих преимуществ были достаточно ограниченными. Союзники США использовали поддержку диссидентских движений и самиздат, и различные «радиоголоса», которые разоблачали тоталитарный советский строй и расписывали прелести западного свободного мира и его образа жизни. СССР мог использовать в качестве демонстрации своих достижений в экономике науке, культуре, образовании неоспоримые факты своего первенства в освоении космоса, мирного и военного атома, в строительстве гигантских предприятий, электростанций и оросительных каналов.

Однако после того, как СССР при Н.С. Хрущеве фактически включился в потребительскую гонку с западным миром, то качественные и модные импортные товары, допущенные на отечественные прилавки, стали «вирусом», исподволь подтачивающим официальную трактовку превосходства социалистического планового хозяйствования. Западные фильмы, попадавшие в этот период в кинопрокат в достаточно большом количестве, также формировали определенное представление о материальных и иных преимуществах западного образа жизни. Внедрение этих потребительских стандартов и индивидуалистических ценностей и стало одной из главных причин поражения СССР и его союзников в «холодной» войне.

Устранение без применения силы с мировой арены своего основного политического, экономического, военного и идеологического конкурента заставило американцев поверить в исключительную эффективность *soft power* в достижении своих внешнеполитических целей. Поэтому, несмотря на наличие мощных вооруженных сил (сдерживать которые в 1990-е годы у России, как правопреемницы СССР, не было ни желания, ни возможности), на первый план американской внешней политики вышла стратегия «мягкой силы», как экономически и идеологически более выгодная. Она стала использоваться как «притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.» [4, с. 17].

Это вовсе не означает, что США и их союзники отказались от использования военной силы в достижении своих целей. Война в Ираке, в Югославии, в Афганистане, военное вмешательство в Ливии, во многие другие локальные конфликты, свидетельствуют, что «железный кулак» США и НАТО, основанный на технологическом преимуществе, может быть использован в любое время и в любой точке земного шара, независимо от решения ООН и норм международного права. Для поддержания своих вооруженных сил США постоянно наращивают военный бюджет. Если в 2000 году он составлял 294,363 млрд. долл., то, в 2011 г. по предварительным оценкам он составил уже 768,217 млрд. долл. Для сравнения, военный бюджет Китая и России по данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира в 2010 г. составил 114,300 млрд. долл. и 52,586 млрд. долл. соответственно [1].

Поэтому вряд ли оправдана несколько односторонняя трактовка *soft power*, в соответствии с которой основные причины ее повсеместного использования заключаются в особенностях постиндустриального информационного общества, к которому переходит большая часть западноевропейских государств. По мнению С.В. Новоселова, в таком обществе «управление через прямое подавление, насилие теряет свою эффективность. Снижается значение и такого инструмента, как подкуп, взятки, широко используемые властью в индустриальном обществе. Командно-приказная система управления постепенно отмирает, потому что невозможно командовать миллионами материально обеспеченных, высокообразованных, хорошо информированных и прекрасно сознающих свою самоценность интеллигентов, ученых, инженеров» [3, с. 128]. Как представляется, это лишь одна сторона медали, объясняющая повышение роли информационно-коммуникационных технологий и усиление их функциональности в управлении общественными процессами. Обратная сторона заключается в том, что высокие информационные технологии создают гораздо больше возможностей для изощренного манипулирования массовым сознанием, делают их более незаметными

для рядовых граждан, а, следовательно, и более эффективными.

Важнейшим направлением внешней политики США и их союзников, нацеленным на изменение политической конфигурации мира в постсоветский период, стала организации и поддержка так называемых «цветных» революций. По мнению Е.Г. Пономаревой, ключевым элементом технологии таких революций является именно стратегия использования soft power. В значительной степени она реализуется посредством предоставления услуг высшего образования и развития наук, «в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов – теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства» [6, с. 46]. В результате США и страны НАТО получают подготовленную «пятую колонну» в составе образованной части общества тех стран, в которых реализуется стратегия цветных революций. Она необходима для того, чтобы подготовить необходимую социальную базу и социокультурные предпосылки для революционных преобразований.

Как показывает опыт большинства «цветных революций» на постсоветском пространстве (в Грузии, Киргизии, Украине), а в определенной степени и опыт «арабской весны» (Тунис, Египет, Йемен, массовые протесты во многих других арабских странах), цель их состоит в свержении правительств, которые в своей политике не отвечают (или перестали отвечать) в чем либо интересам США и их союзников.

При этом существует достаточно серьезный риск, что в результате революционного переворота к власти придут политические силы, которые в своей деятельности не захотят ориентироваться на интересы США и их союзников. Но даже в этом случае, стратегическая задача-минимум цветной революции оказывается достигнутой – неугодное правительство оказывается свергнутым, в стране чаще всего наступает постреволюционный хаос и обострение внутренних проблем общества, а следовательно минимизирована реальная или воображаемая угроза американским геополитическим интересам. Гражданские войны в Ливии, Сирии показывают, что если у оппозиции в «стране-изгое» недостаточно сил для свержения

действующего правительства, то ей может быть оказана не только информационная, но и финансовая, материальная, организационная и иная поддержка, вплоть до вооруженной интервенции силами натовской коалиции.

Своеобразным примером использования soft power для подготовки «цветной революции» стали события на Украине. Темы сталинского «голодомора», поиски примеров «колониального угнетения» Украины со стороны России культивировались и поддерживались с помощью выделения западных грантов на научные исследования по данной проблематике и зарубежные поездки студентов, аспирантов и преподавателей украинских вузов. Огромное количество разнообразных западноевропейских НКО активно работали на территории Украины на протяжении всего постсоветского периода.

Характерное для стратегии soft power расширение либерально-демократических ценностей среди украинского населения сопровождалось разжиганием националистических настроений, направленных против России, против общих культурных и религиозных корней, против многовекового братства славянских народов, скрепленного и освященного участием в кровопролитных войнах по защите единого Отечества. Вместо этого стал культивироваться и героизироваться образ борцов за украинскую самостоятельность и исторические эпизоды борьбы против России. Наиболее одиозным образом героя независимой Украины стал фашистский пособник С. Бандера и возглавляемое им движение ОУН.

В результате украинское общество оказалось расколотым не только географически, но и идейно. На Западе преобладают те, кто ориентирован на политическую, экономическую, военную и культурную интеграцию с Западной Европой. На востоке и юго-востоке преобладают сторонники тесного сотрудничества с Россией в рамках таможенного союза и сохранения всесторонних братских связей во всех сферах общественной жизни.

Первый опыт цветной революции в его «оранжевом» варианте был реализован в период с ноября 2004 г. по январь 2005 г. в виде протеста сторонников В. Ющенко против победы

В. Януковича на выборах Президента Украины. Главным инструментом проявления политики «мягкой силы» стала моральная и информационная поддержка протестующих со стороны США и Евросоюза, заявлявших, что их наблюдатели выявили многочисленные нарушения в ходе выборов. Это стало главным стимулирующим фактором протестного движения, которое привело к тому, что Верховный суд Украины отменил результаты выборов и обязал провести повторный тур голосования, на котором В. Ющенко одержал победу с перевесом в 8%.

Однако политика прозападного президента Украины не получила поддержки и уже на следующих выборах победу одержал В. Янукович. Ее легитимность не подвергали сомнению даже США и их союзники. Тем не менее, после того как украинский Президент временно отложил в ноябре 2013 г. подписание соглашения об ассоциации с ЕС (в виду того, что Президент РФ предложил программу выгодного экономического партнерства), в Киеве вновь начались митинги протеста против политики Януковича. С течением времени радикализм оппозиционных требований нарастал и главной ударной силой Майдана стали хорошо организованные националистические силы «Правого сектора» и движения «Свобода».

Протестующие получили полную политическую, информационную и моральную поддержку со стороны Европейского союза и США. На Майдане побывали видные официальные представители западноевропейских стран, которые открыто призывали украинскую оппозицию вести «демократическую» борьбу до победного конца. Среди них – американские сенаторы Джон Маккейн и Крис Мерфи, заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд и посол США в Украине Джеффри Пайетт, спикер литовского Сейма Лорета Граужинене, комиссар ЕС по внешней политике Кэтрин Эштон, главы внешнеполитических ведомств Канады и Германии – Джон Бэрд и Гидо Вестервелле, экс-премьер Польши Ярослав Качиньский, а также экс-президент Грузии Михаил Саакашвили. Виктория Нуланд, например, раздавала пирожки на Майдане, символически подчеркивая мирный характер демонстрации.

Фактически это стало грубейшим нарушением норм международного права и открытым вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Именно США и их союзники открыто угрожали Януковичу в случае силового варианта разгона «мирных» демонстрантов, которые в это время уже демонстрировали всему миру активное использование «коктейлей Молотова» против безоружных сил правопорядка.

Насильственный захват власти сторонниками евроинтеграции был официально признан как легитимный т.к., по мнению западных наблюдателей, на Майдане были представлены «все» регионы Украины, а следовательно «весь» украинский народ. Вопросов о том, кто и каким образом уполномочил двух-трех человек в палатке с надписью «Симферополь» представлять интересы всего населения Крыма, или в палатке с надписью «Донецк» – все население донецкой области – у западных правозащитников не возникало. Не возникало их и в отношении ярых националистов, поведение которых в отношении законных представителей власти Украины носило явно экстремистский характер.

Подводя итог, можно констатировать, что концепт soft power не представляет с теоретической точки зрения ничего принципиально нового и не является самодостаточным, выступая лишь одним из известных и взаимосвязанных инструментов внутренней и особенно внешней политики ведущих мировых держав.

С точки зрения особенностей его использования во внутренней политике, данный концепт всесторонне раскрывается через современные теории демократии, социального и правового государства (варианты перехода представлены в теориях демократического транзита и модернизации). Не последнюю роль в их формировании сыграл мотивирующий внешний фактор в виде наличия альтернативной модели общественно-политического и социально-экономического устройства в СССР. Данный фактор вынуждал усиливать регулируемую роль государства в устранении противоречий капиталистической системы и делать акцент на «мягкой силе» для разрешения возникающих внутренних конфликтов.

В то же время, с инструментальной точки зрения, концепт soft power действительно приобрел в последние десятилетия принципиально новые возможности во внешней политике. Это обусловлено двумя ключевыми предпосылками. Первая состоит в том, что после разрушения СССР США осознали себя доминирующей силой в однополярном мире, уверовали в свое моральное превосходство в качестве единственного лидера, и в свое право в качестве образца демократии навязывать свои ценности и свои представления о социально-политическом прогрессе всему остальному миру. Этому способствовала вторая предпосылка, связанная с появлением революционных технологических возможностей коммуникации, фактически не ограниченных пространством суверенных государств. Они позволяют значительно расширить возможности ведущих держав в манипулировании массовым сознанием и целенаправленном формировании общественного мнения в различных странах для достижения своих целей.

Процессы глобализации стали главным инструментом политики soft power, которые взламывают политическую, экономическую, культурную, правовую самодостаточность национальных государств, превращая их в определенным образом структурированное мировое пространство. Характер и конфигурация этого конструируемого единого глобального проекта в значительной степени определяется США на основе их понимания своих национальных интересов. В соответствии с ним все национальные государства делятся, с одной стороны, на ранжированных союзников и друзей США, а с другой – на противников и «изгоев», несущих различные степени угрозы американским интересам. Критерии демократичности государств для данной классификации используются, но не абсолютизируются. Поэтому Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт – это друзья (несмотря на полное отсутствие в этих государствах демократических начал), а Иран, Сирия (Ирак при С. Хусейне, Ливия при М. Каддафи) – это враги, несущие «угрозу демократии» для всего мира.

В соответствии с такой стратегией и используется политика soft power, позволяющая соз-

давать внутренние предпосылки для свержения неугодных правительств и прихода к власти политических сил, следующих в фарватере политики США и их союзников. Внимательный анализ американской внешней политики по отношению к России на протяжении всего постсоветского периода позволяет констатировать, что основной ее смысл сводится к максимальному ослаблению российского государства как мировой державы и отторжению бывших советских республик из сферы российского влияния. Одним из главных инструментов реализации американской стратегии и выступает концепт «мягкой силы». Как представляется, для успешной ее нейтрализации России объективно необходимо, прежде всего, укрепление обороноспособности своей страны. Но этого будет недостаточно, если Россия не сумеет предложить собственный вариант «мягкой силы», основанной на своем варианте мегапроекта, понятном и привлекательном для всех народов евразийского пространства.

1. Гукасов А.В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вестник Института стратегических исследований, выпуск 1: «Конфликты – безопасность – геополитика: стратегический анализ современного мирового развития» // URL: http://www.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v1/Gusakov_A_V.pdf. Дата обращения: 5 апреля 2014 г.
2. Най Дж. С. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. Нью-Йорк: Паблик афферз, 2004.
3. Новоселов С.В. «Мягкая сила» информационного общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 126–131.
4. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитические доклады. Выпуск 1 (36). Март. М.: МГИМО – Университет. 2013.
5. Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 87–98.
6. Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 3/4. С. 43–59.
7. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173–192.

1. Gukasov A.V. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila kak instrumenty vneshnej politiki SShA // Vestnik Instituta strategicheskix issledovaniy, vypusk 1: «Konflikty – bezopasnost’ – geopolitika: strategicheskij analiz sovremennogo mirovogo razvitiya» // URL: http://www.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v1/Gusakov_A_V.pdf. Data obrashheniya: 5 aprelya 2014 g.

2. Naj Dzh.S. Myagkaya sila. Slagaemye uspeha v mirovoj politike. N’yu-Jork: Pablik afferz, 2004.
3. Novoselov S.V. «Myagkaya sila» informacionnogo obshhestva // Kaspijskij region: politika, e’konomika, kul’tura. 2013. № 3 (36). S. 126–131.
4. Parshin P. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii. Analiticheskie doklady. Vypusk 1 (36). Mart. M.: MGIMO – Universitet. 2013.
5. Ponomareva E. Sekrety «cvetnyx revolyucij».

6. Ponomareva E. Sekrety «cvetnyx revolyucij». Sovremennye texnologii smeny politicheskix rezhimov // Svobodnaya mysl’. 2012. № 1/2. S. 87–98.
7. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural’skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. Vyp. 10. S. 173–192.

REVISITING THE USAGE OF THE CONCEPT OF «SOFT POWER» AS A SELF-SUFFICIENT AND A NEW BRANCH OF WORLD POLITICS

Vilkov Alexander Alexeevich,

Head of Political Science Chair,
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Doctor of Political Science, Professor,
Address: 410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83,
E-mail: vil57@yandex.ru

Annotation

In his article «Revisiting the Usage of the Concept of «Soft Power» as a Self-sufficient and a New Branch of World Politics» A. A. Vilkov argues that the term of «soft power» is not a great asset to the theory: it does not mean anything fundamentally new; instead, it is one of the well-known and interrelated instruments of domestic and – more often – foreign policy of leading world countries.

Key words:

soft power, interpretations of the concept of «soft power», foreign policy, «colored revolutions».

КОНЦЕПТ SOFT POWER В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Старостин Александр Михайлович,

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и методологии науки,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: dispolit@uriu.ranepa.ru

Аннотация

Отмечены предпосылки и прототипы, просматриваемые в классической политической философии (Н. Макиавелли, В. Парето, Р. Даль) и политическом фольклоре. В современной политической философии с конца XX века – начала XXI в., в связи со становлением инновационного общества (общество знаний, информационное общество), изменением характера политического управления, разделением функции власти и функции управления, выдвигаются концепции «гибкой власти», «мягкой власти», «умной власти» и др. Это позволяет говорить о формировании концепции и практики разномодального властного репертуара. Предлагаются рекомендации по формированию, в связи с процессами глобализации и когнитивизации власти, нового облика российской власти.

Ключевые слова:

прототипы soft power, «умная власть», «гибкая власть», разномодальный властный репертуар, полиархия, иерархия.

В политической философии, исследующей природу и механизмы политической власти, издавна ставилась проблема сочетания и даже чередования авторитарных, жестких и демократических, гибких начал во властном воздействии. Известными прототипами современной «мягкой силы» и «гибкой власти» могут рассматриваться и рекомендации Н. Макиавелли к использованию манипулятивных методов, и попытки В. Парето указать на неизбежность циркуляции властных элит («львы» и «лисы») и итоги принципиальной дискуссии Р. Миллса и Р. Даля о концентратной и дисперсной природе власти и даже фольклорные их эквиваленты («немецкая и русская школа дрессировки», «добрый и злой следователь» и т. п.).

Однако современный контекст востребованности «мягкой силы» связан прежде всего с изменениями в самом обществе, включая и развитие глобальных взаимосвязей. Речь идет о переходе от параметров развития высоко-

индустриального общества (труд – капитал – технологии – ресурсы) к основным параметрам инновационного общества (человеческий капитал – инновационно-технологический капитал – капитал макроэкономического и информационного влияния).

По сути, эта модель (инновационная) является глубоко неустойчивой и взыскующей иные модели социальных отношений и социального (включая и политическое) управления. Именно поэтому в начале XXI века и среди интеллектуалов, и среди политиков развернулись интенсивные поиски модели «гибкой власти», «умной власти», «когнитивной власти». В 2009 г. Хилари Клинтон высказала следующие положения: «Америка не в состоянии решать самые насущные проблемы в одиночку, но и мир не в состоянии их решать без Америки. Нам необходимо использовать то, что назвали «умной силой», полный набор инструментария, имеющегося в нашем распоряжении» [1, с. 11].

Своеобразным подытоживанием этих поисков стала книга Джозефа С. Ная «Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век», где он излагает концепцию «умной силы», сводящуюся к оптимальному (сбалансированному) сочетанию «твердой силы» и «мягкой силы», предостерегая от неких универсальных и однозначных формул власти как силы: «Умная сила – это сочетание твердой силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения» [1, с. 18].

Показательным с точки зрения балансировочного подхода к умной власти является также следующее суждение Дж. С. Ная: «Я сравнил сегодняшний политический контекст с трехуровневой игрой в шахматы, в которой военная сила в большей степени сосредоточена в руках Соединенных Штатов; межгосударственная экономическая сила распределена в духе многополярности между Соединенными Штатами, ЕС, Японией и странами БРИК, а сила по таким транснациональным вопросам, как изменение климата, преступность, террор и пандемические заболевания, очень сильно расплыта. Оценка расплытия ресурсов среди игроков варьирует в каждой области.

Мир не является ни однополярным, ни многополярным, ни хаотичным – ему свойственны одновременно все эти три характеристики. Таким образом, умная великая стратегия должна быть в состоянии разобраться с очень разнообразным распределением силы по различным областям и понимать взаимные уступки по каждой из них» [1, с. 346–347].

Следовало бы также обратить внимание на то, что в обсуждаемой проблематике пока недостаточное внимание уделяется проблемам социального объекта, который в действительности выступает и как социальный субъект. Речь в данном случае идет о стратегиях, нацеленных на будирование процессов социальной самоорганизации. Именно эти факторы выступают и как дополнительный, и как основной (при надлежащих условиях) ресурс любых ипостасей развития: «неустойчивого», «устойчивого», «опережающего», «инновационного». При этом

уровень и навыки самоорганизации могут быть отслежены и оценены в первую очередь по индикаторам социального самочувствия. А они, в свою очередь, характеризуют уровни развития базовых ценностей, установок, ориентиров.

Иными словами, «мягкая сила» и «умная власть» релевантны социуму. Применительно к российским современным условиям это как раз и требует «запуска» механизмов самоорганизации (на макро- и микроуровне) и ослабления «вертикали власти» (иерархии), что на политологическом языке именуется полиархизацией или развитием горизонтальных отношений.

Первоочередными шагами применительно к полиархизации Русской власти могут быть следующие основные позиции:

а) переворачивание «пирамиды власти» с сосредоточением основных ресурсов и властных полномочий на уровне региональной и местной власти, прекращение «круговорота» налогов, которые почти полностью изымаются из местной налогооблагаемой базы в сторону федеральной власти, а затем частично возвращаются в виде дотаций; то же касается «право-писания», с попыткой заложить в федеральную правовую базу даже мельчайшие детали местной жизни и регламентировать ее из Центра;

б) выбор модели демократии, релевантной цивилизационному коду российского общества (в рамках основных кластеров: конкурентной и идентитарной демократии и их сочетания);

в) выбор оптимальных моделей взаимодействия основных элитных групп (административно-политической, бизнес-элиты, интеллектуальной элиты, информационной, элиты культуры; религиозно-духовной, этнократической): обозначение маршрута этого движения от доминирования патрон-клиентных и конкурентных их отношений – к партнерским; закрепление этой модели нормативно-правовыми актами, соглашениями, контролирующими эти акты гражданскими союзами, представляющими их интересы;

г) демонополизация партийной системы от доминирования одной из партий; формирование в этих целях двух или немногих партийных

союзов; развитие дополнительных электоральных институтов, например, института выборщиков;

д) демонополизация доминирующих в экономике компаний и картелей хотя бы до уровня, бытовавшего в советском ВПК (внутриведомственная конкуренция авиационщиков, ракетчи-

ков, оружейников, двигателистов, танкостроителей, кораблестроителей и т. п.).

1. Най С. Джозеф. Будущее власти. – М.: АСТ, 2014.

1. Naj S. Dzhozef. Budushhee vlasti. – М.: AST, 2014.

CONCEPT OF SOFT POWER IN THE CONTEMPORARY POLITICAL PHILOSOPHY

Starostin Alexander Mikhailovich,

South-Russia Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Doctor of Political Science, professor,
head of the Philosophy and science methodology chair,
Principal Scientist in the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Science,
E-mail: dispolit@uriu.ranepa.ru

Annotation

Preconditions and the prototypes which are looked through in classical political philosophy (N. Makiavelli, V. Pareto, R. Dal) and political folklore are noted. In modern political philosophy from end XX века – the beginnings of XXI century, in connection with formation of an innovative society (a society of knowledge, an information society), change of character of political management, division of function of the power and management function, are put forward concepts of «the flexible power», «the soft power», etc. It allows to speak to «the clever power» about concept and practice formation different models imperious repertoire. Recommendations about formation, in connection with processes of globalization and cognitivation are offered the power, new shape of the Russian power.

Key words:

prototypes soft power, «the clever power», «the flexible power», different models imperious repertoire, poliarchy, hierarchy

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ОБЗОР ПОДХОДОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Михалев Алексей Викторович,

Бурятский государственный университет,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
кандидат исторических наук,
г. Улан-Уде, Россия,
E-mail: mihalew80@mail.ru

Аннотация

В основу аналитической модели исследования легла концепция «мягкого влияния». Центральные вопросы, которыми задается автор этой статьи: «Каковы причины мягкого влияния» и «Что является его основой?» Основной тезис этой статьи состоит в том, что использование мягкой силы – это игра с нулевой суммой.

Ключевые слова:

мягкая сила, умная сила, влияние, идеология, образы.

Мягкая сила, является продуктом довольно запутанной концепции. Дж. Най не дал ей простого определения¹. Вместо этого он дает множество дефиниций:

1) Как способность формировать предпочтения других;

2) Как способность привлекать, и эта привлекательность часто происходит с молчаливого согласия;

3) Как способность заставить других хотеть того же результата, что хотите и вы из-за обращения в вашу культуру и идеологию;

4) Как способность стран получать желаемые результаты в мировой политике, потому что другие страны наблюдают их достижения, подражают их примеру, стремятся к уровню процветания и открытости, желая достичь его;

5) Как ключевой элемент управления, как способность притягивать (заставить) других хотеть того, чего хотите вы, формировать запросы, устанавливающие повестку дня.

Хотя Дж. Най ввел термин в 1990 году, концепция мягкой силы берет свое начало в работах Х. Моргентау, К. Кнорр и Р. Клайн. Например,

Моргентау выделяет девять элементов национальной мощи, среди которых национальный характер, национальное самосознание, качество дипломатии и качество правительства, тесно связанные с нематериальными источниками власти, то есть с мягкой силой. Аналогично Карр пишет, что власть над мнениями имеет не менее важное значение для политических целей, чем военная и экономическая мощь, хотя и коррелируется с ними. Согласно Равену и Френчу, существует пять основ власти: награды, принуждение, законы, референты и эксперты. Мягкая сила является своего рода референтом власти, которая основана на притягательности, и определяет влияние в отношении других держав. Доводы в подтверждение концепции мягкой силы можно проследить в философии на протяжении более, чем двух тысяч лет. В древнем Китае, мягкая сила воспринимается сильнее и мощнее, чем жесткая власть, особенно наглядно они представлены в книге Сунь Цзы. Так, например, Б. Маттерн считает, что вряд ли Най был первым, кто раскрыл сущность власти вне контекста угроз или обещаний. Такие мыслители как Фуко, Бурдьё, Грамши и другие придавали схожие

¹ Концепция мягкой силы была задумана им как поправка к американской внешней политике, которая стала слишком заиклена на американском военном превосходстве в посткоммунистическом мире, где США являются единственной реальной сверхдержавой (в формате «жесткой силы»).

значение власти, однако, так и не сформулировали понятие «мягкой силы» [6, с. 3]. Понимание этого феномена тесно связано с пониманием власти, предложенным перечисленными авторами, однако, прямой корреляции между ними нет. Концепция Дж. Ная является оригинальной теорией, вокруг которой ведутся дискуссии поскольку она раскрывает новые грани понимания власти.

Мягкая сила это инструмент, благодаря которому достигаются стратегические задачи Новой Большой игры. Она базируется на трех основных ресурсах: культура, ценности и внешняя политика. Как указывает Дж. Най в своей статье «Подумайте еще раз: мягкая сила», термин «растягивается» и становится все более «раскрученным». В узком смысле мягкая сила похожа на культурное влияние. Яркими сторонниками данной трактовки принято считать британского историка Найла Фергюсона и немецкого публициста Йозефа Йоффе². Большинство научных школ о мягкой силе в Китае разделяют понимание этого концепта в узком смысле.

В более широком смысле, мягкая сила является синонимом невоенной силы и включает в себя и культурную силу, и экономическую мощь. В то время как эти популярные понимания порождают недоразумения, возникает вопрос о том, почему они пользуются популярностью и столь устойчивы. Следует отметить, что концепция была неправильно понята не только широкой публикой, но и экспертами по исследованию международной политики. Сущность этого непонимания кроется в смешении категорий «мягкая сила» и «ресурсы для мягкой силы». Во многом эти проблемы связаны со слабой разработанностью аналитического инструментария данной концепции.

Теория Дж. Ная имеет большое количество критиков. Так, например, Стивен Льюкс (автор работы «Власть: радикальный взгляд») называет подход Ная «агенто-центрированным стратегическим» взглядом на власть и критикует его как «тупой инструмент». Автор отмечает что, Наю не удалось сделать различия между различными способами, при которых мягкая сила может кооптировать, привлечь и побудить тех, кто подвергается ее воздействию, и между различными способами, в которых она может вызвать лишь их

молчаливое согласие. Он не проводит различия между режимами убеждения и способами формирования предпочтений [6, с. 17]. Данная дискуссия свидетельствует о том, что две современные теории «власти-силы» соперничают за право быть эффективными инструментами политического анализа. Споры вокруг понятия мягкая сила и его нелиберального содержания занимают важное место в современной политической науке. Вопрос о том, возможна ли власть (сила), не опирающаяся на принуждение, насилие или манипуляцию, по сей день остается открытым.

На уровне теории мягкая сила рассматривается, в том числе, и как способность создавать искаженную картину мира, вынуждая актора, на которого оказывается данное воздействие, принимать политические решения, выгодные тому, кто применил в его отношении не мягкую силу. По мнению Дж. Галларотти, подобное понимание мягкой силы близко к концепции А. Грамши о гегемонии и теории третьего лица власти С. Льюкса. Все это формирует еще одно, зачастую критикуемое, основание мягкой силы – ложное сознание. Использование данной категории предполагает, что ложное сознание неявно формируется одной господствующей нацией у другой подчиненной. В идеале либеральной теории предполагается, что мягкая сила дает выбор идеологий и образов тому, на кого она направлена. Последние должны лишь выбрать самого комплементарного союзника и самую приемлемую идеологию. Однако практика показывает, что это невозможно, поскольку принятие подобных решений бывает либо авторитарным, либо опирается на заблуждение. В итоге, мягкая сила перестает быть либеральным инструментом воздействия уже потому, что в ней изначально присутствует конфликт интересов и элемент манипуляции.

В данной ситуации также важно развести термины силы (власти) и доминирования. Первое предполагает собой некий консенсус и взаимную выгоду, пусть и основанную временами на неравноправном обмене. Доминирование же происходит через столкновение и конфликт интересов и предполагает подчинение одних другим. Так, Дж. Галларотти считает, что мягкая сила связана с теорией М. Фуко, в основе которой все

² При этом, оба являются критиками концепции мягкой силы.

тот же конфликт интересов. При этом, по мнению Галларотти, специфика мягкой силы зачастую заключается в умении доминантной нации выдавать свои интересы как интересы стран, на которые оказывается влияние [2, с. 62]. Наряду с этим, институты, реализующие данную политику, могут обладать определенной степенью автономии.

Галларотти считает: «Склонность великих или доминантных держав интенсивно вкладывать средства в создание режимов и международных организаций заставляет полагать, что такие рычаги влияния поистине важны для этих наций. То, что такие институты поддерживаются нациями, наделенными большей независимостью, побуждает считать, что они все еще служат ряду целей в интересах доминантных наций: обеспечение законности, защита репутации, ограждение от помех, с какими сопряжена односторонность, различные способы облегчения функционирования рынков. К тому же, поскольку эти институты устроены с размахом и поддерживаются могущественными нациями, они зачастую выполняют дополнительные функции в интересах самих наций. Но так как эти институты принимают более многостороннюю властную структуру (т. е. в эволюции управления действует демократический импульс), часто их функции могут отклоняться от интересов тех могущественных наций, которые их создали» [2].

Другой важной рефлексией по поводу мягкой силы является китайская школа изучения данного феномена. Начиная с 2003 года, руководство КНР в лице ЦК КПК занялись разработкой концепции, обосновывающей место Китая в современном мире. Согласно исследованию О. Борох и А. Ломанова, китайская идеология внешнего присутствия претерпела несколько трансформаций от модели «мирного возвышения» и «мирного развития» к концепции «гармоничного мира совместного процветания», предложенной лично Ху Цзиньтао [1]. Как пишет Юй Кэпин, выдвигая идею «гармоничного мира», китайское правительство исходило из того, что к такому ценностному идеалу стремится все человечество, а «мир и развитие, как две великие темы современности, являются важнейшим содержанием строительства гармоничного мира». При этом, по мере углубления экономической глобализации интересы государств и народов будут становиться все более многоплановыми, политика – более многополярной, куль-

тура – более многообразной. Следовательно, подчеркивает китайский политолог, между странами и народами все более будут востребованы взаимная терпимость и уважение, мирное сосуществование, реализация древнекитайского идеала «единства без унификации» [1, с. 44].

Современные китайские теоретики большое внимание уделяют изучению феномена мягкой силы и его практического применения. Сегодня можно уже говорить о том, что в мире сложилась китайская школа изучения данного феномена. Работая в крупнейших мировых центрах по изучению мировых политических процессов, китайские исследователи предлагают свои направления данного анализа, ориентированные на достаточно специфический материал Африки и Юго-Восточной Азии. Примерами тому могут быть исследования таких ученых как Чанфенг Чен, Ёнжун Чжан, Ли Минжанг, Ю Хинтиан, Янджонг Хуан и другие.

Критикуя западную теорию мягкой силы, профессор Ёнжун Чжан пишет: «Судя по стандартному рейтингу Ная, Китай вряд ли может претендовать на ресурсы мягкой силы. Нынешняя политическая система Китая отличается от Соединенных Штатов. Китай всегда имеет «ужасный рейтинг» в опросе Freedom House, даже среди наименее свободных стран в мире. Пекин открыто отвергает «западные» либерально-демократические ценности, и китайское государство часто рассматривается как лицо, нарушающее права человека в собственном доме. С трудом просматриваются политические ценности и идеологические убеждения Китая. Пекин либо проповедует, либо практикует универсальную привлекательность. В отличие от Европейского Союза, китайская политика и подходы к глобальным проблемам, начиная от изменения климата и охраны окружающей среды, заканчивая пандемией и инфекционными заболеваниями, страдают отсутствием морального авторитета» [7, с. 50].

Китайский исследователь указывает на то, что обаяние Китая в Европе и в США в разное время колебалось от нулевой отметки до массового увлечения китайской культурой. Он считает, что ключевым понятием мягкой силы должен стать концепт, характеризующий ее потенциал, опирающийся на историко-культурные традиции ведения дипломатии. Потенциал мягкой силы, со-

гласно китайской академической традиции, – это некая исторически сформированная репутация страны, ориентирующая ее внешних партнеров на формирование двустороннего диалога в рамках сложившихся норм и традиций.

Ёнгжина Чжана поддерживает и китайский исследователь Янг Фан: «Нельзя отрицать, что в то время как американцы наблюдают снижение своей мягкой силы, китайская мягкая сила в настоящее время на подъеме, в первую очередь в Юго-Восточной Азии, а также в Африке и Латинской Америке. Образ китайской нации в развивающихся странах, особенно в Африке, гораздо более позитивен, чем на Западе. Примером тому, «Пекинский консенсус», термин, введенный Дж. Рамо, объясняющий популярность китайской модели экономического развития, которая по мнению большинства развивающихся стран является жизнеспособной альтернативой западной модели».

Помимо этого, существует еще и дилемма оценки эффективности мягкой силы. Так, А. Вьюинг считает: «Оценивая чью-либо силу, мы измеряем количество ресурсов, которыми этот кто-то располагает. Это делает мягкую силу более конкретной и измеримой. Однако это не единственная важная причина, почему силу часто определяют в категориях ресурсов ее обладателя. Другим аспектом этой тенденции является тот факт, что никакая власть не может осуществляться без использования определенного количества ресурсов» [6, с. 11]. Анализируя указанную ситуацию, А. Вьюинг высказывает мнение о том, что теория мягкой силы требует более подробной доработки, особенно в сфере категориального аппарата. Согласно его мнению, это позволит избежать существующей путаницы, связанной с тем, что такое мягкая сила, что является ее ресурсом, а что ее институтом.

Мягкая сила – это способность достигать желаемых результатов за счет привлечения, а не принуждения, она стала важной частью научного мышления. Основным компонентом мягкой силы является притягательность, которой в значительной степени пренебрегали в научных исследованиях. Проводившиеся исследования предлагали варианты данной политики и этические выводы о мягкой силе, распространяемые на всех на основе неявных и часто неподтвержденных предположений о том, что такое привлекательность. Б. Маттерн

утверждает: «Привлекательность в мировой политике достигает через нефизические, но все же принудительные формы власти, которые осуществляются посредством языка. Поэтому мягкая сила не должна пониматься через сопоставление с жесткой силой, а скорее как ее продолжение другими способами».

Российский исследователь К. И. Косачев считает: «Мягкая сила» далеко не всегда связана с размерами, экономической или военной мощью, идеологией государства. Можно, например, быть лидером по средней продолжительности жизни своих граждан, по уровню заработной платы и пенсий, по рейтингам ведения бизнеса, по надежности национальной валюты, по экологическим стандартам, по уровню и доступности образования, по длительности существования государства без войн и катастроф и многим другим параметрам, которые составляют авторитет и репутацию страны в глазах других народов. И здесь малые очень часто выигрывают у больших по многим показателям» [3].

С данным мнением не согласен китайский политолог Ли Минджанг: «Однако логически непонятно, почему культура, идеология и ценности должны быть источниками мягкой силы. Такой вывод, очевидно, основан на предположении, что эти источники влияния по своей природе привлекательны, убедительны и естественно вызывают симпатии. Но на самом деле это не всегда может быть так. С одной стороны, эти источники мягкой силы не всегда способствуют привлекательности, убеждению, апелляции и подражанию. Культура, идеология, ценности и нормы также часто приводят к обидам, отторжению, враждебности и даже конфликтам. С другой стороны, жесткая сила не всегда используются для принуждения, угроз, и запугивания» [5, с. 3]. Отмеченные рассуждения ставят в эпистемологический тупик динамично развивающуюся теорию Дж. Най. Однако именно азиатские теоретики наиболее подробно разобрали ее недостатки и предложили собственные интерпретации.

Для анализа процесса мягкого влияния эффективно было бы использовать институциональный анализ. Дело в том, что институты практически всегда на виду, все остальное находится в сфере сознания и в области мотивов и побудителей к действию отдельных индивидов или политической

элиты в целом. Институты мягкой силы – это то, посредством чего она формируется, а также то, посредством чего можно оценить потенциал мягкой силы того или иного государства. Однако относить их к потенциалу было бы не правильно, т.к. потенциал мягкой силы – это определенная система презентаций, смыслов и историко-культурного наследия. Институты же служат инструментом для трансляции данных составляющих, формируя политику мягкого влияния как некий феномен. Институты во многом устанавливают нормы понимания задач, которые предполагается достичь посредством мягкой силы. Вопрос о том насколько широкой или напротив узкоспециальной будет трактовка того или иного образа, культурного кода, идеологического концепта определяется институтами soft power.

1. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая / О. Борох, А. Ломанов // Pro et Contra. – 2007. – № 6 (39). – С. 41–60.
2. Галларотти Дж. Бремя могущества как парадокс мировой политики / Дж. Галларотти // Полис. 2011. № 3. С. 58–71.
3. Косачев К.И. «Мягкая сила» и европейское измерение российской внешней политики // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/bryussel-zaydel.pdf>.
4. Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. С. Най. – М., Новосибирск: «Тренд», 2006. – 224 с.
5. Li Mingjiang Introduction: Soft power: Nurture not Nature / Li Mingjiang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 3–25.

CONCEPTION OF SOFT POWER: REVIEW OF THEORY IN FOREIGN SCIENCE

Mikhalev Alexey Viktorovich,

Buryat State University,
the senior lecturer of chair of state and municipal management,
candidate of historical sciences,
Ulan-Ude, Russia,
E-mail: mihalew80@mail.ru

Annotation

In a basis of analytical model of research the concept of «soft influence» has laid down. The central questions by which the author of this article is set: «What reasons of soft influence» and «That is its basis». The basic thesis of this article consists that use of soft force is a game with the zero sum.

Key words:

soft power, smart power, influence, ideology, images

6. Vuving A.L. How soft power works / A.L. Vuving // American Political Science Association annual meeting. Toronto. September 3. 2009. P. 1–20.

7. Yongjing Zhang The Discourse of China's soft power and its Discontents / Yongjing Zhang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

8. Yongjing Zhang The Discourse of China's soft power and its Discontents / Yongjing Zhang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

1. Borox O., Lomanov A. Skromnoe obayanie Kitaya / O. Borox, A. Lomanov // Pro et Contra. – 2007. – № 6 (39). – С. 41–60.

2. Gallarotti Dzh. Bremya mogushhestva kak paradoks mirovoj politiki / Dzh. Gallarotti // Polis. 2011. № 3. С. 58–71.

3. Kosachev K.I. «Myagkaya sila» i evropejskoe izmerenie rossijskoj vneshnej politiki // [E'lektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/bryussel-zaydel.pdf>.

4. Naj Dzh. S. Gibkaya vlast'. Kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike / Dzh. S. Naj. – M., Novosibirsk: «Trendy», 2006. – 224 s.

5. Li Mingjiang Introduction: Soft power: Nurture not Nature / Li Mingjiang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 3–25.

6. Vuving A.L. How soft power works / A.L. Vuving // American Political Science Association annual meeting. Toronto. September 3. 2009. P. 1–20.

7. Yongjing Zhang The Discourse of China's soft power and its Discontents / Yongjing Zhang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

8. Yongjing Zhang The Discourse of China's soft power and its Discontents / Yongjing Zhang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО АНАЛИЗА SOFT POWER*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье раскрывается система категорий, которая конкретизирует смысловые значения понятия soft power. В качестве родственных понятий рассматриваются категории «репутационная власть», «власть бренда», «репрезентационная власть», «соблазн», «идентичность» и др. В широком плане soft power трактуется как драйвер ненасильственного воздействия. Автор уделяет внимание трем методологическим подходам к анализу феномена мягкой силы: дискурсивный, структурный и измерительно-инструментальный. В рамках дискурсивного подхода дается анализ культурных индустрий как проводников властной силы дискурса soft power. С позиции структурного подхода выделяются основные виды и группы ресурсов soft power. Измерительно-инструментальный подход представлен анализом популярной рейтинговой системы Rapid-growth markets soft power index.

Ключевые слова:

soft power, бренд, идентичность, соблазн, культурные индустрии, дискурс Моды, дискурсивный подход, структурный подход, измерительные инструменты soft power, рейтинг soft power.

Стремительный рост научной продукции, посвященной теоретической разработке концепта soft power, закономерно привел к необходимости четкой артикуляции ключевых методологических проблем, без решения которых невозможно дальнейшее продуктивное исследование феномена мягкой силы.

При анализе большого потока работ, посвященных soft power, первое, что бросается в глаза и о чем свидетельствуют многие авторы, так это крайняя неопределенность и категориально-смысловая размытость исходного базового понятия. Положенное в основу данного концепта понятие «привлекательность», которое призвано указать на основной источник мягкой силы, нуждается в дополнительном смысловом обеспечении посредством более подробной конкретизации в категориях, обозначающих те или иные формы ненасильственного властвования. В этой связи в качестве смысловых партнеров термина «при-

влекательная власть» (attractive power) рассматриваются такие понятия как «репутационная власть» (reputation power) и «репрезентационная власть» (representational power) [13, с. 209–210].

Понятие «репутационная власть», в свою очередь, тесно соприкасается с системой категорий, обозначающих авторитетные позиции того или иного агента влияния в символическом пространстве общественных, культурных и маркетинговых коммуникаций. Формируя все новые конфигурации символического пространства посредством активизации механизмов управления репутационным капиталом, soft power выступает мощным инструментом продвижения институтов, предприятий, территорий, социальных и культурных объектов, коллективов, персон, превращая их в Его Величество Бренд. Само понятие бренда как носителя символического по природе репутационного капитала, а, следовательно, и репута-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-13-66001а(р) «Разработка теоретической модели государственных и региональных ресурсов soft power в современной политической науке».

ционной власти, служит для обозначения вполне предметного и впечатляющего бытия soft power. Определенная в могущественном влиянии того или иного бренда, мягкая сила служит цели повышения капитализации продвигаемого объекта или субъекта, придавая ему дополнительную стоимость и ценность. Одним словом, soft power в символическом облике бренда помогает одерживать главную победу в конкурентной борьбе за умы, ресурсы, рынки, естественные и произведенные богатства. Soft power в виде энергии раскрученного бренда существенно облегчает формирование массового выбора в пользу определенного агента влияния [3, с. 35–36]. При этом важно отметить, что основными ценностями, продвигаемыми посредством брендов, являются не столько потребительские блага сами по себе, сколько их значения, активизирующие процесс присоединения масс к выгодным для агентов идентичностям. Вот почему анализ категории «soft power» не может не погружать нас в потоки исследований способов конструирования и трансформирования разных видов идентичностей.

Без теоретического изучения взаимопревращений сил аттрактивности в силы, культивирующие разнообразные идентичности, и наоборот, нельзя понять часто скрытую от неискушенного ума социально-мобилизующую роль soft power, которая очень высоко ценится властными институтами и акторами. Посредством атак соблазнов и искушений более престижными и капиталоемкими идентичностями soft power переформатирует соотношение сил в конкурентных средах в пользу тех агентов влияния, которые способны весьма эффективно «обращать в свою веру» все новых и новых адептов.

В арсенал мобилизационных инструментов дискурса soft power, связанных с формированием привлекательных образов идентичности (потребительской, гендерной, политической, культурной и др.) нередко включают определенные виды идеологических практик: PR, реклама, пропаганда, имиджирование, информационная политика, символическая политика, историческая политика [4], культурная дипломатия. При этом названные идеологические практики не всегда четко категориально дифференцируются с понятием «мягкая сила» [8, с. 7–8].

По нашему мнению, категория «soft power» является «зонтичной» по отношению ко всем вышеперечисленным понятиям («бренд», «имидж»,

«идентичность», PR, «символическая политика», «культурная дипломатия» и др.). И дело даже не в том, что под soft power подразумевается вся совокупность практик, отражаемых в данных понятиях. Главная «материнская» черта понятия «мягкая сила» заключена в его системообразующем, интегративном и комплексном характере по отношению к отмеченным коммуникативным практикам. Суть данного подхода состоит в том, что soft power – это, прежде всего, *стратегия, политика управления ресурсами*, которая может быть успешной только при условии коммуникативной интеграции своих структурных компонентов. В более широком контексте – контексте маркетинговых коммуникаций – *soft power выступает интегративным драйвером ненасильственного воздействия, ведущего к возрастанию маркетинговой конкурентоспособности агентов влияния и упрочению их позиций в деле контроля за различными пространствами (геополитическими, экономическими, культурными, информационными и др.)*.

При исследовании категории soft power, обозначающую стратегию, то есть, особого рода управленческую политику, очень важно перевести ее анализ в плоскость следующих подходов: дискурсивного, структурного и измерительно-инструментального.

Дискурсивный подход акцентирует внимание на репрезентативных (перформативных), смыслообразующих и ценностно-ориентировочных стратегиях soft power, а также на способности осуществлять ментальное переформатирование посредством культивирования определенных желаний, предпочтений, образов, идей.

Перформативный характер дискурса soft power репрезентируется в интерфейсах игровых шоу, в медийных развлекательных программах, в разнообразных жанрах поп-культуры, в драматургии и публичных показах сконструированных events [11, с. 36–39], в спортивных состязаниях, демонстрации модных моделей и модных тел.

Основной перформативной стратегией дискурса soft power является *стратегия соблазна*. Стратегию соблазна, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве коммуникативно-психологического «крючка» или манки дискурса мягкой силы. Как аналитическая категория понятие «соблазн» обрело свою популярность благодаря работам Ж. Бодрийяра. [10, с. 134–145].

Соблазн, по Бодрийяру, представляет собой господство над символической вселенной, над царством видимостей. В современном информационном обществе, где все большая власть принадлежит миру образов, имиджей и виртуальных объектов, соблазн является формой и проявлением мягкой силы, воздействие которой не уступает, а то и превосходит по своему влиянию все другие способы властвования. «Только невероятное ослепление побуждает отрицать эту силу, равную всем прочим и даже превосходящую их все, поскольку она опрокидывает их простой игрой стратегии видимостей», – отмечает Бодрийяр [2, с. 36].

Стратегия соблазна подразумевает обольщение удовольствиями от ментального погружения в виртуальную реальность. «В этом, – отмечал Бодрийяр, – источник баснословной силы. Ведь если производство только и умеет, что производить какие-то материальные объекты и реальные знаки, через это обретая какую-никакую силу, то обольщение производит лишь приманки, но получает благодаря этому все мыслимые силы, в том числе силу завлечь производство и реальность в их основополагающую иллюзию-приманку» [2, с. 131].

Источник огромной силы дискурса соблазна – в его властвовании над символическим пространством, которое создается и развивается медийными индустриями, такими как кинематограф, реклама, телевидение, Интернет и др., а также индустриями поп-культуры. Для обозначения сферы деятельности, которая непосредственно занята массовым производством дискурсов соблазна – соблазна культурными смыслами, кодами, знаками и значениями – в настоящее время используется термин «культурные индустрии» [12] общем плане культурные индустрии представляют собой фабрики по массовому производству и распространению разнообразных текстов, зрелищ и развлечений. Посредством развития культурных индустрий расширяются сферы влияния мягкой силы. С процессом интернализации культурных индустрий, с превращением их в фактор культурного империализма [12, с. 289–298] происходит перераспределение международных культурных потоков в пользу интересов группы стран, занимающих лидирующие позиции на мировых культурных рынках. В зависимости от того, насколько культурные индустрии конкретной страны оказывают свое влияние на сферы культурной жизни других стран,

определяется степень развития ее мягкой силы. Борьба за культурную гегемонию в мировом масштабе является одновременно борьбой за утверждение в умах населения стран-конкурентов таких образов и ценностей, которые символизируют более привлекательный образ жизни и становятся объектами массовых желаний. Рекламный экспорт символов лучшей альтернативной жизни выступает важнейшей внешнеполитической стратегией soft power. Благодаря массированным рекламным атакам, распространяющим в глобальном масштабе соблазны американского образа жизни, США со второй половины XX века стали занимать доминирующую позицию в международных рейтингах развития мягкой силы. Рекламная индустрия США сыграла одну из решающих ролей в приобщении европейской молодежи к американским ценностям посредством технологий обольщения. При этом в качестве носителей символических фигур соблазна часто выступали вполне материальные вещи – предметы одежды, напитки, сигареты, жвачка и др. На данный способ реализации американской мягкой силы в эпоху «холодной войны» указывает и Дж. Най: «Поколение за поколением молодежь в самых разных европейских странах, – и к западу, и к востоку от «железного занавеса» – открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выражать собственно «Я» [7, с. 36].

Другим проверенным инструментом мягкой гегемонии Соединенных Штатов является американская поп-культура. Адаптация к ней европейцев после Второй мировой войны способствовала легкому и жизнерадостному усвоению идей и принципов либерализма, впрыснула молодую энергию в «высокую» культуру послевоенной Европы. Массовая культура оказала США большую услугу в поддержании экономического и военного лидерства.

Среди культурных индустрий, создающих мягкую силу посредством текстов, символов и знаков, выполняющих функцию соблазна, необходимо особо выделить индустрию Моды (Fashion Industry). мода – это культурный институт, использующий одежду в качестве системы знаков и образов, задающих определенные смыслы. Дискурс Моды представляет собой риторику, которая, по словам Р. Барта, выполняет властную функцию идеологии. Риторические фигуры Моды «образуют некото-

рое изображение мира, которое само смыкается с некоторой общей идеологией». Идеологичность знаковой системы Моды проявляется в силе ее обозначений и наименований реальности, которые преподносятся как некие нормативные сущности и культовые знаки [1, с. 315].

Властная функция дискурса моды как инструмента soft power состоит в формировании представлений о том, что следует считать модным, а что немодным, что является модным трендом и модным брендом. Поэтому мировыми лидерами в области Моды выступают не те страны и индустриальные группы, которые занимаются массовым производством одежды как товара, а те индустрии культуры, которые завоевывают мировой авторитет посредством утверждения в массовом сознании в качестве доминирующих такие знаково-смысловые фигуры, которые транслируют определенные соблазны: актуальность стиля, современность и новизна дизайна, статусность, гендерная и социальная идентификация, дерзость (cool) и смелость. мода как индустрия и определенный диктат знаковых систем выносит вердикт: «это cool, а это – нет» [6, с. 16]. Другими словами, мода является символической манифестацией продвинутой, современности, новизны, смелости, креативности и статусности посредством материальных носителей (одежда, аксессуары) и перформансов (модные показы, международные фестивали, выставки и др.).

Дискурс Моды – великая мягкая сила, поскольку контролирует и дисциплинирует мысли и тела больших масс людей в направлении различения нового и старого, рутинного и креативного, нормы и патологии, красоты и уродливости.

Важным транслятором дискурса моды является рекламная печатная и электронная продукция. Дискурс рекламы в качестве мягкой силы модных трендов интенционально стремится к приобретению транснационального характера и силы массового суггестивного воздействия. Рекламный дискурс – это персуазивный дискурс, направленный на омассовление сознания. Он осуществляет функцию психологического программирования массового человека в сторону присоединения к модным тенденциям.

Существуют особые дискурсы моды, которые специализируются на культивировании определенных телесных практик. Они также относятся к проявлениям soft power. К такого рода

бытованиям мягкой силы относятся: пропаганда здорового образа жизни, здорового питания, спортивно сложенного тела, молодости, сексуальности, нормативные предписания в сфере размеров и веса тела, контроль за возрастными изменениями и показателями, правила вскармливания детей, рекомендации в сфере физического и сексуального воспитания и др. В XX веке под воздействием данного дискурса моды стал активно формироваться культ молодого, сексуально активного тела, требующего постоянного самоконтроля, внутреннего и внешнего дисциплинарного воздействия.

Создание благоприятных условий для формирования внутренней мотивации на достижение телесного идеала – важная властно-организующая функция дискурса моды. Легитимно правильное тело дискурсивно задается как молодое, здоровое, мобильное, отзывчивое современным модным веяниям. Медийные источники дискурсивно конструируют и пропагандируют преимущественно энергичные, красивые тела, лишённые узнаваемых примет старости. В итоге, в массовом сознании формируется весьма соблазнительная мысль о том, что хронологическая старость может просто нивелироваться культурным воспроизводством молодости [9, с. 23].

В свете вышесказанного нам представляется вполне правомерным утверждение в рамках дискурсивного подхода следующей концептуальной формулы: «дискурс культурных индустрий = дискурс соблазна = дискурс soft power».

Структурный подход к изучению soft power предполагает фокусировку внимания на структурных компонентах мягкой силы как целостной системы мягкого влияния, осуществляемого в различных областях общественной жизни и коммуникативных практиках. Основной вопрос, который рассматривается в рамках структурного подхода, – это вопрос о выделении основных видов soft power (номенклатурный аспект). При этом в исследованиях по данной тематике особенно большое методологическое значение придается системному моделированию видов и подвидов мягкой силы.

Согласно одной из предлагаемых моделей системно-структурного моделирования soft power, следует выделять следующие виды мягкой силы: *экономическая* (привлекательность экономических рынков и брендов); *гуманитарная* (привлекательность социальных и образовательных программ,

учебных и научных институтов); *культурная* (развитость культурных коммуникаций, направленных на продвижение культурных традиций и достижений страны); *политическая* (показатели уровня развития институтов политической демократии, состояния защиты прав человека); *дипломатическая* (эффективность дипломатических усилий по урегулированию конфликтов и предотвращению агрессии, степень миролюбия, способность к установлению глобальной повестки дня) [14, с. 232–241].

В качестве важных структурных компонентов мягкой силы принято также выделять образовательный и научный обмены, позволяющие государству активно включаться в мировую сеть интерактивного внешнеполитического и культурного влияния. В одном из аналитических докладов приводятся данные, свидетельствующие о возрастании внимания государственных структур разных стран к развитию образования и науки как инструментам мягкой власти [5]. В последние годы в данный процесс активно включилась Россия. В 2011 г. перед российскими исследователями была поставлена задача по разработке концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации, а также подготовки проекта «Русская школа за рубежом». В перспективе предполагалось перенаправить студенческие потоки в российские вузы из крупнейших мировых демографических центров – Китая и Индии. Специалисты сегодня считают, что потенциал России вполне достаточен, чтобы довести долю страны на мировом рынке образовательных услуг до 10%.

Разработка структурных моделей soft power осуществляется в тесной методологической связке с проблематикой сравнительного анализа ресурсов и инструментов мягкой силы разных стран, а также – способов их измерения. В этой связи для определения параметров, а также показателей, на основании которых предполагается осуществлять измерения мягкой силы, было разработано понятие «soft power index». Иначе говоря, центр методологического внимания начал перемещаться в область разработки *измерительно-инструментального подхода* к анализу мягкой силы, который предполагает решение следующих вопросов: 1) каковы параметры и показатели, на основании которых можно измерять, а, следовательно, и сравнивать soft power разных государств; 2) насколько разнятся между собой в концептуальном и практическом

планах национальные модели «мягкой» силы; 3) какие страны являются наиболее «мягкими» в своей внешней и внутренней политике [15, с. 378–389].

В рамках измерительно-инструментального подхода получила свое развитие концепция квантитативного исследования soft power index, базирующаяся на комплексном анализе различных видов рейтингов, применяемых при оценке конкретных мощностей отдельных стран. Данный подход нашел свое отражение в работе Британского ученого Дж. Мак Клори [16]. Его системная модель измерительных инструментов мягкой силы была обозначена термином *RGMs*, который расшифровывается как *Rapid-growth markets soft power index*.

Согласно *RGMs*, номенклатура индексов мягкой силы представляет собой совокупность следующих 13 параметров:

1. *Media export*: экспорт медиа продукции, включающей фильмы, музыку, компьютерные игры, книги.

2. *Language enrollment*: распространение государственного языка той или иной страны в качестве инструмента международного общения.

3. *Olympics*: проведение Олимпийских игр, которые выступают в роли уникальной возможности для страны-организатора завоевать признательность и восхищение успехами в области спорта со стороны других стран.

4. *Power of icons* или «star power»: влияние харизматических фигур, зафиксированное в рейтингах 100 наиболее влиятельных людей мира от политиков до деятелей науки и культуры (к примеру, Нельсон Мандела считается иконой влияния, внесшей свой вклад в soft power Южно – Африканской Республики).

5. *Most admired companies*: попадание в топ-лист наиболее влиятельных бизнес-компаний, который регулярно публикует журнал «Fortune».

6. *Rule of law*: данный индекс разработан Мировым Банком и представляет собой попытку измерить и оценить качество государственных институтов с целью выяснения перспектив кредитования. Он включает рейтинг криминальности, уровень насилия и коррумпированности, что оказывает влияние на общий имидж страны.

7. *Freedom index*: уровень свобод в конкретной стране, который оказывает влияние на ее глобальную кредитоспособность. Страны, обозначенные в рейтинге как тоталитарные или нарушающие

права граждан, теряют в глазах мирового сообщества свою легитимность. Страны, подпадающие под характеристику авторитарных, также не зарабатывают высокой рейтинговой оценки. Согласно данному индексу, в списке наиболее свободных стран в последнее время оказались Чехия и Эстония.

8. *Voter turnout*: степень электорального участия граждан в парламентских или в президентских выборах, которая выступает показателем доверия населения к существующей власти, а следовательно – уровня развития soft power внутри страны.

9. *CO₂ emissions*: уровень выделения в атмосферу углекислого газа и деятельность, направленная на его снижение, которая вызывает уважение у других мировых субъектов, высоко оценивающих усилия по охране окружающей среды.

В отдельную группу выделяются индексы, обозначаемые зонтичным термином «Global integration». В данную группу входят ресурсы soft power, принимающие участие в мировом интеграционном процессе.

10. *Immigration*: рост числа иммигрантов выступает показателем привлекательности страны для иностранных граждан, что свидетельствует о высоком уровне ее soft power. Люди голосуют «ногами» в пользу той или иной страны, ее ценностей, уровнем правовой и социальной защищенности граждан.

11. *Tourism*, понимаемый как индустрия, в рамках которой осуществляется обмен ценностями, изучение истории и культуры других стран, вовлечение широких масс в межкультурную коммуникацию. Благодаря развитию туризма такие страны как Китай, Коста-Рика и Хорватия в последние годы достигли высоких показателей в области soft power.

12. *University ranking*: мировой университетский рейтинг, который включает множество качественных и количественных показателей, в числе которых – уровень «интернализации», измеряемый количеством иностранных студентов, а также студентов, отправляемых на учебу в рамках программ образовательного обмена. Лучшими университетами, как правило, оказываются те, которые постоянно притягивают к себе большое количество зарубежных студентов и преподавателей. Кроме того, качество университетского образования может быть оценено посредством такого показателя как востребованность выпускников вуза на мировом рынке труда.

13. *English fluency*: свободное владение английским языком расценивается как необходимое условия интеграции в глобальную мировую систему. Чем больше в стране лиц, владеющих английским языком как языком международного делового и культурного общения, тем выше показатель ее мягкой силы. Благодаря данному показателю, к примеру, Индия, занимает высокую позицию в совокупном рейтинге soft power, зафиксированном рейтинговой системой *RGMs*.

Следует отметить, что система *RGMs* не является основным рейтинговым механизмом измерения и сравнительных оценок soft power различных стран. Сегодня каждая крупная держава, претендующая на занятие ведущей позиции на мировых рынках и заинтересованная в расширении сфер применения своих инструментов soft power, принимает активное участие в разработке собственной рейтинговой системы. Примечательно, что национальные рейтинговые системы soft power отдают предпочтение тем параметрам, относительно которых страна уже добилась значительных успехов. В этой связи можно утверждать, что практически любой рейтинг мягкой силы носит идеологический характер и тесно привязан к маркетинговым интересам страны в мире глобальной конкуренции.

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.

2. Бодрийяр Ж. Соблазн / Перевод с французского А. Гарражи. М.: Издательство Ad Marginem, 2000.

3. Бренд территории: создание и продвижение. Как это делается в России. Практическое руководство / Блащенко В. – М.: ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2011.

4. Историческая политика в XXI веке: Сборник статей – М.: Новое литературное обозрение, 2012.

5. Материалы к заседанию Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации. Образование как инструмент «мягкой силы» и «умной власти» во внешней политике России // www.budgetrf.ru/Publication/Magazines/VestniksF/2012/VSF_NEW2012/10191208_p_003.htm (дата обращения 14.03.2013).

6. Михалева К.Ю. Система моды / К.Ю. Михалева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

7. Най Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения // Свободная мысль – XXI, 2004. № 10.

8. Паршин, П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: [Текст] / П.Б. Паршин. – Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД России. – 2013. – Вып. 1 (63).

9. Про Тело. Молодежный контекст: сб. статей / под ред. Е. Омеленко, Н. Нартовой. – СПб.: Алетейя, 2014

10. Русакова О.Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна // Известия Уральского университета. Серия 3. Общественные науки. № 4 (97). 2011.

11. Русакова О.Ф. Шоу-политика: особенности дискурса //

Социум и власть. 2009. № 4.

12. Хезмондаш, Д. Культурные индустрии [Текст] / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

13. Hall Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics, Vol. 3, 2010.

14. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Volume 126. Number 2. Summer 2011.

15. Hunter Alan. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics, Vol. 2, 2009.

16. McClory, Jornathan. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010.

1. Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury. – Per. s fr., vstup. st. i sost. S.N. Zenkina. – М.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx, 2003.

2. Bodriyyar Zh. Soblazn / Perevod s francuzskogo A. Garadzhi. М.: Izdatel'stvo Ad Marginem, 2000.

3. Brend territorii: sozдание i prodvizhenie. Kak e'to delaetsya v Rossii. Prakticheskoe rukovodstvo / Blashenkova V. – М.: OAO «Mozhayskiy poligraficheskij kombinat», 2011.

4. Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

5. Materialy k zasedaniyu Nauchno-e'kspertnogo soveta pri Predsedatele Soveta Federacii. Obrazovanie kak instrument «myagkoj sily» i «umnoj vlasti» vo vneshnej politike Rossii //

www.budgetrf.ru/Publication/Magazines/VestnikF/2012/VSF_NEW2012/10191208_p_003.htm (data obrashheniya 14.03.2013).

6. Mixaleva K.Yu. Sistema mody / K.Yu. Mixaleva. – М.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N), 2010.

7. Naj Dzh. «Myagkaya» sila i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl' – XXI, 2004. № 10.

8. Parshin, P.B. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii: [Tekst] / P.B. Parshin. – Analiticheskie doklady IMI MGIMO (U) MID Rossii. – 2013. – Вып. 1 (63).

9. Pro Telo. Molodezhnyj kontekst: sb. statej / pod red. E. Omel'chenko, N. Nartovoj. – SPb.: Aletejya, 2014

10. Rusakova O.F. Kratologicheskaya model' diskursa soblazna // Izvestiya Ural'skogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennyye nauki. № 4 (97). 2011.

11. Rusakova O.F. Shou-politika: osobnosti diskursa // Socium i vlast'. 2009. № 4.

12. Xezmondalsh, D. Kul'turnye industrii [Tekst] / per. s angl. I. Kushnarevoj; pod nauch. red. A. Mixalevoj; Nac. Issled. Un-t «Vysshaya shkola e'konomiki». – М.: Izd. dom Vysshej shkoly e'konomiki.

13. Hall Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics, Vol. 3, 2010.

14. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Volume 126. Number 2. Summer 2011.

15. Hunter Alan. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics, Vol. 2, 2009.

16. McClory, Jornathan. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF CATEGORICAL AND INSTRUMENTAL ANALYSIS OF SOFT POWER

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
head of philosophy division, doctor of Political Sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

The article explains the system of categories, which specifies the semantic meaning of the term soft power. As related terms are considered category «reputation power», «brand power», «representational power», «seduction», «identity», and others. Broadly speaking, soft power is treated as a driver of non-violent action. The author focuses on three methodological approaches to the analysis of the phenomenon of soft power: discursive, structural and instrumental-measuring. In frames of the discursive approach the author analyzes the cultural industries as agents of the ruling power of discourse soft power. From the position of the structural approach highlights the main types of resource groups of soft power. Measuring and instrumental approach presents an analysis of the popular rating system Rapid-growth markets soft power index.

Key words:

soft power, brand, identity, seduction, cultural industries, Fashion discourse, discursive approach, structural approach, instrumental-measuring approach, rating of soft power.

ЯЗЫКОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ SOFT POWER

Пашаева Гюльшен Мамедали кызы,

заместитель директора Центра Стратегических Исследований при Президенте Азербайджанской Республики, кандидат филологических наук, доцент,
Баку, Азербайджан,
Email: gulshan.pashayeva@sam.gov.az; gulshan_pm@yahoo.com

Аннотация

В статье рассматривается роль языка как специфического инструмента «soft power» в контексте осуществления внешней политики. На примере Азербайджана анализируется потенциал использования иностранных языков (русского и английского) с целью продвижения национальных интересов на международной арене как внешними акторами, так и представителями государственных органов и гражданского общества Азербайджанской Республики.

Ключевые слова:

мягкая сила, языковая политика, иностранный язык, русский язык, английский язык.

Введение

В современных исследованиях, охватывающих систему международных отношений, весьма распространенной является практика бинарного противопоставления т. н. «жесткой» и «мягкой» сил, обозначаемых в англоязычной литературе, соответственно, понятиями hard power и soft power. Хотя, в зависимости от предметной области и задач исследования этим собирательным понятиям придаются различные смысловые значения [24, с. 16], сам Джозеф Най, автор концепта soft power, рассматривает «мягкую силу» как способ достижения желаемых результатов в международных делах за счет привлечения, а не принуждения или денежного вознаграждения [21].

С другой стороны, язык, как один из главных маркеров этно-национальной идентичности, всегда играл важную роль в истории международных отношений, и, не в последнюю очередь, из-за частого несовпадения языковых и государственных границ. Изменения в геополитической карте мира, интенсификация миграционных потоков и формирование трансграничных языковых сообществ, расширение сферы влияния мировых языков приводят к тому, что язык становится важным ресурсом, который государственные и негосударственные акторы начинают активно

использовать для продвижения собственных внешнеполитических интересов.

Одновременно, в последние годы, язык перестал рассматриваться как «вещь в себе», и «на первый план выдвинулись вопросы о том, как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств» [15, с. 4]. Это способствовало росту интереса к лингвистическому компоненту в междисциплинарных исследованиях, и, в этом смысле, анализ языкового измерения «мягкой силы» не является исключением.

Согласно Р. Блакару, выделяется 3 уровня, на которых язык может реально способствовать осуществлению власти:

– в процессе отдельного коммуникационного акта, в котором конкретное использование языка отправителем структурирует и обуславливает восприятие содержания сообщения получателем;
– посредством своего способа концептуализации «действительности», представляя определенные точки зрения или интересы, оказывая тем самым значительное воздействие этих точек зрения на всякого изучающего и использующего этот язык;

– через использование различий в статусе тех или иных языков [8, с. 92].

В соответствии с этим подходом, применительно к «мягкой силе» (в качестве одного из властных инструментов) можно говорить как о языковом измерении этой силы, так и о коммуникативном, культурологическом и статусном потенциале того или иного языка. Очевидно, что с точки зрения эффективности «мягкой силы» коммуникативный потенциал языка, определяется не просто абсолютным числом людей, которые им владеют, но и количеством стран, в которых этот язык пользуется популярностью, и, именно, по этому показателю, например, китайский язык существенно уступает английскому, французскому и испанскому языкам. Одновременно, реальная возможность использования языка в качестве инструмента мягкого влияния зависит и от его официального или рабочего статуса, как в рамках ООН, так других крупных международных организаций.

Вместе с тем, наибольший интерес вызывает культурологический потенциал языка, т.к. согласно Дж. Наю, культурная привлекательность страны, ее политические ценности (если страна всегда их придерживается), а также легитимная, нравственная и авторитетная внешняя политика являются основными ресурсами «мягкой силы» [21]. Фактически же, ее инструментами становятся привлекательные идеи, символы и образы, которые формируют соответствующий дискурс, позволяющий «мягкой силе» влиять на субъект воздействия таким образом, чтобы он свободно и добровольно ей подчинился, воспринимал ее предписания как результат своего самостоятельного выбора [27, с. 174].

Очевидно, что в эпоху глобализации и бурного развития компьютерных технологий такое воздействие невозможно оказать без эффективного использования языка как основного средства создания, хранения и передачи информации. Более того, язык, как сложный социально-культурный феномен, способный облечь в приемлемую форму «мягкую силу», сам превращается в неотъемлемую часть такой силы и в значительной степени определяет успех ее применения.

С другой стороны, трудно не согласиться с С. Хантингтоном в том, что «наиболее широко употребляемые языки являются или были язы-

ками империалистических государств, которые активно поощряли использование своего языка другими народами» [28, с. 85]. Не стоит забывать, о том, что знание языка империи также приносило существенные моральные и материальные выгоды, облегчало получение хорошего образования, создавало возможности для быстрого социально-культурного развития.

Благодаря активной поддержке бывших метрополий, эти языки и сегодня сохраняют свое политическое и культурное влияние, в частности, уже классическим стало упоминание деятельности Британского Совета [1] и Франкофонии – международной организации сотрудничества, объединяющей на сегодня 57 стран-участников и 20 стран-наблюдателей, в которых проживает более 220 млн. франкоязычных жителей [4].

Язык и культура являются важным элементом позиционирования на мировой арене и для Испании, пытающейся расширить свое внешнеполитическое и экономическое влияние посредством созданного в 1991 году Иберо-американского сообщества наций. Активная языковая политика, проводимая посредством Королевской академии испанского языка и Института Сервантеса, направлена, прежде всего, на поддержку и развитие современных языковых стандартов, реализацию программ языкового обучения, продвижение испанской и испано-американской культур [16].

В той или иной степени с помощью языка, как неотъемлемой части национальной культуры, решают собственные внешнеполитические задачи и Германия [14], и Италия [13]. Как известно, в последние годы и в России уделяется пристальное внимание дипломатическому потенциалу русского языка и русской культуры, которые рассматриваются, как главные двигатели российской «мягкой силы» и мировые «бренды», известные многим миллионам людей по всему земному шару [12, с. 11].

Особое место среди международных языков, занимает английский язык, обязанный сегодня своим широким распространением не столько Британской империи, сколько безальтернативно доминированию США на Западе после второй мировой войны, во всем мире – с конца прошлого века, а также благодаря формированию глобальной экономики, для надежного функционирова-

ния которой необходимо наличие однородной языковой среды.

Активно проявляет себя английский язык и в языковом пространстве постсоветского Азербайджана, где наблюдается зарождение своеобразной конкуренции между этим языком и русским за право считаться основным иностранным языком страны. Как известно, русский язык, как язык межнационального общения в Советском Союзе, долгие годы занимал ведущие позиции в Азербайджане, в то время, как английский язык в силу отсутствия прямых связей Азербайджана с внешним миром, практически не использовался вне рамок учебного процесса. В настоящей статье на примере Азербайджана рассматривается потенциал использования этих языков с целью продвижения национальных интересов на международной арене как внешними акторами, так и представителями государственных органов и гражданского общества Азербайджанской Республики.

Языковое пространство Азербайджана: английский или русский?

В настоящее время в языковом пространстве Азербайджана доминирует азербайджанский язык – родной язык этнических азербайджанцев (91,6% населения страны [5]), обладающий, как и в советское время, статусом государственного языка и являющийся основой формирования единой политической (гражданской) нации. Одновременно, с учетом той роли, которую играет родной язык в процессах этнической самоидентификации, Азербайджанское государство старается проводить гармоничную языковую политику с целью создания условий для сохранения, всестороннего развития, свободного выбора и использования родных языков национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп проживающих на территории страны.

Общеизвестно, что образование (особенно среднее) – это один из важных элементов, влияющих на формирование основ национально-культурной идентичности, и именно эта сфера становится первоочередным объектом воздействия «мягкой силы» посредством языков, которые выбираются для изучения в качестве

родного и иностранного. При этом считается, что выбор языков в школе чаще всего определяется естественным желанием родителей обеспечить своим детям более широкие возможности для их дальнейшего социально-экономического роста.

Естественно, что в Азербайджане основным языком обучения (родным языком) является азербайджанский язык. Так в 2013/2014 учебном году азербайджанский был языком обучения для 92,73% учащихся средних школ, в то время как 7,04% школьников обучались на русском языке, 0,1% на английском и 0,09% на грузинском*.

Что касается иностранных языков, то в условиях расширения политических, экономических и гуманитарных связей Азербайджана с внешним миром, наличия в стране большого количества зарубежных компаний и представительств международных организаций, в общественном сознании сложилось устойчивое мнение о том, что знание английского языка является определяющим фактором обеспечения высокого уровня жизни. Это находит свое отражение и при выборе языков, изучаемых в качестве иностранного. В частности, в 2013/2014 учебном году английский язык как иностранный изучали 83,53% школьников (для сравнения русский как иностранный изучали – 21,83%, французский – 2,63%, а немецкий – 1,59% школьников).

В системе высшего образования страны доля обучающихся на иностранных языках еще выше, в частности, в 2013/2014 учебном году 11,7% бакалавров обучались на русском языке и 4,12% на английском, среди магистров эти цифры составили, соответственно, 9,93% и 8,02%. Одновременно, как показывают опросы [3], английский язык по-прежнему остается самым популярным языком, который выбирают для изучения на многочисленных курсах иностранных языков в Азербайджане.

Интерес к изучению иностранных языков и получению образования за рубежом учитывается правительствами ряда стран при организации бесплатных языковых курсов и программ обучения, выделении грантов на проведение академических

* Эти и приведенные далее некоторые статистические данные получены из Министерства Образования Азербайджанской Республики.

исследований и т. д. В частности, на сегодняшний день в рамках 25 различных программ более пяти тысяч азербайджанских студентов, специалистов и научных работников получили образование и совершили визиты в США [9]. Особо следует выделить программу The Future Leaders Exchange (FLEX), по которой уже около 1000 азербайджанцев провели учебный год в этой стране, проживая в обычных семьях и параллельно обучаясь в старших классах американских школ. Начиная с 2002 года, в Азербайджане также активно действует известная американская организация Peace Corps, более 230 волонтеров которой преподают английский язык в регионах Азербайджана [22].

Что касается России, то по данным Министерства Образования Азербайджанской Республики в рамках подписанного в феврале 2002 года Соглашения между министерствами образования двух стран в вузах России в настоящее время обучаются 205 азербайджанских студентов, а 292 человека уже успешно завершили свое обучение.

С другой стороны, в Азербайджане существует объективная необходимость активного использования английского языка для решения неотложных задач в области внешней политики и экономики, особенно, при реализации нефтегазовых проектов на Каспийском шельфе с участием крупнейших транснациональных компаний, рабочим языком которых в основном является английский. Одновременно, для удовлетворения потребностей в квалифицированных кадрах была инициирована Государственная Программа по обучению Азербайджанской молодежи в зарубежных странах, согласно которой в 2007–2015 годах высшее образование за рубежом смогут получить 5000 человек. Среди азербайджанских студентов, получающих образование в рамках этой программы, наибольшей популярностью пользуются вузы Великобритании, в которые за период с 2007 по 2014 годы поступило 676 человек, в то время как для российских вузов количество обучающихся составило лишь 113 человек [11].

В общем, следует отметить, что в Азербайджане стараются соблюдать некий паритет в отношении изучения и использования русского и английского в системе образования, что, в частности, проявляется в параллельной

реализации проектов по интенсивному изучению английского и русского языков в ряде пилотных школ страны [18].

Вместе с тем, несмотря на растущий практический интерес к изучению английского языка, уровень его знания, и, тем более, степень использования этого языка в общественной сфере, например, образовании и СМИ, намного уступает русскому. Это является, в первую очередь, следствием слабого знания английского языка. В частности, согласно данным Переписи 2009 года количество граждан Азербайджана свободно владеющих русским превышает количество владеющих английским в 9,5 раза [5]. В силу этого фактора традиционно сильными остаются позиции русского языка и в информационном пространстве.

Как известно, в Азербайджане действуют нормативно-правовые ограничения на прямое вещание зарубежных телеканалов на национальных частотах, однако просмотр телеканалов на иностранных языках возможен с помощью, как спутникового телевидения, так и сравнительно доступных сетей кабельного телевидения. В частности, в базовом пакете оператора кабельного телевидения BBTB удельный вес каналов на русском языке составляет 41,5%, в то время как для англоязычных каналов эта цифра составляет 14,3%, а для турецких каналов – 18,2% [23].

По сравнению с англоязычными также довольно большой популярностью пользуются в Азербайджане и Интернет-ресурсы на русском языке. В частности, согласно данным компании Alexa, специализирующейся на сборе статистики о посещаемости сайтов, в 20-ку наиболее популярных Интернет ресурсов в Азербайджане постоянно входят новостные азербайджанские порталы, которые распространяют информацию либо только на русском языке, либо имеют дополнительно и русскоязычную версию. Также в 20-ке популярных ресурсов находятся такие известные российские сервисы, как почтовая система Mail.Ru, социальные сети «Одноклассники» и «ВКонтакте», поисковая система «Яндекс» [6].

Приведенные выше факты, позволяют сделать вывод о том, что в Азербайджане русский язык как иностранный в популярности уступает английскому, однако, удерживает свои позиции

за счет того, что уже на протяжении многих лет, начиная с советского периода, является фактически вторым языком обучения в средней и высшей школе.

Если не учитывать специфическую роль турецкого языка, обусловленную особыми стратегическими отношениями между Турцией и Азербайджаном, общими этническими корнями двух народов и близким лингвистическим родством турецкого и азербайджанского языков, то в среднесрочной перспективе в Азербайджане именно русский и английский языки могут рассматриваться как потенциальные инструменты «мягкой силы».

«Мягкая сила» в Азербайджане: субъекты и объекты

Известно, что культура, как важнейший ресурс «мягкой силы», является продуктом естественного развития того или иного общества и опирается на складывающиеся на протяжении многих лет национально-государственные традиции и ценности. При этом важнейшей характеристикой этого компонента «мягкой силы» являются ее относительная независимость от официальных структур, в отличие, например, от «жесткой силы», целиком контролируемой правительством. Именно поэтому, согласно Дж. Наю, «в значительной мере мягкую силу Америки создает, не государство, а гражданское общество – все, начиная с университетов и фондов, и кончая Голливудом и поп-культурой» [21]. Верно и обратное, т.е. главным объектом, на который влияет «мягкая сила», в первую очередь, становятся различные социальные группы в целом и отдельные индивиды в частности.

Для языка, как культурологического ресурса «мягкой силы» и ее основного коммуникативного инструмента, подобным коллективным объектом выступают представители тех сообществ, для которых соответствующая языковая идентичность является определяющей. В условиях Азербайджана, с учетом уникального положения русского языка, как языка обучения, так и широко используемого иностранного, такой потенциальной социальной группой могут считаться русскоязычные граждане страны. Естественно,

что среди представителей этой группы чаще всего встречаются приверженцы цивилизационного течения «русчулуг» («прорусскость»), которое проявляется в стремлении к установлению более тесных связей с Россией в рамках различных интеграционных проектов [20]. Однако, настроения, бытующие в этой среде, носят больше ностальгический характер, и слабо отражаются на политических воззрениях русскоязычных азербайджанцев, во всяком случае серьезных попыток использовать фактор русского языка в общественно-политических целях в Азербайджане не наблюдается.

К сожалению, на постсоветском пространстве вопрос о русском языке иногда излишне политизируется и превращается в главный индикатор уровня межгосударственных отношений. При таком подходе отсутствие официального статуса у русского языка в бывших союзных республиках рассматривается как тенденция «вытеснения русского языка» [7], а умение говорить по-русски фактически напрямую связывается со вполне определенными политическими предпочтениями [19].

Между тем, Азербайджан последовательно выступает за деполитизацию гуманитарного сотрудничества, которое играет особую роль в стратегическом партнерстве с Россией и является основой развития дружественных, взаимовыгодных, предсказуемых и стабильных отношений между двумя странами [26]. Более того, можно полагать, что «процессы гуманитарного взаимодействия двух стран, говоря языком политологии, механизмы soft-power, стали уже не просто отдельным дополнением политических усилий государств, но и самостоятельным процессом, объединяющим наши страны на уровне гражданского общества» [29]. В свою очередь, в среднесрочной перспективе уровень гуманитарного сотрудничества между Азербайджаном и Россией в значительной степени будет определяться ролью русского языка как основного средства межгосударственной, межкультурной и межличностной коммуникации [10, с. 131].

Вместе с тем, интерес к сохранению русского языка в Азербайджане не исчерпывается сферой двухсторонних отношений с Россией, а в значительной степени определяется ролью это-

го языка как де-факто языка межнационального общения на территории бывшего СССР. В рамках проводимой Азербайджаном наступательной внешней политики, при реализации которой большое значение придается т. н. «публичной дипломатии», именно, русский язык выступает как незаменимый инструмент защиты национальных интересов нашей страны на постсоветском пространстве.

В аналогичном ключе можно рассматривать и вопрос распространения английского языка в Азербайджане. Тем более, что являясь глобальным lingua franca, английский язык становится универсальным и необходимым компонентом «мягкой силы» любого актора. Это связано с тем, английский язык перестает восприниматься исключительно как родной язык населения Великобритании, США и др. англоязычных стран и рассматриваться как «проводник» лишь англосаксонской культуры [17, с. 40].

Одновременно, прозрачность информационных границ в некоторой степени уравнивает возможности больших и малых государств, а также повышает роль таких негосударственных акторов, как крупные СМИ, международные НПО и др. В контексте «мягкой силы» это означает, что доминирование английского, создает известные преимущества для тех акторов, которые, не являясь англоязычными в традиционном смысле этого слова, тем не менее активно используют английский язык в качестве инструмента продвижения собственных интересов. Из этого следует парадоксальный вывод о том, что распространение английского языка, как глобального, может привести к ослаблению (нейтрализации) влияния, например, США, т. к. было бы ошибочным полагать, что, общение на одном языке (в данном случае – английском) автоматически означает приверженность единым политическим и культурным ценностям [2].

Сказанное выше в известной степени относится и к Азербайджану, который западной «мягкой силой» отвечает собственной англоязычной «мягкой силой», позиционируя Азербайджан, как страну, принадлежащую одновременно к Западу и Востоку, с разнообразным культурно-историческим наследием, обладающей большим туристическим потенциалом, благоприятными

условиями для ведения бизнеса, богатыми традициями толерантности и гостеприимства. Особую активность в этом направлении проявляет Фонд Г. Алиева, возглавляемый Первой леди страны М. Алиевой [25].

Вместе с тем, процесс формирования азербайджанской «мягкой силы», невозможен без широкой поддержки гражданского общества, в первую очередь, молодежи. В этом контексте иностранные языки должны рассматриваться не столько как потенциальный канал влияния того или иного государства, а как необходимое средство, которое позволит новому поколению безболезненно интегрироваться в современный мир и достойно представлять Азербайджан на мировой арене.

Заключение

Азербайджан, расположенный в центре Евразии на пересечении древних торговых путей, всегда выделялся своим полиэтничным населением, что в немалой степени способствовало распространению здесь элементов двуязычия и даже многоязычия. И сегодня языковое пространство Азербайджана находится под постоянным лингвистическим воздействием таких различных в политическом и культурно-цивилизационном плане стран и регионов, как США и Западная Европа, Турция и Россия, Иран и исламский мир в целом.

В этих условиях, естественно, что государство уделяет особое внимание укреплению позиций государственного языка – азербайджанского, как основного ресурса консолидации обще-азербайджанской национальной идентичности. Важным элементом такой консолидации является среднее образование на азербайджанском языке, а также обязательное преподавание таких предметов, как азербайджанский язык и литература, история и география Азербайджана, в случае если преподавание ведется на других языках. Одновременно, государство, проявляя прагматизм, не ограничивает изучение иностранных языков, рассматривая хорошее знание этих языков, как важный социо-культурный фактор, способствующий росту конкурентоспособности азербайджанской молодежи на региональных и глобальных рынках труда.

Широкое распространение в Азербайджане английского и русского языков, с одной стороны, облегчает воздействие «мягкой силы» западных стран и России, а, с другой, создает возможность формирования собственной «мягкой силы», направленной на формирование и продвижение позитивного имиджа страны за рубежом. В современных условиях эту стратегическую задачу невозможно решить, не уделяя особого внимания такой важной компоненте «мягкой силы» как язык.

1. Contribution to UK soft power. URL: <http://www.britishcouncil.org/organisation/facts/what-the-british-council-does/contribution-uk-soft-power> (Дата последнего обращения ко всем электронным ресурсам: 01.07.2014).
2. Rose R. (2005) Language, Soft Power and Asymmetrical Internet Communication. Oxford Internet Institute Research Report No. 7, University of Oxford. URL: <http://www.oii.ox.ac.uk/research/publications/RR7.pdf>.
3. Speak English. И не только. Газета «Азербайджанские Известия». 6 марта 2012 года. URL: <http://www.azerizv.az/news/a-9866.html>.
4. The International Organisation of La Francophonie. URL: <http://www.francophonie.org/Welcome-to-the-International.html>.
5. The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Population by ethnic groups. URL: http://www.stat.gov.az/source/demography/ap/en/1_5en.xls.
6. Top sites in Azerbaijan. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/AZ>.
7. А. Бартош «Лингвистическая безопасность страны». URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-02-14/1_model.html.
8. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти. Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы/СОСТ. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.
9. В Баку прошел прием азербайджанских финалистов и выпускников программ по обмену США. Trend News Agency. URL: <http://www.trend.az/news/society/2287334.html>.
10. Г. Пашаева «Русский язык в Азербайджане: реалии и перспективы». Сборник материалов конференции «Русский язык зарубежья». Ровинская М., ред. – СПб.: Златоуст, 2013. 336 с.
11. Государственная программа по обучению Азербайджанской молодежи в зарубежных странах на 2007–2015 годы. Статистика (на азербайджанском языке). URL: <http://xaricdetehsil.edu.gov.az/uploads/Statistika.pdf>.
12. Громыко Ал. А. Русский язык и культура в политике «мягкой силы» России. Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения / [под ред. Ал. А. Громыко (сост., авт.)]. – М.: Ин-т Европы РАН: Нестор – история, 2013. С. 9–16. URL: <http://www.ieras.ru/doclad/292.pdf>.
13. Зонова Т. Итальянский язык – soft power или dolce potere? URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1135.
14. Камкин А. Немецкий язык – быть или не быть? URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=1409.
15. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

16. Кудярова Н. Испанский язык: две проекции одного явления. URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=2715.
17. Лалетина А.О. Глобализация как объект лингвистических исследований. Политическая лингвистика. 2011. Вып. 3 (37). С. 39–45. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/37.pdf>.
18. Министр образования Азербайджанской Республики подписал указы по «расширению масштабов проекта по интенсивному преподаванию английского языка» и «продолжению проекта по интенсивному обучению русского языка». Официальный сайт Министерства Образования Азербайджанской Республики. URL: <http://www.edu.gov.az/view.php?lang=ru&menu=9&id=7513>.
19. Михалев А.В. Русский язык в политическом пространстве постсоциалистической Монголии / А.В. Михалев // Политическая экспертиза. – 2010. – № 2. – С. 198–212.
20. Мусабеков Р. Формирование национальных идеологий и национальных проектов. URL: <http://1news.az/analytics/2011060411137656.html>.
21. Най Дж. Что Китай и Россия не понимают в «мягкой силе». URL: <http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html>.
22. Отчет о проделанных в 2012 году работах в области международных отношений (на азербайджанском языке). Официальный сайт Министерства Образования Азербайджанской Республики. URL: <http://edu.gov.az/upload/file/HESABAT/2012/beynelxalq-elaqeler.pdf>.
23. Официальный сайт компании «BB TV Communication». URL: http://bbtv.az/ru/show.page.php?page_id=62.
24. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. Вестник МГИМО-Университета. № 2 (35) 2014. С. 14–21. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/parshin.pdf>.
25. Проекты Фонда Г. Алиева. Популяризация Азербайджана. URL: <http://www.heydar-aliev-foundation.org/ru/content/blog/120/Promotion-of-Azerbaijan>.
26. Рабочий визит В. Путина в Азербайджан. Заявления для прессы по итогам российско-азербайджанских переговоров. 13 августа 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19030>.
27. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2010. – 2010 Вып. 10. – С. 173–192. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2010/13.pdf>.
28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
29. Цыганов О. Патриотизм, оптимизм и единение. URL: <http://izvestia.ru/news/366497>.

1. Contribution to UK soft power. URL: <http://www.britishcouncil.org/organisation/facts/what-the-british-council-does/contribution-uk-soft-power> (Data poslednego obrashheniya ko vsem e'lektronnym resursam: 01.07.2014).
2. Rose R. (2005) Language, Soft Power and Asymmetrical Internet Communication. Oxford Internet Institute Research Report No. 7, University of Oxford. URL: <http://www.oii.ox.ac.uk/research/publications/RR7.pdf>.
3. Speak English. I ne tol'ko. Gazeta «Azerbaijdzhanskiye Izvestiya». 6 marta 2012 goda. URL: <http://www.azerizv.az/news/a-9866.html>.
4. The International Organisation of La Francophonie. URL: <http://www.francophonie.org/Welcome-to-the-International.html>.
5. The State Statistical Committee of the Republic of

Azerbaijan. Population by ethnic groups. URL: http://www.stat.gov.az/source/demography/ap/en/1_5en.xls.

6. Top sites in Azerbaijan. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/AZ>.

7. A. Bartosh «Lingvisticheskaya bezopasnost' strany». URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-02-14/1_model.html.

8. Blakar R. Yazyk kak instrument social'noj vlasti. Yazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya: Perevody/SOST. V.M. Cepreeva i P.B. Parshina; Obshh. red. V.V. Petpova. M.: Progress, 1987. S. 88–125.

9. V Baku proshel priem azerbajdzhanskix finalistov i vypusnikov programm po obmenu SShA. Trend News Agency. URL: <http://www.trend.az/news/society/2287334.html>.

10. G. Pashaeva «Russkij yazyk v Azerbajdzhane: realii i perspektivy». Sbornik materialov konferencii «Russkij yazyk zarubezh'ya». Rovinskaya M., red. – SPb.: Zlatoust, 2013. 336 s.

11. Gosudarstvennaya programma po obucheniyu Azerbajdzhanskoj molodezhi v zarubezhnyx stranax na 2007–2015 gody. Statistika (na azerbajdzhanskom yazyke). URL: <http://xaricdetehsil.edu.gov.az/uploads/Statistika.pdf>.

12. Gromyko A.I. A. Russkij yazyk i kul'tura v politike «myagkoj sily» Rossii. Bol'shaya Evropa v global'nom mire: novye vyzovy – novye resheniya / [pod red. A.I. Gromyko (sost., avt.)]. – M.: In-t Evropy RAN: Nestor – istoriya, 2013. S. 9–16. URL: <http://www.ieras.ru/doclad/292.pdf>.

13. Zonova T. Ital'yanskij yazyk – soft power ili dolce potere? URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1135.

14. Kamkin A. Nemeckij yazyk – byt' ili ne byt'? URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=1409.

15. Karasik V.I. Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.

16. Kudeyarova N. Ispanskij yazyk: dve proekcii odnogo yavleniya. URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=2715.

17. Laletina A.O. Globalizaciya kak ob'ekt lingvisticheskix issledovanij. Politicheskaya lingvistika. 2011. Vyp. 3 (37). S. 39–45. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/37.pdf>.

18. Ministr obrazovaniya Azerbajdzhanskoj Respubliki podpisal prikazy po «rasshireniyu masshtabov proekta po

intensivnomu prepodavaniyu anglijskogo yazyka» i «prodolzheniyu proekta po intensivnomu obucheniyu russkogo yazyka». Oficial'nyj sayt Ministerstva Obrazovaniya Azerbajdzhanskoj Respubliki. URL: <http://www.edu.gov.az/view.php?lang=ru&menu=9&id=7513>.

19. Mixalev A.V. Russkij yazyk v politicheskom prostranstve postsocialisticheskoy Mongolii / A.V. Mixalev // Politicheskaya e'kspertiza. – 2010. – №. 2. – S. 198–212.

20. Musabekov R. Formirovanie nacional'nyx ideologij i nacional'nyx proektov. URL: <http://1news.az/analytics/20110604111137656.html>.

21. Naj Dzh. Chego Kitaj i Rossiya ne ponimayut v «myagkoj sile». URL: <http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html>.

22. Otchet o prodelannyx v 2012 godu rabotax v oblasti mezhdunarodnyx otnoshenij (na azerbajdzhanskom yazyke). Oficial'nyj sayt Ministerstva Obrazovaniya Azerbajdzhanskoj Respubliki. URL: <http://edu.gov.az/upload/file/HESABAT/2012/beynelxalq-elaqeler.pdf>.

23. Oficial'nyj sayt kompanii «BB TV Smmunication». URL: http://bbtv.az/ru/show.page.php?page_id=62.

24. Parshin P.B. Dva ponimaniya «myagkoj sily»: predposylki, korrelyaty i sledstviya. Vestnik MGIMO-Universiteta. № 2 (35) 2014. S. 14–21. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/parshin.pdf>.

25. Proekty Fonda G. Alieva. Populyarizaciya Azerbajdzhana. URL: <http://www.heydar-aliev-foundation.org/ru/content/blog/120/Promotion-of-Azerbaijan>.

26. Rabochij vizit V. Putina v Azerbajdzhan. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossijsko-azerbajdzhanskix peregovorov. 13 avgusta 2013 goda. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19030>.

27. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (Soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. – Ekaterinburg, 2010. – 2010 Vyp. 10. – S. 173–192. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2010/13.pdf>.

28. Xantington S. Stolknovenie civilizacij M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 s.

29. Cyganov O. Patriotizm, optimizm i edinenie. URL: <http://izvestia.ru/news/366497>.

КОНЦЕПЦИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Шаповалова Александра Игоревна,

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
Институт международных отношений,
докторант, кандидат политических наук,
г. Киев, Украина
E-mail: alexandra.shapovalova@gmail.com

Аннотация

В докладе анализируются и развиваются базовые теоретические положения социального конструктивизма относительно концепции силы в международных отношениях. На основе данных положений предложена многоуровневая интерпретация концепции силы в приложении к внешней политике государств.

Ключевые слова:

социальный конструктивизм, сила, социальные значения и практики, социальный контекст, внешняя политика.

Для социального конструктивизма концепция силы представляет особый интерес, поскольку помещение в центр конструктивисткой картины мира нематериальных, социальных и идейных элементов политической реальности обусловило необходимость в переосмыслении онтологической сущности базовых категорий теории международных отношений, в том числе категории силы – ключевой переменной, обеспечивающей динамику международных процессов.

В рамках существующих исследований представителями конструктивизма сформулирован ряд концептуальных положений относительно этой категории.

Во-первых, сила в конструктивистской интерпретации обозначает не столько способность к прямому физическому принуждению, сколько способность к построению таких социальных структур, которые позволяют закрепить и активировать желаемые репрезентации международной среды, оказывая таким образом влияние на идентичность, мотивацию и поведение других

акторов. Как утверждает Т. Хопф, наиболее значимой в международных отношениях является та сила, которая дисциплинирует акторов, заставляя их рассматривать как возможные только те действия, которые репродуцируют соответствующие материальные и дискурсивные структуры [11, p. 199]. Конкретные определения силы в теоретических работах конструктивистов могут отличаться по своей терминологии и специфике. Так, в своей таксономии типов силы в международной политике М. Барнетт и Р. Дьювалл определяют её как продуктивную силу, то есть способность распространять те или иные субъектные свойства в рамках систем социальных значений [4, p. 43], а П. ван Хем ведёт речь о социальной силе, направленной на кооптацию, а не принуждение других акторов [9, p. 3–4].

Но, фактически, без излишней детализации, для конструктивизма сила – это способность к конструированию, поддержанию и трансформации желаемых социальных значений, феноменов и структур. Её воздействие может быть направлено

LANGUAGE DIMENSION OF SOFT POWER

Pashayeva Gulshan Mammedali kizi,

Deputy Director of the Centre of the Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan,
PhD, Associate Professor,
Baku, Azerbaijan,
Email: gulshan.pashayeva@sam.gov.az; gulshan_pm@yahoo.com

Annotation

This article examines the role of the language as a specific tool of “soft power” in the context of realization of foreign policy. The potential of the use of foreign languages (Russian and English) for the promotion of the national interests in the international arena both by external actors and by the representatives of government and civil society has been analyzed in the example of Republic of Azerbaijan.

Key words:

soft power, language policy, foreign language, Russian language, English language.

как на отдельных акторов, их внутренний контекст или внешнеполитические предпочтения [2, р. 103], так и на международную систему в целом или отдельные её географические или функциональные измерения. То есть конструктивизм не ограничивает априори уровень социальных структур, которые выступают объектами силового воздействия в международных отношениях, тем более что в большинстве случаев её применение происходит на нескольких уровнях одновременно. Ведь закрепление желаемых социальных значений на уровне системной структуры наиболее эффективно при условии их интернализации в собственный внутренний социальный контекст акторов до уровня самоочевидного восприятия, и наоборот.

Во-вторых, использование силы в конструктивистском понимании предусматривает применение отличных средств и инструментов, связанных с дискурсивным конструированием и утверждением соответствующих социальных значений [3, р. 42]. Поэтому в эмпирических исследованиях в русле конструктивизма в фокусе внимания находится идейная, дискурсивная, нормативная, трансформационная, институциональная, репрезентационная и другие «нетрадиционные» типы силы. Эти понятия, каждое из которых уже оформилось в самостоятельную политологическую концепцию, наглядно иллюстрируют палитру ресурсов, которые могут быть задействованы для конструирования желаемых международных реалий, а также круг потенциальных объектов такого конструирования.

Вполне очевидно, что способы осуществления таких нематериальных форм силы отличаются от привычных методов задействования военного или экономического потенциала. Некоторые учёные считают, что главное различие между ними заключается в степени прямого принуждения, которое может осуществляться при обращении к традиционным материальным рычагам и практически отсутствует в ходе применения нематериальных форм силового влияния, для которых свойственны опосредствованные методы, связанные с конструированием базовых для актора или системной структуры социальных значений. По этой причине, Дж. Чекель указывает на необходимость интегрировать принудительные

формы осуществления силы в конструктивистскую концептуализацию этой категории, без которых она не может считаться полной [7, р. 80]. Однако, работы других исследователей, в первую очередь, Дж. Байелли Мэттерн [5; 6], демонстрируют, что использование нематериальных типов силы может быть связано с довольно ощутимым, хотя и не физическим принуждением, объектом которого выступает не столько выживание или экономическое благополучие актора, сколько поддержание его собственной или коллективной идентичности.

В-третьих, конструктивисты рассматривают силу не как статический атрибутивный феномен, а как динамическую и контекстуально зависимую категорию. Так же, как и предпочтения акторов, сила не является внесоциальным экзогенным атрибутом акторов, наличие фиксированной «массы» которого предшествует их социальному коммуникативному взаимодействию. Вместо этого, сила предстаёт в качестве вариативной переменной в конкретных ситуациях такого взаимодействия, и поэтому представляет ценность не сама по себе, а в приложении к обстоятельствам, в которых она может быть «активирована», или к специфической форме взаимоотношений между акторами [1]. То есть трансцендентная сущность силы отрицается конструктивистами так же само, как и трансцендентная внеисторическая сущность интересов. Это не означает, что акторы не могут обладать определённым набором ресурсов до вступления во взаимодействие, но превращение этих ресурсов в силовые преимущества, которые можно использовать для генерирования желаемых политических эффектов, происходит только в соответствующем социальном контексте. Причём в качестве таких ресурсов могут выступать любые свойства или характеристики акторов. Поэтому конструктивизм не определяет заранее круг ресурсов, которые могут составлять силовой потенциал актора, и не считает возможным их априорное определение вне рамок контекста социального взаимодействия, не говоря уже о количественной оценке такого потенциала. Перефразируя знаменитое выражение А. Вендта относительно анархии в международных отношениях, сила также является тем, что акторы готовы рассматривать

в качестве силы, которая, как демонстрирует С. Гуццини, является также одной из базовых категорий политического дискурса государств [8]. Однако, вместе с тем, способность сформировать соответствующий социальный контекст, в котором собственные ресурсы становятся силовыми преимуществами, выступает в представлении конструктивизма квинтэссенцией силы в международных отношениях.

И в-четвёртых, как следует из вышесказанного, сила в конструктивистском подходе является не только субъектной, но и межсубъективной и структурной категорией одновременно [8, р. 507]. Она олицетворяет, с одной стороны, определённый потенциал в распоряжении актора, с другой, определённые ресурсы, вокруг которых в ходе взаимодействия акторов формируется и структурируется социальный контекст, а с третьей, конкретные структуры, которые возникают вследствие такой структуризации, и которые прямо или косвенно определяют силовые преимущества акторов в данном контексте. То есть, даже если актору удаётся воссоздать благоприятный для себя контекст, в котором имеющиеся у него ресурсы играют ключевую роль в структуризации межсубъективных взаимодействий, структура этого контекста начинает оказывать собственное влияние и генерировать эффекты, не всегда согласующиеся с предпочтениями данного актора. Со своей стороны, другие акторы могут воспользоваться возможностями, открываемыми сформированной структурой, для реализации собственных предпочтений.

Различая эти три онтологические уровни силы в международных отношениях, конструктивизм, фактически, доказывает, что сила имеет конструированный, а не объективный характер, и так же само, как и любой социальный конструкт, наделяется определёнными социальными значениями и ассоциируется с определёнными типами практик в рамках того или иного контекста [8, р. 516]. Однако его конструирование может происходить не только прямыми, но и опосредствованными способами. Так, например, в русле сформулированной Копенгагенской школой международных отношений теории секьюритизации, можно сказать, что дискурсивная квали-

фикация отдельных феноменов в качестве угроз собственной безопасности имплицитно указывает на наличие у них определённых силовых возможностей для нанесения критических потерь и, как правило, сопровождается очерчиванием силовых ресурсов, которыми необходимо обладать для нейтрализации таких угроз, что в совокупности конструирует представление о силе, по крайней мере, в собственном внутреннем публичном пространстве.

Это, в свою очередь, означает, что акторы имеют намного больше возможностей, по сравнению с различными структуралистскими теориями, для конструирования социальных значений, вкладываемых в понятие силы, а отсюда и для программирования социального контекста. Разумеется, это не значит, что они могут делать это произвольно, ведь действующие социальные структуры оказывают на них своё казуальное и конститутивное влияние. Но их субъектные качества в таком понимании существенно расширяются. К тому же, при таком подходе, изменению подлежит и ключевой для любых рационалистических теорий феномен баланса сил, который уже не может считаться тождественным механистическому соотношению тех или иных материальных ресурсов в распоряжении акторов, от которого автоматически и независимо от воли акторов происходит системная структура или, по крайней мере, её дистрибутивное измерение. Вместо этого, в установлении баланса ключевая роль отводится субъективному восприятию акторами определённой конфигурации взаимодействий между ними в таком качестве. Другими словами, баланс соответствует не объективному состоянию равновесия материальной мощи акторов или их групп, а коллективному согласию акторов рассматривать данную конфигурацию в качестве приемлемого баланса.

Изложенная конструктивистская концептуализация силы сама по себе, очевидно, является весьма инновационной для теории международных отношений. Тем не менее, для применения в исследовании внешней политики государств её нужно дополнить несколькими важными тезисами в контексте интерпретации взаимосвязи между предпочтениями и практическими действиями акторов.

Сила как способность к конструированию политических реалий сочетает в себе две составляющие, соответствующие компонентам этого процесса, а именно способность формулировать и утверждать социальные значения и способность воспроизводить те практики, которые с ними ассоциируются (или же не допустить воспроизведения акторами практик, которые выводятся данными значениями за рамки возможных). Первая составляющая имеет явно дискурсивную основу и, очевидно, определяется кругом самых разнообразных, иногда даже личностных факторов, поэтому установить её и дать заблаговременную оценку довольно проблематично. Но во второй своей составляющей сила приобретает более осязаемое материальное или институциональное содержание, поскольку способность государства репродуцировать необходимые практики зависит от имеющихся ресурсов или бюрократического аппарата. В этом смысле вторая составляющая, фактически, близка к традиционному утилитарному пониманию силы, свойственному для анализа внешней политики и обозначающего набор ресурсов, которые дают государству возможность совершать практические действия для реализации собственных интересов [10, р. 132], или, говоря конструктивистским языком, промежуточное звено между мотивационным и практическим уровнем внешней политики государства.

Но если взять за основу видение практического уровня внешней политики как не только произвольно определённого и инструментально ориентированного набора действий, а как комплекса практик, которые фиксируют и воспроизводят собственные и структурно заданные социальные значения, то можно сделать вывод, что сила для внешней политики государств имеет не только утилитарное, но и конститутивное качество, прежде всего потому, что она определяет его способность конструировать и поддерживать как желаемые репрезентации международного контекста, так и собственные конститутивные и идентификационные значения. То есть наряду с «экстравертным» измерением силы как способности программировать международное окружение существует и весомое «интровертное» её измерение, состоящее в способности

конструировать и поддерживать собственную субъектность и идентичность в этом окружении, а также во внутреннем социальном контексте. Об этом ведёт речь и Дж. Легро, когда утверждает, что относительная сила государства определяет то, насколько оно способно отвечать ожиданиям, генерируемым его идентичностью в глазах внутренней общественности и других акторов [12, р. 47–48]. По сути, такое «интровертное» измерение силы обозначает способность сдерживать влияние структурных факторов и сохранять свою идейную и практическую автономность благодаря воспроизведению практик, ассоциированных с собственной идентичностью независимо от того, насколько они гармонируют со структурно закреплёнными значениями или со значениями, которые стремятся закрепить другие акторы.

Обеспечение устойчивости собственной идентичности действительно представляет собой одну из важнейших задач государственной политики, что получило в конструктивистской литературе название «онтологической безопасности» [13]. Но при этом наличие стойкой, глубоко укоренённой в собственном обществе идентичности, само по себе тоже может существенно влиять на позиции государства в международном социальном контексте, составляя или значительное силовое преимущество в случае подкрепления её соответствующими практиками, или серьёзный гандикап, когда условий или ресурсов для воспроизведения данных практик недостаточно.

Представленное конструктивистское видение силы позволяет совместить в единой концепции материальные и нематериальные элементы силы в международных отношениях, а также представить механизм взаимодействия между ними. Дискурсивное генерирование желаемых социальных значений требует ресурсов для репродукции ассоциированных с ними практик. В случае, если данные практики последовательно воспроизводятся, то генерированные значения закрепляются и позволяют актору экстраполировать собственные репрезентации международной среды, что, в свою очередь, также требует практического подкрепления. Взаимодействие репрезентаций и практик различных акторов образует социальный контекст, который определяет меж-

субъективный и структурный аспекты силы. В том случае, если возможностей для воспроизведения изначально определённых практик недостаточно, это может влечь за собой или переосмысление самих значений, или ревизию ассоциированных с ними практик, или кризис идентичности государства в целом.

Для внешней политики изложенное видение имеет ряд важных импликаций, формируя многоуровневое представление о силе государства. Первый её уровень связан со способностью репродуцировать практики, ассоциированные с базовыми значениями собственной субъектности, второй – с формулированием и воспроизведением собственных конститутивных и идентификационных значений, третий – с конструированием и утверждением внешнеполитической идентичности и международной роли, и четвёртый – с программированием и объективацией желаемых репрезентаций международной системы. С одной стороны, эти уровни тесно взаимосвязаны, поскольку на всех из них конструирование силы происходит в процессе социального взаимодействия в рамках как внутреннего контекста (внутреннее качество которого тоже конструируется в этом процессе), так и в контексте международном. Но с другой, на каждом из этих уровней имеет место конструирование отличного типа силы, особенно по мере того, как размежевание внутреннего и международного контекста приобретает устойчивые формы. Причём градация между ними является прогрессирующей, потому что без обладания силой базовых первого и второго уровней нет смысла вести речь о силовых преимуществах третьего и четвёртого уровней. Связь между ними является тем более автоматической, чем более укоренённой и весомой является внешнеполитическая идентичность государства и, соответственно, чем больше поддержание её собственных конститутивных значений зависит от международной роли и статуса государства. В том случае, если собственная идентичность или даже субъектность государства во внутреннем контексте напрямую связана с утверждением определённой роли в международной среде или ассоциируется с определёнными типами внешних практик, зависимость между различными уровня-

ми силы повышается, как и влияние структурных значений международного контекста.

Для полноты полученной картины следует также отметить, что международная среда не является монолитной, а насчитывает ряд пространственных и функциональных измерений, в каждом из которых образуется собственный социальный контекст и собственные силовые конструкты. Поэтому сила третьего и четвёртого уровней может «расслаиваться» в своих значениях и практиках в зависимости от круга контекстов, в которых происходит утверждение внешнеполитической идентичности государства и проекция его репрезентаций. Понятно, что чем более амбициозной является международная роль, на которую претендует государство, тем более широким будет круг контекстов, в которых ей необходимо обладать силовыми преимуществами, и тем более масштабным будет диапазон практик, которые подлежат воплощению и воспроизведению для закрепления такой роли.

Таким образом, применение положений социального конструктивизма для рассмотрения феномена силы в международных отношениях позволяет преодолеть его монистическую трактовку, свойственную рационалистическим теориям, и выработать альтернативную его концептуализацию, которая, во-первых, определяет конструированный и контекстуально зависимый характер силы, во-вторых, синтезирует структурный и субъектный онтологические аспекты силы и, в-третьих, сочетает материальные и нематериальные её типы.

1. Бордачёв Т. Общество мирового уровня. Социальная сила государства как решающий фактор международного успеха [электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschestvo-mirovogo-urovnya-15457> (дата обращения 22.07.2014).

2. Adler E. Constructivism and International Relations // Handbook of International Relations / W. Carlsnaes, Th. Risse, B. A. Simmons (eds.). London: Sage Publications, 2002. P. 94–118.

3. Alden Ch., Aran A. Foreign Policy Analysis: new approaches. London: Routledge, 2012. 163 p.

4. Barnett M., Duvall R. Power in International Politics // International Organization. Winter 2005. Vol. 59, No. 1. P. 39–75.

5. Bially Mattern J. The Power Politics of Identity // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7, No. 3. P. 349–397.

6. Bially Mattern J. Why «Soft Power» Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of

Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. Vol. 33, No. 3. P. 583–612.

7. Checkel J.T. Constructivism and foreign policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases / S. Smith, A. Hadfield, T. Dunne (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 71–81.

8. Guzzini S. The Concept of Power: a Constructivist Analysis // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33, No. 3. P. 495–521.

9. Van Ham P. Social power in international politics. Milton Park: Routledge, 2010. 257 p.

10. Hill Ch. The Changing Politics of Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 400 p.

11. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. 1998. Vol. 23, No. 1. P. 171–200.

12. Legro J. The Plasticity of Identity under Anarchy // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15, No. 1. P. 37–65.

13. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, No. 6. P. 341–370.

14. Steele B.J. Ontological Security in International Relations. Self-identity and the IR state. London: Routledge, 2008. 215 p.

1. Bordachyov T. Obschestvo mirovogo urovnya. Social'naya sila gosudarstva kak reshayushhij faktor mezhdunarodnogo uspeha [e'lektronnyj resurs] // Rossiya v global'noj politike. 2012. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschestvo-mirovogourovnya-15457> (data obrashheniya 22.07.2014).

2. Adler E. Constructivism and International Relations // Handbook of International Relations / W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons (eds.). London: Sage Publications, 2002. P. 94–118.

3. Alden Ch., Aran A. Foreign Policy Analysis: new approaches. London: Routledge, 2012. 163 p.

4. Barnett M., Duvall R. Power in International Politics // International Organization. Winter 2005. Vol. 59, No. 1. P. 39–75.

5. Bially Mattern J. The Power Politics of Identity // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7, No. 3. P. 349–397.

6. Bially Mattern J. Why «Soft Power» Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. Vol. 33, No. 3. P. 583–612.

7. Checkel J.T. Constructivism and foreign policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases / S. Smith, A. Hadfield, T. Dunne (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 71–81.

8. Guzzini S. The Concept of Power: a Constructivist Analysis // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33, No. 3. P. 495–521.

9. Van Ham P. Social power in international politics. Milton Park: Routledge, 2010. 257 p.

10. Hill Ch. The Changing Politics of Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 400 p.

11. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. 1998. Vol. 23, No. 1. P. 171–200.

12. Legro J. The Plasticity of Identity under Anarchy // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15, No. 1. P. 37–65.

13. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, No. 6. P. 341–370.

14. Steele B.J. Ontological Security in International Relations. Self-identity and the IR state. London: Routledge, 2008. 215 p.

THE CONCEPT OF POWER IN INTERNATIONAL RELATIONS: A SOCIAL CONSTRUCTIVIST INTERPRETATION

Shapovalova Aleksandra Igorevna,

The Kiev national university Name Taras Shevchenko, Institute of international relations, doctoral candidate, the candidate of political sciences, Kiev, Ukraine, E-mail: alexandra.shapovalova@gmail.com

Annotation

The paper analyses and further elaborates basic theoretical provisions of social constructivism regarding the concept of power in international relations. Proceeding from those provisions the author formulates a multi-level interpretation of the concept of power in relation to the foreign policy of states.

Key words:

social constructivism, power, social meanings and practices, social context, foreign policy.

SOFT POWER В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПАРАДИГМЫ В ПОЛИТОЛОГИИ

Швец Лариса Георгиевна,

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, профессор кафедры государственного и муниципального управления, доктор политических наук, г. Ростов-на-Дону

Аннотация

На основе авторской концепции взаимосвязи доминирования и влияния в «матрице власти» осуществляется репрезентация данной структуры и модальности власти с позиций гендерной парадигмы в политологии.

Ключевые слова:

власть, доминирование, влияние, «матрица власти», гендерная парадигма, soft power как власть с модальностью влияния.

Концепции «мягкой власти», «гибкой власти» достаточно хорошо известны в теории и получили свое воплощение в соответствующих политических технологиях. Автор в своих изысканиях проблемы «доминирования и влияния» в структуре власти [3] затрагивал сюжеты, касающиеся упомянутых концепций [4–5]. Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть значимость тех обстоятельств, в рамках которых «мягкая сила» проявляет себя вполне естественно и органично, а не связана лишь с громоздкой технологизацией и культурным принуждением. Эти обстоятельства, во-первых, коррелируют с типом и уровнем развития политической культуры, а, во-вторых, с определенными субъектными особенностями носителя власти. На последнем остановлюсь особо, имея в виду исследования, ведущиеся в рамках гендерной парадигмы в политологии [2, с. 137–180].

Анализ властеотношений в гендерном измерении обращает, прежде всего, внимание на категорию «влияние». Даже не решив в должной мере проблему гендерной асимметрии во власти, именно женщины, находясь под доминантным воздействием мужчин, широко опирались на технологии влияния и в той или иной степени уравнивали, а то и парировали доминантное начало. Известный философ XX в. Б. Рассел в своей широко известной книге «Власть» писал: «В любой большой организации, где лидер обладает значительной властью, находятся менее заметные люди (мужчины

и женщины), которые имеют силу влияния на лидеров посредством личных методов» [1, с. 283].

Анализ эволюции политической власти с точки зрения ее «матричных компонент» показывает все усиливающееся ее смещение с опоры на доминантную компоненту – к опоре на компоненту влияния. Это в перспективе означает вступление на почву, где вступают в действие более антропологически адекватные параметры женской природы и женского опыта. Следует в полной мере использовать данную тенденцию, как в аспекте политической социализации женщин, так и политической институализации с прицелом на использование возможностей политического участия и политического представительства женщин в органах власти (конструирование и развитие новых политических институтов).

Традиционная гендерная асимметрия в рамках сложившихся политических институтов и отношений может быть дополнена иной (функциональной) асимметрией, где преобладают методы и технологии политического влияния.

Анализ тенденций развития систем государственной и муниципальной власти в современной России показывает постепенное изменение модели их функционирования: от абсолютного доминирования – к влиянию; от административно-политического стиля – к государственному и муниципальному менеджменту (оказание государственных и муниципальных услуг). Переориентация на сервисную парадигму требует существенных изменений не только в стилевом, но и в кадровом,

и структурно-субъектном аспектах основных субъектов власти и управления. Здесь следует обозначить важность проблемы полисубъектности в управлении и полисубъектной представленности во власти. Последнее означает пропорциональность, либо значимость учета и представленности в системе власти и управления таких основных аспектов, как: гендерный, ювенальный, геронтологический, этнический.

Практика показывает, что даже при различных показателях эффективности деятельности той или иной части субъекта управления различные крупные группы населения отдают предпочтение в системе управленческих коммуникаций «своим» представителям. Правда, сразу следует оговориться, что это происходит в рамках сервисной модели власти и управления.

Поэтому выделение гендерного аспекта в муниципальном управлении и местном самоуправлении весьма значимо. Естественно, что даже в гендерном отношении речь нужно вести о подборе кадров, имеющих примерно одинаковые или сопоставимые характеристики профессиональной подготовленности и управленческой культуры.

Партнерство женщин и мужчин в политике является источником более полной и представительной демократии, создания реальных возможностей учета многополюсных интересов в обществе.

Мировой опыт парламентаризма показывает: если в законодательном органе 10% мест занимают женщины, это облегчает принятие законов в защи-

ту детей. Если 20–30% мест заняты женщинами, то все программы, отражающие интересы всего женского населения, реализуются намного быстрее и эффективнее. Не случайно ООН во всех документах придерживается строгого принципа – без участия и наделения властными полномочиями женщин не могут быть найдены надежные решения в обществе, которому угрожают социальные, экономические или иные проблемы.

1. Russel B. Power. A New Social Analysis. N.-Y, 1938. P. 283.
2. Швец Л.Г. Власть и управление в ГЕНДЕРНОМ измерении // Швец Л.Г. Власть, влияние, управление: базовые парадигмы и концепты. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. С. 137–180.
3. Швец Л.Г. Власть, доминирование, влияние: концепции и политическая практика России. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007.
4. Швец Л.Г. «Гибкая власть» и административная реформа в стратегии рыночных преобразований // Власть. 2007. № 7.
5. Швец Л.Г. Концепция «гибкой власти» и российская административная реформа // Вестник МГУ. Серия XII. Политические науки. 2007. № 6.

1. Russel B. Power. A New Social Analysis. N.-Y, 1938. P. 283.
2. Shvec L.G. Vlast' i upravlenie v GENDERNOM izmerenii // Shvec L.G. Vlast', vliyanie, upravlenie: bazovye paradigmy i koncepty. – Rostov n/D.: Donizdat, 2013. S. 137–180.
3. Shvec L.G. Vlast', dominirovanie, vliyanie: koncepcii i politicheskaya praktika Rossii. – Rostov n/D.: Izd-vo YuFU, 2007.
4. Shvec L.G. «Gibkaya vlast'» i administrativnaya reforma v strategii rynochnyx preobrazovanij // Vlast'. 2007. № 7.
5. Shvec L.G. Koncepciya «gibkoj vlasti» i rossijskaya administrativnaya reforma // Vestnik MGU. Seriya XII. Politicheskie nauki. 2007. № 6.

SOFT POWER IN THE CONTEXT OF GENDER PARADIGM IN POLITOLOGY

Shvets Larisa Georgievna,

The South-Russia Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of State and municipal management, doctor of political science, Rostov-na-Donu, Russia, E-mail: dispolit@uriu.ranepa.ru

Annotation

On the basis of the author's concept of interrelation of domination and influence in «a power matrix» it is carried out the representation of the given structure and a modality of the power from positions of a gender paradigm in political science.

Key words:

the power, domination, influence, «power matrix», gender paradigm, soft power as the power with an influence modality.

ГОСУДАРСТВО-ПРАЗДНИК И ГОСУДАРСТВО-БУДНИ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ЕЩЕ ОДНОЙ ТИПОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Фадеечева Марианна Адльфредовна,

Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, главный научный сотрудник, доктор политических наук, доцент, г. Екатеринбург, Россия, E-mail: fm366@uralmail.com

Аннотация

В статье предложена новая типология современных государств: государство-праздник и государство-будни. В основе типологии – формы осуществления власти. Государство, использующее мягкую власть, это – государство-праздник. К средствам мягкой власти относится государственная символика, ее привлекательные политические ценности и идеологии.

Ключевые слова:

государство, государственные символы, мягкая власть, политические ценности, праздник.

В политической науке создание разного рода моделей, типологий и классификаций не является самоцелью, это – вечная попытка упрощения сложной действительности до возможности понимания простоты сложного и объяснения необъяснимого. В действительности государства до сих пор остаются наиболее сложной формой социально-политического объединения людей. Несмотря на то, что существуют исследовательские попытки представить государства как отмирающие и исчезающие в результате деятельности всевозможных транснациональных структур и сетевых сообществ, проблема типологизации современных государств не перестает быть значимой для современности. Для известных типологий государств, выбираются существенные, объективные критерии, такие как формы правления, формы государственного устройства, etc. Все они могут быть отнесены к одной, государствоцентрической парадигме, которая не учитывает моменты субъективности и субъектности,

оставляет без внимания людей, населяющих отграниченные территории. Эта классическая парадигма относится скорее к прошлому государств, чем к настоящему, которое требует совершить антропоцентрический поворот в их типологическом анализе.

Антропоцентрически ориентированы политологические исследования, посвященные изучению форм осуществления власти, среди которых особое внимание уделяется относительно новой форме осуществления власти, а именно, – мягкой власти, мягкой силы (soft power) во всем многообразии ее ресурсов и средств. Можно утверждать, что законодателем исследовательской моды на «мягкую власть» стал американский ученый Джозеф Най, который рассматривал ее как инструмент международного влияния США [5]. Несомненно, что разнообразные формы hard power и soft power могут использоваться не только вне, но и внутри государств, могут быть инструментом и внешней, и внутренней государственной политики. «В политологических

исследованиях под жесткой властью чаще всего подразумеваются силы военного, экономического, административного, правового и иного принуждения. Субъективно власть, обозначаемая термином *hard power*, воспринимается как давление и диктат внешних сил... Сила «мягкой» власти (*soft power*), напротив, действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется... «Мягкая» властная сила достигает своих стратегических целей, не прибегая к внешнему материализованному насилию. Ее инструментами выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы» [8, с. 174]. Очевидно, что жесткая власть осуществляется в таких ее формах как вооруженное насилие, экономическое давление, идеологическая агрессия, информационная война. В противоположность этому мягкая власть заключается в проведении эффективной социальной политики, в оказании гуманитарной помощи, в форме создания соблазнительных потребительских товаров, привлекательных гуманитарных ценностей и идеологий, которые, в свою очередь, имеют символическое выражение. Применение мягкой власти может быть критерием новой типологии современных государств. Очевидно, что невозможно использовать только одну форму осуществления власти. Однако можно говорить о государствах, делающих ставку на использование преимуществ мягкой силы внутри государств и за их пределами, и государствах, опирающихся главным образом на жесткую силу. Так, в тенденции, можно обнаружить два типа современных государств: государства-праздники и государства-будни. Разработку новой типологии целесообразно начать с изучения отдельного государства-случая, в данном исследовании мы рассматриваем сейшельский кейс, Республику Сейшельские Острова, за которым могут быть проанализированы и другие, определяющие основной тренд и соответствующий ему тип.

Для государства-праздника размер не имеет значения. Присутствие и использование

концепта «великие Сейшелы» в социально-политическом дискурсе невозможно по определению. Сейшелы – островное государство, где из 115 островов разбросанных в океане общей площадью около 405 кв. км, только 33 острова обитаемы, на которых живет около 90 000 человек. Столичный остров Маэ – самый большой, имеет 27 км в длину и 8 км в ширину [12]. Однако со времени обретения независимости были установлены дипломатические отношения с США, совместно с которыми по настоящее время Сейшелы борются с пиратством и терроризмом, за морскую безопасность, осуществляют сотрудничество по гуманитарным и экономическим направлениям [13]. Консульства Сейшел имеются в шестидесяти двух государствах, в том числе и в России. Консульство Сейшел в Российской Федерации находится в Санкт-Петербурге, в Екатеринбурге находится почетное консульство этого государства. Государство-праздник практически не имеет средств для применения жесткой силы.

«С помощью мягкой власти привлекательных политических идей и символов по сравнению с прямым идеологическим принуждением и психологическим давлением можно достигнуть большего в выполнении государством культурно-воспитательной функции, в развитии гражданской солидарности, укреплении чувства общности, поддержании национальной идентичности. Государственная власть использует различные средства для своей легитимации, она может, как принуждать, так и убеждать, как отталкивать, так и привлекать. В качестве одного из инструментов мягкой власти выступает государственная символика, концептуальное содержание которой включает в себе значимые для народа политические ценности и идеалы» [9, с. 227].

К средствам мягкой власти могут быть отнесены государственные праздники, выполняющие функцию социально-политической интеграции граждан. Праздник, как время радости и торжества, сопровождается представлениями и праздничными ритуалами, которые не обходятся без праздничных атрибутов, в том числе,

символов праздника. Неслучайно государственные праздники декорируются государственными флагами. Однако государство-праздник и государство-будни существенно отличаются по отраженным в государственных символах ценностям и смыслам. Сейшельские острова включают в своей государственной символике гуманитарно ориентированные, то есть человеколюбивые, празднично-привлекательные идеи.

Флаг Сейшел – экстраординарный и по форме, и по содержанию. Он существенно отличается от традиционных трибандов, двухцветных флагов, где один и тот же цвет повторяется в виде двух из трех вертикальных или горизонтальных полос, а также ординарных триколоров, где вертикально или горизонтально располагаются три полосы разного цвета. Флаг Сейшел состоит из пяти ярких геометрических фигур, которые лучеобразно расходятся из одной точки в левом нижнем углу полотнища. Слева направо и сверху вниз выстроен определенный цветовой порядок. Первым сверху расположен треугольник синего цвета, символизирующий небо и безбрежные воды Индийского океана, далее – желтый, означает солнце (в иных интерпретациях – солнце и песок). Средняя красная четырехугольная геометрическая фигура представляет собой народ Сейшел. Далее белый цвет призван выразить социальную гармонию и справедливость, как основные принципы жизни сейшельского народа. Цветовая гамма флага завершается зеленым цветом – цветом пышной растительности островов. Государственный флаг – это не случайный набор цветов, каждому из которых приписано некоторое значение, между ними есть смысловая и символическая связь. Государственный флаг представляет собой своеобразное послание, обращенное как к гражданам государства, так и к международному сообществу. Можно сконструировать смысл послания, заключенного во флаге Сейшел: сейшельский народ, живущий между синим небом и океаном, под ярким желтым солнцем на благодатной зеленой земле, стремится к состоянию социальной гармонии и справедливости.

Неслучайно политические баталии происходят на символическом поле государственных

флагов. Смена государственного флага после революций, путчей, государственных переворотов является символом новой власти, несущей новые, более привлекательные для народа политические ценности и соблазнительные идеологии. Заметим, что борьба на поле флагов и их символического значения может проходить и в государствах-праздниках. Так, например, нынешний флаг Республики Сейшельские Острова был принят 18 июня 1996 г. Это – третий по счету флаг со времени провозглашения независимости 28 июня 1976 г. Первый флаг независимого государства представлял собой так называемый андреевский крест или салтир. Диагональный белый крест, проходящий из угла в угол полотнища, делил флаг на четыре треугольника: красные сверху и снизу, синие – слева и справа. Новая власть, установившаяся на Сейшелах в результате государственного переворота 1977 г., отменила «старый» флаг ввиду его принадлежности свергнутой власти, ценностно-идеологической невыразительности и напоминания о колониальном прошлом. Государственным флагом стало знамя Марксистской объединенной партии сейшельского народа, которое представляло собой неклассический триколор с волнообразными, горизонтальными, расположенными сверху вниз зеленой, белой и красной полосами. Символически этот цветовой ряд был близок к современному, однако далее сложившаяся многопартийная демократическая система на Сейшелах была призвана выражать интересы разных частей общества. Поэтому на государственном флаге появились все партийные, с другой стороны, те же непартийные, природные, цвета, а полосы приобрели экстраординарную форму и направление, в некоторых интерпретациях сравнимое со светом, исходящим от маяка [2, с. 209]. Менее чем за сорок лет независимости Сейшелы трижды меняли государственный флаг, добиваясь наибольшей выразительности ценностей и смыслов, и создали такой главный государственный символ, который оказался наиболее понятным и привлекательным, поддерживающим в народе ощущение яркого праздника карнавальную культуру.

Смыслы послания, заключенные в государственном флаге, обычно дополняются политическими ценностями, выраженными посредством государственного герба. Не вторгаясь в сферу геральдики, которая, в основном, интересуется геральдической «формой» с многочисленными деталями и подробностями, можно реконструировать гербовое содержание, – вместилище идеологий и ценностей. Государство-праздник обязательно имеет привлекательный и богатый позитивными смыслами герб, доступными пониманию каждого, даже неграмотного гражданина, а также каждого визитера. Сейшелы имеют жизнеутверждающий, натуроцентрический герб с множеством деталей природного свойства. Его цвета повторяют цвета флага. На гербовом щите изображен яркий океанский пейзаж. На заднем плане, в отдалении – зеленый остров на фоне синего океана под ярко-синим небом с плывущими по нему белыми облаками. Чуть ближе острова за белыми волнами прибоя белеют паруса двухмачтового судна, органично вписанного в природный ландшафт. Это – единственное обозначение присутствия человека на островах. Цвет парусов – белый, что в цветах флага означает социальную гармонию и справедливость. На переднем плане размещен еще один остров с растущей на нем плодоносящей уникальной сейшельской кокосовой пальмой, под пальмой находится не менее уникальная гигантская сейшельская черепаха. В нашлемнике герба расположен летящий красноклювый фазан, который сам по себе является символом Сейшел. Справа и слева в качестве щитодержателей размещены рыбы-парусники. Рыба-парусник – не только щитодержатель, она является одной из самых распространенных и популярных в этнической кухне Сейшел. На гербе Сейшел черепаха означает черепаху, пальма – пальму, рыба – рыбу, птица – птицу и т. д., в целом же герб означает уникальную природу с ее богатым растительным и животным миром, которая является главным национальным достоянием. При этом каждый из элементов герба превращается в соблазнительный бренд, и каждый из эле-

ментов герба в натуральном виде используется в жизни, в бизнесе и рекламе.

Флаги и гербы государств-будней также содержат нагруженные смыслами концепты, однако эти смыслы, как правило, отличаются большой драматичностью и социальной напряженностью, что делает отраженные в них политические ценности менее привлекательными и приятными для гражданского восприятия. Например, (пример получен методом случайного выбора), государственный флаг Эстонии представляет собой триколор. «Цвета флага символически представляют историю страны: синий – цвет верности, эстонских озер и неба; черный напоминает о страданиях эстонского народа в прошлом, а также является цветом эстонской земли и традиционных крестьянских пиджаков; белый означает снег, стволы берез и символизирует борьбу эстонцев за свободу» [4, с. 217]. По другой версии синий цвет верхней полосы означает свободу Эстонии до ее завоевания крестоносцами в XIII в. Что касается герба Эстонии, то он целиком принадлежит далекой драматичной истории. Считается, что он был заимствован еще в XII в. у Датского королевства, частью которого была северная часть территории нынешней Эстонии. Позже он стал гербом эстонского рыцарства. Также это был губернский герб, когда Эстляндия как губерния входила в состав Российской империи. Немецкий золотой фигурный щит, на котором изображены три серо-синих львенка с красными языками, обрамленный снизу двумя дубовыми ветвями, наполнен весьма архаичными невеселыми смыслами.

В отличие от флагов и гербов государств-будней в ценностно-смысловом ряду государственных символов государств-праздников нет концептов народных страданий, памяти о тяжелом прошлом, кровопролитной борьбы за свободу, etc. Возможно, что их концептуальная праздничность есть отражение географической и исторической специфики государства-праздника. Так в отношении истории Сейшел известно, что первые европейцы в лице португальцев заплывали на острова в начале XVI в.,

а до середины XVIII в., периодически посещаемые пиратами, Сейшелы не имели постоянного населения. В 1756 г. Сейшелы ненадолго были колонизованы Францией, в 1794 г. они вместе с островом Маврикий перешли под управление Великобритании. В 1903 г. они были объявлены британской колонией, а уже в 1976 г. получили независимость. Сейшелы как государство-праздник не задается вечным вопросом, «откуда есть пошла» сейшельская земля. Республика Сейшельские острова даже в своем названии, так или иначе, использует привлекательные концепты. Это – не штаты, не эмираты, не федерация. Республика Сейшельские острова есть «общее дело» островитян. При чем острова в середине XVIII века были названы в честь конкретного человека, министра финансов Франции времен Людовика XV Жана Моро де Сейшелля, имевшего незапятнанное имя и хорошую деловую репутацию. История имеет значение для настоящего, однако исторические аргументы в решении современных проблем служат плохую службу. Очевидно, что Сейшелы, как государство-праздник, помня свое колониальное прошлое, преодолели исторические обиды, обошли острые углы истории, справились с национальными комплексами и конструктивно строят свои отношения с бывшими колонизаторами, являясь членом Содружества, неформального объединения Великобритании и большинства ее бывших колоний. Являясь одним из инструментов мягкой власти, созданный позитивный образ короткой, динамичной и захватывающей истории производит не меньшее впечатление, чем национальные природные достоияния, привлекая ежегодно 120–130 тыс. иностранных туристов, превратив туризм в основу экономики. Государство-праздник, как и праздничное представление, как правило, отличается большим стечением народа, собирающегося не для работы или борьбы, а для отдыха и развлечений.

Типология, позволяющая выделить два типа современных государств, а именно: государство-праздник и государство-будни, имеет в своем основании гуманитарную, антропоцентрическую парадигму. В качестве

главного критерия в отнесении государства к тому или иному типу избран критерий, связанный с формами осуществления власти. Так, государства, преимущественно использующие мягкую власть (soft power), могут быть отнесены к типу государства-праздника; государства, преимущественно опирающиеся на жесткую власть (hard power), могут быть отнесены к типу государства-будней. Мягкая власть, используемая государством-праздником, имеет неисчерпаемые ресурсы и большой арсенал средств, среди которых одну из принципиальных позиций занимает государственная символика, транслирующая привлекательные социально-политические ценности и идеологии, которые определяют основные тренды строения и развития государственного образования в целом.

1. Атлас мира. Обзорно-географический информационный справочник. М.: Астрель: АСТ, 2011. 30 с.
2. Безруков М.П., Туровский А.Е. Гербы и флаги. Эмблемы суверенитета. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. 288 с.
3. Географический справочник ЦРУ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 704 с.
4. Константино М. Флаги. Иллюстрированный справочник / Пер. с англ. М.: АРТ-РОДНИК, 2005. 256 с.
5. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI в. – 2010. № 10. С. 33–41.
6. Официальный сайт консульства Республики Сейшельские Острова в Санкт-Петербурге. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seychelles-consular.spb.ru/>.
7. Посольство Российской Федерации в Республике Сейшельские Острова г. Виктория. [Электронный ресурс]. URL: http://seychelles.kdmid.ru/ru.aspx?lst=ru&it=information_about_the_country.aspx.
8. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 10. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – С. 173–192.
9. Фадеичева М.А. Политическая символика государств Юго-Восточной Азии как инструмент мягкой власти // ПОЛИТЭК. 2012. Т. 8. № 4. С. 218–227.
10. Ministry Of Foreign Affairs The Republic of Seychelles. [Electronic resource]. URL: http://www.mfa.gov.sc/static.php?content_id=29.
11. State House. Office of the President of the Republic of Seyshelles. [Electronic resource]. URL: <http://www.statehouse.gov.sc/>.
12. The official website of the Republic of Seyshelles. [Electronic resource]. URL: <http://www.virtualseychelles.sc/>.
13. U.S. Department of State. U.S. Relation With

Seysshelles. [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/6268.htm>.

1. Atlas mira. Obzorno-geograficheskij informacionnyj spravocnik. M.: Astrel: AST, 2011. 30 s.
2. Bezrukov M. P., Turovskij A. E. Gerby i flagi. E'mblemy suvereniteta. M.: OOO «Dom Slavyanskoy knigi», 2009. 288 s.
3. Geograficheskij spravocnik CRU. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. 704 s.
4. Konstantino M. Flagi. Illyustrirovannyj spravocnik / Per. s angl. M.: ART-RODNIK, 2005. 256 s.
5. Naj Dzh. «Myagkaya sila» i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl' – XXI v. – 2010. № 10. S. 33–41.
6. Oficial'nyj sajt konsul'stva Respubliki Sejsheľ'skie Ostrova v Sankt-Peterburge. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.seysshelles-consular.spb.ru/>.
7. Posol'stvo Rossijskoj Federacii v Respublike Sejsheľ'skie Ostrova g. Viktoriya. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://seysshelles.kdmid.ru/ru.aspx?lst=ru&it=/information_about_the_country.aspx.

8. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Vyp. 10. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. – S. 173–192.

9. Fadeicheva M. A. Politicheskaya simbolika gosudarstv Yugo-Vostochnoj Azii kak instrument myagkoj vlasti // POLITE'KS. 2012. T. 8. № 4. S. 218–227.

10. Ministry Of Foreign Affairs The Republic of Seyshelles. [Electronic resource]. URL: http://www.mfa.gov.sc/static.php?content_id=29.

11. State House. Office of the President of the Republic of Seyshelles. [Electronic resource]. URL: <http://www.statehouse.gov.sc/>.

12. The official website of the Republic of Seyshelles. [Electronic resource]. URL: <http://www.virtualeysshelles.sc/>.

13. U.S. Department of State. U.S. Relation With Seyshelles. [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/6268.htm>.

STATE-CELEBRATION AND STATE-ROUTINE: THE QUESTION OF POSSIBILITY A NEW TYPOLOGY OF MODERN STATES

Fadeicheva Marianna Alfredovna,

Institute of Philosophy and Law, Ural Department of Russian Academy of Science,
Principal researcher,
Doctor of political sciences,
Associate professor
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: fm366@uralmail.com

Annotation

The article proposes a new typology of modern states: state-celebration and state-routine. A base of the typology is forms of exercising of power. State-celebration uses soft power mainly. Using state symbols with their attractive political values and ideology is one of different methods of soft power.

Key words:

state, state symbols, soft power, political values, celebration.

«МЯГКАЯ ВЛАСТЬ» ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Кожемякин Евгений Александрович,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью,
доктор философских наук, доцент,
E-mail: kozhemiyakin@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные коммуникативные характеристики институциональных дискурсов в контексте реализуемой ими мягкой власти. На примере политического, религиозного, юридического и образовательно-педагогического дискурсов автор обсуждает институциональные вариации коммуникативных стратегий вовлечения адресатов в конвенциональное смысловое поле.

Ключевые слова:

мягкая власть, институциональный дискурс, политический дискурс, религиозный дискурс, юридический дискурс, образовательно-педагогический дискурс.

Концепт «softpower» представляет собой особого рода образно-понятийный эпистемический инструмент, которым последние примерно 10 лет обозначают такие формы власти, которые основаны на добровольном принятии или подчинении реципиентом властного действия, которое, как отмечает О.Ф. Русакова, «приносит подвластному субъекту радость и удовольствие» [2, с. 202]. «Мягкая власть» не принуждает, не подчиняет, не ограничивает своего реципиента, а «соблазняет» его, транслирует ему необходимую субъекту «границу свободы». При этом, конституируя границы, субъект мягкой власти фактически номинирует поле свободного действия для субъекта. Очевидно, что такая форма властных отношений манифестирует, в первую очередь, свою «лояльность» реципиенту, а значит – предполагает своего рода «информационный обмен» с ним (по крайней мере, предварительный, до установления собственно отношений доминирования-подчинения). Как уточняет О.Ф. Русакова, «мягкая власть – это власть, которая реализуется в форме определённого коммуникативного воздействия, в про-

цессе которого диктуемое властью поведение воспринимается реципиентом как свободный и добровольный выбор» [2, с. 202].

Softpower в таком контексте представляется как: а) коммуникативное явление; б) стратегия во-влекающей коммуникации и (что следует из коммуникативной природы softpower) в) стратегии властной коммуникации, основанной на ряде социально конституируемых конвенций.

В этом смысле, концепция softpower, активно разрабатываемая последние годы Дж. Наем [1], отсылает нас к концепции власти М. Фуко [3], который трактовал её не как репрессивный орган, не как «суверена», подчиняющего своей воле «народ», и не как собственность, которую можно «отобрать», «передать» или «захватить». Власть для Фуко, а впоследствии и для Ная, – это «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются» [2, с. 187]. В этом понимании власть – это свойство социальной системы, но не сама система. Социальные системы, производящие определённые властные отношения, производят их как систему конвенций: здесь мы

снова возвращаемся к идеям Фуко о том, что власть становится таковой только тогда, когда она признана, распознана как таковая, а процесс распознавания, в свою очередь, определяется целой серией правил (конвенций) – семиотическими или дискурсивными. Это понимание властной природы лежит в основе фукианского концепта «власть-знание».

В различные исторические эпохи социальные институты производят «власть-знание» различным образом: известны примеры системы норм прямого принуждения, но также и системы общественного договора, основанного на принципах «прямой демократии», в которых норма как единица института трактуется как предмет общественных дискуссий и коллективного действия.

Современные социальные институты избегают норм прямого принуждения, что обусловлено целым рядом обстоятельств, подробно рассмотренных в современных социальных и гуманитарных науках. Речь, скорее, стоит вести о своего рода «доверительных» стратегиях социальных институтов, в соответствии с которыми, например, политики не «заставляют» и «ограничивают», а «убеждают» и «создают условия для принятия решений»; медики – не искореняют болезнь, а «формируют позитивное отношение к необходимости выздоровления»; учителя – не «учат», а «формируют условия для развития гармоничной личности».

Эти особенности современных социальных институтов, производящих властные отношения, неизбежно определяют характеристики институционального дискурса, в котором единственно и (вос) производятся конвенциональные смысловые структуры распознавания власти. При этом актуализация институционального дискурса предполагает особым образом «организованную» коммуникативную среду института, включающую в себя участников коммуникации и их интерпозиции, средства и каналы коммуникации и само сообщение. Рассмотрим особенности коммуникативной организации современных институциональных дискурсов, производящих отношения доминирования-подчинения по принципу softpower.

Политический дискурс, как и все остальные институциональные дискурсы, предполагает наличие формальных регламентированных отношений между коммуникантами, формальной сферы коммуникации, стратегий контролирующего общения, институциональных способов общения. Профессионализация политической деятельности является свидетельством установления жёсткозакреплённых норм коммуникативного и деятельностного характера, характеризующих позицию «политика», «политического эксперта», «специалиста по идеологическим вопросам» и так далее. С другой стороны, во-первых, существуют пространства политического дискурса, на которые пока не распространяется жёсткая регламентация коммуникативных позиций и ролей – такова, например, публицистика; и, во-вторых, процессы профессионализации всё же в большем масштабе наблюдаются, например, в юриспруденции.

Отличительной особенностью коммуникативных характеристик политического дискурса является его массовость и неопределённость границ коммуникантов («народ», «избиратели», «граждане», «патриоты», «народные избранники», «враги народа», «национал-предатели», «пятая колонна», «протестующие» и проч.). Как следствие неопределённости коммуницирующих групп характерным для политического дискурса является также неоднозначность таких ключевых для него понятий, как «общественное мнение», «политический выбор», «доверие избирателей» и так далее. Соответственно, неоднозначность понятий увеличивает риск волюнтаристской практики в политике: в каждом конкретном контексте эти понятия могут приобретать тот или иной смысловой оттенок в зависимости не только от собственно контекста коммуникации, но и интенций адресанта.

Коммуникация в институте политики продолжает онтологическую и языковую логику неопределённости политического дискурса. Относительность, неуловимость и абстрактность групп коммуникантов в политике аналогична характеристикам верующих в религии, однако, очевидны различия в акцентах по-

добного «размывания границ»: если в религии неопределённость коммуникантов обусловлена уникальностью их религиозного опыта, спецификой самих религиозных переживаний (то есть особенностями «агентов» религиозного дискурса, которыми равным образом являются и паства, и священнослужители), то в политике подобная неопределённость обусловлена властными интенциями, в соответствии с которыми может подавляться наблюдаемая однозначность и терминальность границ коммуникантов. Дело здесь в том, что эпистемически установленная точность и определённость политических реципиентов дискредитирует возможность эзотерического установления власти и воспроизводства фантазийных объектов. Иными словами, фантомность политического объекта воспроизводится фантомными группами акторов.

Религиозный дискурс характеризуется жёсткой иерархией базовых участников коммуникации, порядок которой определяется степенью сакральности и участия в религиозной деятельности. Саны священнослужителей, наличие или отсутствие мистического опыта, духовных переживаний, фоновых знаний о содержании культа, знакомство с сакральным текстом, доступ к «верной» интерпретации канонических текстов, образ жизни, даже форма и жанр высказываний – все это может выступать критерием оценки положения субъекта дискурсивной практики в религиозной иерархии и, соответственно, производимые субъектом дискурсивные действия могут быть оценены как истинные или ложные, соответствующие или не соответствующие религиозным канонам. Принцип Фуко «право голоса есть право власти» в значительной мере проявляется в религиозной дискурсивной практике как распределение полномочий интерпретации текстов, наставления, совета, прощения, наказания, вопрошания в зависимости от коммуникативного – и, по большому счету, социального и культурного – статуса говорящего.

Признавая, что религиозный дискурс имеет субъективные основания, выражающиеся в индивидуальном принятии или непринятии религиозного учения и обращении к вере, мы,

тем не менее, акцентируем внимание на строгом и консервативно-нормативном характере коммуникативного поля религии. Религия не выполняет побудительно-принудительного действия, но участие в религиозной дискурсивной практике предполагает выполнение ряда предписаний к поведению, к которым относится соблюдение коммуникативно-иерархической дистанции между коммуникантами, акцентирование различий в опыте и знаниях, подчинение, доминирование монологической формы общения над диалогической.

Уникальность религиозной коммуникации состоит в том, что сверхъестественные объекты, Бог, «высшие силы» мыслятся как активные участники общения: онтологический план религиозного дискурса совмещается с коммуникативным планом; предмет дискурса совпадает с его агентом; коммуникативный параметр предопределяется непосредственно предметной областью дискурса. Собственно, «высший» собеседник в религиозной коммуникации (то есть тот, кому обращены молитвы) «выводится» непосредственно из предметной области дискурса: сначала нечто мыслится как сверхъестественный объект, а затем становится эмпирически не наблюдаемым участником религиозной коммуникации. Более того, такая коммуникация циклична: как индивид может общаться непосредственно или опосредованно (через священника или наставника) с высшими силами, так и Бог может выступать с позиции адресанта по отношению к индивиду. Эта особенность в значительной степени специфицирует религиозный дискурс, поскольку иные типы дискурса характерны обратным типом зависимости – реальные (эмпирически наблюдаемые) участники общения могут составлять (или не составлять) предметную область дискурса (например, «учителя и ученики» в образовательно-педагогическом дискурсе или «политики и избиратели» в политическом). Даже если участники коммуникации «моделируются» в онтологическом плане дискурса (например, образование нового юридического лица или создание новой политической должности), то в конечном итоге соответствующие

коммуниканты всегда являются эмпирически наблюдаемыми, реальными. Исключение могут составлять крайние проявления тоталитарного дискурса, для которого характерно наделение политического лидера статусом божественного существа, непосредственная коммуникация с которым представляется невозможной или же мифологически конструируется как ситуация обретения истинного знания (ср. религиозное «слияние с Абсолютом»), но при этом «внутренний диалог» с вождём не просто возможен, но поддерживается и приветствуется. Такие примеры в очередной раз доказывают возможность междискурсных смещений и интердискурсных влияний, что в целом является предметом отдельного исследования.

Коммуникативные характеристики **юридического дискурса** включают в себя ряд специфических значений, к которым следует отнести, во-первых, высокую степень профессионализации отношений коммуникантов; во-вторых, «тотальность» коммуникативного эффекта; и, в-третьих, посреднический характер трансляции сообщений.

Несомненно, профессионализация отношений характерна для любого институционального типа дискурсной практики; различие заключается лишь в масштабе и степени профессионализации. Категория «профессионала» реализует в институте его базовые принципы: профессионал имеет право выражения экспертного мнения, он наделён полномочиями воспроизведения и изменения общественного порядка, он является «хранителем» социального опыта в его немодифицированном виде, он отвечает за модернизацию и адаптацию институционализированного знания.

Профессиональные отношения коммуникантов выражаются, во-первых, в однозначных требованиях к их действиям: адвокаты, прокуроры, судьи, присяжные, следователи, юрисконсульты, нотариусы – все юридические профессии обладают специфическими полномочиями и обязанностями. Более того, в отличие от политики, предъявляются жёсткие требования к не превышению полномочий: следователь не может «выполнять работу» судьи, а адвокат – совершать

действия «обвинительного» характера; в политике же член парламента может быть в то же время руководителем партийной организации, участником общественного движения, экспертом по вопросам политики и т. д.

С принципом объективности права связана «тотальность» коммуникативного действия в юридической дискурсной практике: сообщения о содержании и изменении законодательных текстов, равно как и сами тексты обращены к каждому гражданину и носят обязательный характер. Тотальность коммуникативного эффекта связана также с монологичностью и директивностью коммуникативного акта в юридической дискурсной практике: невосприятие или невозможность декодирования сообщения в юридической коммуникации отнюдь не является основанием считать коммуникативный акт неэффективным, или – иными словами – то, что адресат не услышал или не понял смысл сообщения, не отменяет силы последнего.

Универсальность действия закона связана также с интерпретацией и пониманием сообщений юридического характера. Несмотря на то, что обратная связь не влияет на статус сообщений, тем не менее, эффективность дискурсной практики, безусловно, зависит от субъективного восприятия адресатом высказываний и текстов. В то же время в процессе юридической коммуникации достаточно часто возникают терминологические, логические и формально-стилистические барьеры, и, следовательно, очевидна необходимость помощи адресатам в интерпретации и понимании юридических текстов. Эту роль также выполняют юристы-профессионалы, выступая в качестве медиаторов юридической коммуникации. Это обстоятельство позволяет сравнить юридический дискурс с религиозным: примечательно, что в обоих случаях в качестве адресанта выступает сам текст (Сакральный Текст – в религиозном и Закон – в юридическом дискурсах), а «уполномоченные субъекты» (юристы или священнослужители) – в качестве коммуникационных посредников.

Что касается коммуникативных характеристик **образовательно-педагогического дискурса**,

то речь следует вести не о тотальной подчинённости образовательно-педагогической коммуникации «дискурсной формации», «идеологии» или «социальным макроструктурам», а о своего рода «преломлении» и/или конструировании представлений о них адресантами и адресатами в каждой конкретной ситуации непосредственного образовательно-педагогического взаимодействия. Мы можем не только утверждать, что идеалы образования создают образовательные коммуникативные ситуации, но и что эти идеалы становятся возможными благодаря тому, что о них размышляют, их «делают», и они приобретают значимость в конкретных ситуациях педагогического общения.

При этом, конечно, не стоит отрицать институциональное принуждение в отношении образовательных ситуаций: институт распределяет коммуникативные роли и закрепляет хронотоп образовательно-педагогической дискурсной практики. В рамках самого института могут наблюдаться различные вариации коммуникативных ролей и хронотопов, но, тем не менее, это разнообразие также определяется институционально. Например, проведение лекций, как в аудитории, так и в видеорежиме может быть институционально допустимым, но беседы студентов с преподавателем в ресторане уже не могут быть расценены как лекция. Межличностная дистанция трактуется в образовательной дискурсной практике для акцентуации *авторитета* учителя и, следовательно, для облегчения интериоризации ценностно-смысловых структур. В политической дискурсной практике интериоризация облегчается за счет эксплуатации образа «своего», что, напротив, предполагает уменьшение дистанции между адресантом и адресатом. В юридической практике решение судьи, которое принимает он *лично*, оформляется ритуализованной коммуникацией, в то время как юридический совет или консультация основаны не на личном мнении юриста, а на содержании закона, поэтому не требуют особых коммуникативных ритуалов, подчёркивающих различия между адресантом и адресатом. В образовательно-педагогической дискурсной практике знания и ценности транс-

лируются и интерпретируются также лично учителем, а следовательно, образовательный эффект будет зависеть не только от качественных и количественных признаков транслируемой и интерпретируемой информации, но и от субъективной оценки адресатами адресанта как учителя, то есть от согласия адресатов с легитимным статусом учителя. Спецификой образовательно-педагогического дискурса является то, что действия адресанта моделируются в зависимости от когнитивных особенностей адресата, что принципиально отсутствует, например, в юридическом дискурсе. Эта особенность указывает на высокую степень интеракциональности дискурсной образовательной практики, которая неизбежно строится на принципах взаимодействия и обратной связи.

Образовательно-педагогический дискурс отличается также открытостью интенций и коммуникативного плана адресанта, что эксплицирует связь между текстами и высказываниями. Эта особенность объясняется необходимостью максимального облегчения когнитивной репрезентации адресатами коммуникативных ситуаций. Открытость и в то же время структурированность дискурса выражается, в частности, в открытой репрезентации учителем целей и задач урока, конечного результата лекции (например, с помощью таких выражений, как «сегодня вы узнаете...», «на нашем уроке мы разберём с вами...» или с помощью интеррогативов и ассертивов). Общая прагматическая и семантическая связность педагогического текста предполагает использование метакоммуникативных средств – аннотаций, ключевых слов, краткого содержания, выводов. В этом отношении адресат образовательно-педагогической коммуникации всегда осведомлён о коммуникативно-интеракциональной (прагматической) позиции адресанта (учителя, преподавателя, лектора) и об «общей логике» его речи; ученик всегда знает, что он должен узнать и какие знания собирается передать ему учитель. Со своей стороны адресант также имеет чёткий коммуникативный план, все его высказывания подчиняются общей задаче коммуникативной ситуации. Эти особен-

ности указывают на метакоммуникативный характер дискурса образования: в ходе дискурсивной практики коммуниканты не только сообщают нечто, но и сообщают о самих сообщениях.

Итак, проблема, с которой сталкиваются исследователи феномена softpower, по всей видимости, лежит, в том числе, в плоскости институциональных дискурсов, поскольку последние с очевидностью реализуют стратегии мягкой власти, основанной не на прямом принуждении и подчинении, а на вовлечении реципиентов в смысловое поле имманентных институту дискурсивных практик. «Коммуникативный порядок» современного социального института как системы норм и конвенций социальных действий актуализируется в конституируемых ею дискурсивных практиках мягкой власти. При этом у каждого институционального дискурса есть некоторая специфика, «подчинённая», тем не менее, общему правилу «вовлечённой коммуникации».

1. Най, Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике [Текст] / Дж. Най. – М.: Тренд, 2006.

2. Русакова, О.Ф. Современная политическая философия [Текст] / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012.

3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. – М.: AdMarginem, 1999.

1. Naj, Dzh. Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike [Tekst] / Dzh. Naj. – M.: Trend, 2006.

2. Rusakova, O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya [Tekst] / O.F. Rusakova. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012.

3. Fuko, M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Tekst] / M. Fuko / Per. s fr. V. Naumova, pod red. I. Borisovoj. – M.: AdMarginem, 1999.

SOFT POWER OF INSTITUTIONAL DISCOURSES: A COMMUNICATIONAL DIMENSION

Evgeny Alexandrovich Kozhemyakin,

Belgorod National Research University,
Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations,
Doctor of philosophy,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Annotation

The paper discusses the general communicational features of institutional discourses in terms of soft power they produce. The author observes the institutional variations of communicational strategies of interpellation of addressees into the conventionalized meanings field. The paper is based on the examples of political, religious, juridical and pedagogical discourses.

Key words:

soft power, institutional discourse, political discourse, religious discourse, juridical discourse, pedagogical discourse.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ПРОГРЕССОРА КАК УСЛОВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ*

Мартьянов Виктор Сергеевич,

кандидат политических наук,
ученый секретарь Института философии и права УрО РАН,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Аннотация

Концепция «гибкой силы» (soft power) является воскрешением грамшианской теории культурной гегемонии, только применительно не к политическому пространству наций, а к глобальному политическому порядку. Здесь гибкая сила является формой мягкой гегемонии, направленной на культурное продвижение и легитимацию «жестких» политических интересов. Представляется, что концепция гибкой силы актуализируется в глобальном мире, прежде всего, как способ компенсации (часто лишь символической и риторической) ослабления экономической и военной мощи мировых и региональных гегемонов.

Ключевые слова:

гибкая сила, культурная гегемония, символическая политика, прогрессор, многополярность.

Многополярность и глобальный дефицит нормативной политики

Глобальный дефицит нормативной политики состоит в том, что любые гегемоны мировой политической системы, гарантирующие эти нормы, временны. В глобальном контексте национальные государства перестают быть единственными и привилегированными субъектами выработки политических норм. Различные межгосударственные организации – ООН, МВФ, МБРР, ВТО, Европейский суд, Международный уголовный суд, система Интернет и др. – постепенно выходят из под опеки инициировавших их государств, прежде всего США. Они обретают в глобальном мире все больший символический капитал, дистанцируясь от интересов своих первоначальных инициаторов. Эти организации все эффективнее действуют в собственных интересах, автономия от наций является их главной ценностью. Они часто встают над логикой интересов территориальных государств и ТНК, поэтому последние охотно отдают им часть своего суверенитета, либо функции арбитража в спорах с другими государствами.

Аналогичный эффект демонстрируют и другие автономные организации и объеди-

нения в области права, экономики и политики, создающие дееспособные сети негосударственного регулирования правовых, экономических и политических взаимодействий разнородных субъектов – государства, ТНК, сети городов и др. Отчасти это прообразы глобальных финансовых, правовых, производственных стандартов, которым государства, включенные в глобальный мир, вынуждены следовать. Становящаяся логика глобальных стандартов и космополитических ценностей неуклонно дистанцируется от институтов и субъектов, когда-то их породивших. Например, Ш. Эйзенштадт отмечает, что «гегемон [США] утратил монополию на свою собственную легитимацию, а также на легитимацию нового глобального порядка... Национальные и революционные государства уже более не воспринимаются в качестве основных носителей культурной программы современности, базовых структур коллективной идентичности и основных регуляторов всевозможных идентичностей второго порядка. Таким образом они уже более не находятся в тесной связи с особой культурной или цивилизующей программой» [21]. Во многом это утверждение справедливо не только в отношении США, но и для всех современных наций в тех случаях, когда их

* Статья подготовлена при поддержке проекта ориентированных фундаментальных исследований УрО РАН №13-6-009-СГ «Евразийские взаимодействия в XXI веке: роль Большого Урала».

национальные интересы самым непосредственным образом разотождествляются с интересами человечества в целом.

Однако ни исторические, ни актуальные империи и гегемоны мировой политической системы, идущие к закату, никогда не хотят смириться с подобным положением дел. Вместе с тем, любая гегемония натывается на противодействие множества других национальных интересов. Поэтому политическая и экономическая гегемония для своей легитимации предполагает широкий культурный, нормативный импорт институтов и ценностей в полупериферийных и периферийных странах капиталистической миросистемы, в отношении которой она осуществляется.

Таким образом, чтобы компенсировать текущую ситуацию с: а) уменьшением своего экономического и политического влияния в глобальном мире, хотя бы на уровне массовых представлений, а также б) ростом влияния альтернативных политических субъектов – других государств, их союзов, сетей мировых городов и ТНК, – в научный оборот вводятся все новые теории, призванные доказать, что доминирующие субъекты мировой политики еще не растратили своих властных ресурсов. Одной из таких широко продвигаемых концепций поддержания легитимности мировой гегемонии является «гибкая сила» (soft power) [14]. В подобном виде «гибкая сила» или «мягкая власть», связанная с именем Дж. Ная, является воскрешением грамшианской теории культурной гегемонии доминирующего класса, только применительно не к государствам, а к международным отношениям. Если согласно Грамши функцию прямого господства осуществляет властный аппарат государства, представляющий «политическое общество» в целом, то культурную и идейную гегемонию осуществляет наиболее сильная группа «гражданского общества» [5, с. 332]. Поскольку в международных отношениях глобальное государство с его прямым легитимным насильственным господством отсутствует, можно говорить лишь о гегемонии, которую в отношении мирового политического порядка выполняют доминирующие в нем государства и их коалиции.

В данном контексте понятие гибкой силы возникает, прежде всего, как способ символической компенсации ослабления экономической и военной мощи империй-гегемонов. Его аналоги

можно легко найти в политическом дискурсе империй, идущих к своему историческому закату – Великобритания, СССР, США. Собственно и сама изначальная грамшианская идея культурной гегемонии расширенного интеллектуалами рабочего класса была компенсаторной. Она стала реакцией на не оправдавшиеся марксистские прогнозы об усилении политического и экономического значения рабочего класса в современных капиталистических обществах.

Гибкая сила призвана создавать не только позитивный, привлекательный культурный образ страны, легитимирующий ее право на господство, но и, что гораздо важнее, – поддерживать определенную нормативную политику, которая содержит в себе значимый элемент долженствования. В международных отношениях существуют три основных подхода к реализации потенциала мягкой силы: реализм, идеализм и конструктивизм. Реализм связан с представлением о политике как борьбе сил и ресурсов, где ценности являются всего лишь продолжением интересов, используются не как цели, но как средства. В рамках реализма мягкая сила рассматривается лишь как зависимая проекция военной и экономической мощи в область культуры. Идеализм предполагает безусловность ценностей в политике, а политику, опирающуюся на нормы, рассматривает как наиболее эффективную и выгодную в долгосрочной перспективе. Поскольку соотношение сил, ресурсов и значимых акторов постоянно меняется, в то время как нормы и идеалы могут оставаться неизменными. Проблемой здесь является то, что идеализм предполагает автономию и даже более – приоритет нормативной политики над «реальностью интересов». Наконец, поскольку реализм и идеализм представляют классические «идеальные типы» М. Вебера, в политической практике чаще всего мы имеем дело с конструктивизмом как смешением принципов реализма и идеализма. Он предполагает, что в долгосрочной перспективе важны все ресурсы: и сила, и ценности, образующие эффективное сочетание soft и hard power. При этом ценности могут искусственно конструироваться и императивно порождать новые институциональные реалии, а трансформация повседневности, научных знаний, технический прогресс, в свою очередь, приводят к постоянной переоценке политических принципов и ценностей.

Следует признать, что реализация мягкой силы всегда связана с компромиссами целей и обстоятельств, сущего и должного. Этому способствуют центробежные процессы, разворачивающиеся в позднемодерной капиталистической миросистеме, в результате которых: а) космополитический Модерн часто растворяется в множественной модерности [13]; б) универсальная кантовская этика принципов уступает место этике добродетелей, адаптированных к культурным традициям, социальным практикам и институциональной инерции локальных обществ [19], в) логика сходств уступает место дифференциации и значимости различий; г) интегративные импульсы центров мироэкономики сдерживаются восстанием разного рода периферий; д) универсализм сдает позиции в пользу плюрализма; а прагматизм интересов начинает господствовать над нормативизмом убеждений.

В результате достаточно стабильная и универсальная мягкая сила гегемонов биполярного мира предстает все более дифференцированной, опровергая фукуямовский тезис о конце истории. Происходит «экономизация» и локализация дискурса гибкой силы, потеря им императивного культурного измерения, когда знание правил адресатами мягкой власти перестает быть тождественно их выполнению, что в корне отличает от ситуации с двумя сверхдержавами и их сателлитами – адресатами нормативной политики. Безусловно, гибкая сила, ориентированная на идеализм и космополитизм, возможна и в условиях усиления многополярности, если она не предполагает некой социальной и культурной унификации. Это движение к более универсальным нормам, которые могут практически воплощаться в разных социальных и культурных контекстах и обстоятельствах, не отменяя значимость последних.

Культурная гегемония и универсализация политического порядка

В более радикальном варианте проблема возможности гибкой силы в глобальном мире звучит так: могут ли нормы и ценности в ее основе быть эффективны в политике сами по себе? Возможны ли в политике универсальные ценности? В области политики, в основе которой лежит конфликт различных интересов, ценност-

ные универсалии размыты более, чем в любой другой области деятельности. Более того, часто конфликты реальных интересов ложно помещаются в «упаковку» культурных конфликтов ценностей, идентичностей, цивилизаций и т. п. Здесь возникает следующая проблема: кто законодатель всеобщих ценностей? Кто способен выступать от лица человечества? Наконец, а судьи кто? История свидетельствует, что все попытки создать в политике эффективные универсалии обычно связаны с процессами концентрации и монополизации власти.

Представляется очевидным, что эффективные ценности в основе гибкой силы могут быть лишь соблазнительными, будучи основаны в первую очередь на притягательности и согласии, консенсусе социальных групп и ключевых политических акторов относительно базовых приоритетов и правил взаимодействия, на договоре (в том числе негласном) всех заинтересованных сил. Причем как внутри государств, так и на международном уровне. В настоящее время опора на ценности все более эффективна в вопросах, затрагивающих все человечество, будь то глобальное потепление, экология, борьба с эпидемиями, исчерпание природных ресурсов, голод, здравоохранение и т. п. Здесь найти взаимопонимание гораздо легче, чем в областях, где, например, сталкиваются извечные конфликтные интересы разных меньшинств; социальных классов; конкурирующих предприятий; наций-государств; различных акторов, стремящихся «откусить» от некоего общего пирога, будь то мировые рынки сбыта, государственный бюджет, экономические преференции, гранты и т. п. Естественной объединяющей платформой здесь является осознание общих угроз и общей ответственности как растущей метаценности в международных отношениях. Очевидно, что прогнозирование нынешних экологических, демографических, экономических, технологических тенденций подтверждает неизбежность осуществления многих глобальных угроз человечеству. Причем государства относительно равны перед этими проблемами, так как они касаются всех.

Однако современные международные отношения после распада относительно устойчивой биполярной системы трудно охарактеризовать иначе как «бои без правил», эпоху нового хаоса. Основная проблема заключается в том, что в такой

системе интересы глобальных нормативных акторов не превращаются в глобальную ответственность за свои действия и их последствия. Логика интересов проявляется в жесткой политике силы и волонтаристских вмешательствах в дела других стран, подкрепляемых экономическими санкциями и политическими барьерами. В итоге нарастает лишь всеобщее недоверие к ранее достигнутым договоренностям, нормам и подходам, а модели гибкой силы оказываются ограничены манипуляциями общественным мнением и плоской пропагандой национально-государственных интересов. Более того, в международных отношениях происходит явная инволюция универсалистских принципов, отказ ведущих акторов, прежде всего США, от диалога на основе всеобщих и равных норм, что катастрофически снижает потенциал гибкой силы.

Представляется, что осознание общей ответственности, общих норм и ценностей, глобальной взаимосвязи человечества предполагает своего рода моральный переворот в стратегиях гибкой силы. Осознание того, что счастье одних людей, классов, народов, регионов мира априори не может быть связано с несчастьем других, обделенных куском «общего пирога». Проблема и в том, что универсальные рецепты действующих гегемонов на практике обычно связаны с сохранением статус-кво, к которому призывает любая правящая элита, что является несправедливым в моральной перспективе тех, кто стремится изменить это статус-кво. Это походит на то, как если бы зафиксировать для всех живущих на земле уровень образования или доходов как справедливый и неизменный. Но есть дети и старики, богатые и бедные, больные и здоровые.

Либеральный консенсус, считавшийся реальным фундаментом единого нормативного пространства капиталистической миросистемы и фундирующий ценностные принципы гибкой силы ее гегемонов (Европейский Союз, США, Япония) на фоне своей ограниченной институциональной реализации вызывает все больше неприятие слаборазвитых и «неразвивающихся» стран [4, с. 216–233]. Оказалось, что Ахилл никогда не догонит черепаху, как бы медленно она не ползла. Поэтому в последнее время в «четвертом», «третьем» и бывшем «втором» мире нарастает

разочарование в надеждах на лучшее будущее, а соответственно в тех универсальных нормах, ценностях и идеях, которые оно легитимировало [9]. Более того, в условиях периодических кризисов капиталистической миросистемы зазор между декларируемыми нормативными универсалиями гибкой силы ее гегемонов и опровергающей их практикой «двойных стандартов» и «целей как средств» становится все сильнее; под слоем общественных теорий, концепций, институтов приоткрываются далекие от универсальности интересы их инициаторов [3]. С другой стороны, экономическая, политическая и культурная глобализация мира, ползучее распространение ядерного оружия, экологические проблемы и прочие угрозы не оставляют человечеству иных разумных и эффективных альтернатив, кроме движения к общим глобальным ценностям и правилам игры. Актуализируются выгоды преодоления интересов отдельных наций в пользу долгосрочных правил игры, закрепленных во всеобщих законах, институтах, ценностях. Фактически, в глобальном мире все более выигрывает и в практическом, и в символическом плане тот, кто может предлагать и институционально поддерживать правила игры не искаженные ограниченными национальными интересами. Это проекты и стратегии, в основе которых лежали бы не только экономические интересы, но и новая политическая этика, основанная на доверии, на разделяемых всеми участниками взаимодействия нормах права, морали, политики. Подобное утверждение является политическим идеализмом, но только идеалы совершенствуют политику, общество и человека, позволяя им стать чем-то лучшим, чем они являются. Более того, присоединение стран и регионов к более универсальным правилам, сулящим долгосрочные выгоды, является, несомненно, рациональным решением.

Таким образом, потенциал гибкой силы все интенсивнее связан с политикой утопии, способной либо восстановить, реконструировать универсальность либерального консенсуса, либо предложить ему равновеликую замену. В новейшей истории утопический проект альтернативного, некапиталистического Модерна, который предлагал миру СССР, был в силу разных причин отвергнут, а новой социальной утопии, дающей

надежду на лучшее будущее для большинства населения Земли, так и не появилось. В лучшем случае мы можем наблюдать локальные утопические нарративы, представленные в первую очередь разными антиглобалистскими движениями и меньшинствами. И зачастую их дискурс связан не столько с расширением возможностей для большинства, сколько с попытками перераспределения национальной и глобальной политической ренты в пользу немногих. В результате многие политические нормы позднего Модерна просто переходят в свою противоположность, обнаруживая проклятую сторону вещей, когда борьба за права сексуальных, этнических, языковых, религиозных меньшинств превращается в глобальную битву за привилегии, а экологические организации лоббируют интересы конкретных государств и ТНК. При этом само пространство политических ценностей всегда субъективно, а ценностные альтернативы обманчивы и зависят от того, кто, к кому и в каком историческом контексте их применяет. Североамериканские мятежники, принявшие в 1776 году Декларацию независимости, в случае неудачи были бы казнены властями Великобритании, но успех превратил их в отцов-основателей США.

Представляется, что пока человечество исторически, политически, экономически и культурно разрознено, абсолютизация в глобальном плане ценностно-институциональной матрицы той или иной политической общности аналогична очередному, заранее обреченному на неудачу построению Вавилонской башни. Это обстоятельство накладывает довольно жесткие ограничения на потенциал гибкой силы любых политических субъектов. Любая ценность или норма является символом веры лишь для тех, кто ее разделяет или подчиняется ей. А вера есть нечто самоочевидное, не нуждающееся в доказательстве. Например, самоочевидные для ареала Просвещения ценности свободы, демократии, частной собственности, индивидуализма, конкуренции часто теряют свою «самоочевидную» смысловую и ценностную нагрузку вне этого ареала. А с ней и способность к функции объяснения политики, легитимации существующих в ней норм, практик и институтов.

Как правило, алиби международных субъектов гибкой силы предполагает, что пропаган-

дируемые нормы уже успешно реализованы в местах их возникновения, прекрасное будущее уже существует в настоящем, подтверждая свою доступность. При этом теория транзита имеет явный «прогрессорский» подтекст, причем «золотой век» в ней предельно приземлен и материализован топологически, как бы это ни скрывалось, в виде стран «первого мира». В силу этого гибкая сила гегемонов неизбежно приобретает черты мессианства, нетерпимости, дидактизма, обращаясь к анализу любого общества-адресата с заранее заданным шаблоном. Но если в масштабе отдельных государств большинство граждан не питает иллюзий, что все бедные смогут в результате «индивидуальной модернизации» приблизиться к богатым, то в отношении богатых и бедных стран эта иллюзия сохраняется. Здесь стратегия гегемонистской гибкой силы в отношении остального мира является все той же старой традицией «просвещения» туземцев и варваров, чье настоящее рассматривается цивилизаторами как собственное прошлое. Этот подход не изменился с колониальных времен, даже будучи упакован в риторику общечеловеческих ценностей, демократии, множественной модерности и теории модернизации. Целые регионы мира превращаются в лишённые уникальности объекты, нуждающиеся в прогрессорстве – применении неких универсальных норм, призванных направить их на магистральный путь прогресса, сделать их «современными». Однако политические нормы изначально соотнесены с легитимацией и реализацией чьих-то интересов. Например, всегда трудно определить, являются ли жесткие экологические стандарты способом защиты окружающей среды или легендой для отсекающих лишние конкурентов с внутренних рынков; милитаризация проводится для реальной защиты государства или же в экономических интересах ВПК; помощь слаборазвитым странам диктуется альтруизмом или преследует цели их институционального встраивания в рынки сбыта и т. п.

Таким образом, гибкая сила, превращенная в прогрессорство, лишается своей эффективности, так как ни теория модернизации, ни демократизация, ни либерализация не заработают, если они механически трансплантируются извне. Более того, возможно ли прогрессорство как та-

ковое, применимое не к воспитанию отдельного человека, но к самой истории, к целым народам и континентам? Представляется, что прогрессор может эффективно повлиять лишь на того, кто уже готов к восприятию новых ценностей, институтов, практик. Однако в таком случае объект прогрессорства рано или поздно достиг бы своих целей и без посторонней помощи.

Современная Россия как субъект гибкой силы: пример регрессора

Евразийское пространство в пределах границ СССР в своей долгой истории объединялось в двух формах – империи и советской федерации. Российская империя была довольно гибким и долгосрочным образованием, хотя не смогла решить задач модернизации и преодоления исторической неодновременности своих составных частей.

СССР оказался неустойчивым, асимметричным политическим компромиссом российского центра и этнических окраин, который разрешился закономерным распадом. Однако его потенциал гибкой силы впервые оказался глобальным, охватывая полмира при несоизмеримо меньших военно-политических и экономических возможностях, чем у геополитического противника.

СНГ, пришедшее на смену СССР, изначально не существовало как политическое образование. В СНГ существуют только центробежные силы, а эффективными всегда оказывались лишь двусторонние связи. За постсоветский период так и не была выработана стратегия российской гибкой силы в рамках СНГ, предполагающая реальный механизм восстановления экономических, культурных, политических связей хотя бы ядра славянских стран – России, Белоруссии и Украины. В результате все взаимодействия протекают как ситуативный торг за экономические преференции в обмен на лояльность, имея краткосрочный и ни к чему не обязывающий стороны эффект, как показывает постоянный газовый конфликт Украины и России. Более того, большинство стран СНГ не имеют реального политического суверенитета, являясь странами-лимитрофами, пограничными зонами. Таковы, например, новые государства Центральной Азии, находящиеся в зоне притяжения с одной стороны России, с другой – Китая и ряда ис-

ламских государств, таких как Турция и Иран. Белоруссия вслед за Прибалтикой и Украиной тяготеет к Евросоюзу. Формально являясь независимыми государствами, они в своей политике фундаментально зависят от внешних факторов, находясь в орбите влияния крупных международных игроков. Базовые принципы существования этих политических режимов часто определяются не их властными элитами, а внешними силами.

Элиты стран СНГ, получив «случайный» и неожиданный суверенитет, не могут сформулировать долгосрочные политические и национальные интересы своих государств, зачастую путая их с собственными интересами. Соответственно условия для выработки гибкой силы в условиях ситуативного прагматизма как основы поведения элит отсутствуют. Их основные задачи связаны с выработкой нового национализма – общей национальной идентичности во внутренней повестке дня, позволяющей удержать новые постсоветские государства от распада. Ресурсы для гибкой силы здесь просто отсутствуют. В данном контексте цикл переворотов внутри властных элит, связанных с переделом сфер влияния в Украине, Грузии, Кыргызстане, нельзя назвать революциями, поскольку последние предполагают активное участие народа в своей судьбе и фундаментальные политические перемены, которые нигде в СНГ по результатам оранжевых революций не состоялись. Аналогична ситуация и с «арабской весной» как циклом общественных потрясений в Тунисе, Египте, Ливии, Алжире, и ряде других стран Арабского Востока, которые будучи начаты как революционные модернизации, по своим результатам привели к выигрышу традиционалистов и реакционеров [7].

Гибкая сила порождается не только политической субъектностью гегемона, но и ее устремленностью в лучшее будущее, в которое могли бы быть вовлечены и другие участники. Российские трудности с гибкой силой даже в отношении собственной политической периферии – постсоветского пространства – обусловлены доминированием попыток паллиативной опоры элит на идеологизированную историю, которая давно была отвергнута настоящим: «отсутствие собственного исторического проекта, через осуществление которого могла бы реализовываться

политическая субъективность, компенсируется за счет паразитирования на прошлом. В этом смысле активизация исторической политики есть симптом исчезновения политического, когда вопрос о политической идентичности переформулируется как вопрос о принадлежности к исторической традиции. Вопрос о политической субъективации индивида или сообщества снимается через обращение к «генному коду» [10, с. 197].

Представляется, что нынешним российским элитам, пытающимся сформулировать свою стратегию гибкой силы, можно разыграть один из трех возможных сценариев, связанных с нарастающей онтологической дискредитацией либерального консенсуса в основе капиталистической миротворческой системы. Осложняет реализацию каждого из этих сценариев тот факт, что если властная элита и государство в российской истории являлись традиционно доминирующими и едва ли не единственными реальными нормативными прогрессорами, то в последние годы российский политический порядок сохраняется скорее посредством антимонополистского консенсуса элит и бюджетно зависимого населения [12]. В результате пространство социальных утопий, дискурс будущего фактически передается государством и властными элитами в пользу новых прогрессорских групп, прежде всего городского среднего класса, концентрирующего во внутренней политике элементы эффективной гибкой силы.

Итак, первый сценарий – объявить переходный постсоветский период и легитимирующие его «реформы» завершенными. Тогда политический режим должен придумать себе новые легитимирующие, нормативные основания. Однако за четверть века так и не был осуществлен прорыв к более универсальным институтам, ценностям, стандартам, в масс-медиа и на выборах продолжает доминировать дискурс прошлого, подменяющий настоящее [11]. Вместе с тем признавать свое истинное положение в миротворческой системе, связанное с потерей гегемонии, процессами периферизации экономики и регрессивной, неотрадиционалистской инволюции политического режима не хочется, чтобы не растерять остатки символического капитала, требуемого для гибкой силы. В результате элитами предпринимаются сомнительные попытки популяризации новых легитимирующих

понятий, например, «суверенной демократии» или «сырьевой сверхдержавы». Однако суверенная демократия является не более чем правопреемником «социалистической демократии», будучи призвана доказать, что именно российская демократия «самая демократичная» в мире. А сверхдержава вряд ли может быть в постиндустриальном мире сырьевой. Осуществляется все более опасная игра и на поле национализма, представляющего опасный локальный нарратив, делящих на «своичужие» и вызывающий за пределами постсоветских стран лишь очевидное отторжение [1]. Инвариантом этого сценария является идея о том, что демократия для России не слишком нужна и неэффективна, а демократий без изъянов нет нигде в мире. Поэтому необходим возврат к традиционным и надежным «духовным скрепам». В которые, впрочем, вряд ли верят и сами их пропагандисты, действующие в современной экономической и политической логике. Здесь очевиден тот факт, что российский периферийный капитализм «не смог выработать собственного социального капитала, способного обрести современный облик» [20, с. 126]. А эффективный социальный капитал является базовой основой любой модели гибкой силы в позднемодечном мире.

Второй сценарий, осуществляемый российскими элитами в реальности, – симуляция модернизации, попытка сделать ее перманентным ценностным основанием российской политики. Здесь предполагается, что нормативные основы демократии и рыночной экономики в России в целом реализованы, но нуждаются в периодическом «ремонте», «оптимизации» и «наладке» с учетом особенного климата, истории, культуры. Соответственно, если ждать неопределенный период времени и терпеть наличные неудобства, то в результате бесконечных реформ и борьбы с коррупцией все же рано или поздно наступит «идеальная демократия», заработают «совершенный рынок» и «эффективные институты».

Третий сценарий, который не может быть реализован в силу своей радикальности, заключается в отказе от попыток адаптации России к внешней глобальной иерархии, нормативной повестке и сложившимся институциональным взаимодействиям. Это вариант: а) полной или частичной автаркии, б) создания новой империи,

либо в) попытки создания альтернативного ядра миросистемы, хотя для последнего Россия в отличие от СССР уже не располагает достаточными ресурсами. Эти варианты нереализуемы по одной простой причине: внешний мир в настоящее время нужен России гораздо больше, чем она ему. Если доля импорта в СССР составляла 3–5% от товарооборота, то в 2010-е годы он возрос до 42–44%. Современная Россия не может полноценно существовать без высокотехнологичных товаров – международных платежных систем, Интернета, оборудования, компьютеров, сотовых телефонов почти полностью поставляемых из-за рубежа. Под угрозой даже продовольственная безопасность, так как доля импорта продовольственных товаров в 2013 году составляла 36% [6], в том числе сыры 47,8%, говядина 62,4%, лекарства 69,1% [18]. Поэтому глобальные гегемоны могут применить к России болезненные экономические санкции, а Россия нет, так как поставляет не уникальные товары, которые могут быть заменены другими поставщиками сырья.

Заключение: ресурсы гибкой силы в позднем капитализме

Историческая эволюция современных обществ ведет к расширению индивидуальной автономии граждан, росту пространств доверия и рыночных обменов, изменению норм и ценностей социального взаимодействия, воплощаемых в общественных институтах. Ситуация позднего капитализма актуализирует в обществах-гегемонах капиталистической миросистемы внеэкономические аспекты и жесткой, и гибкой силы, связанные с накопленным социальным капиталом (доступ к публичным благам, гарантированные права и свободы граждан, образование, развитая инфраструктура и пр.). Исследователи отмечают рост значения постматериальных ценностей самовыражения в основе индивидуальных и групповых стратегий обществ позднего или глобального Модерна [8]. В результате многие политические изменения вполне объяснимы неполитическими факторами. Например, расширение политической формы современной демократии может быть объяснено не только и не столько приверженностью общества определенному институционально-идеологическому комплексу, но и являться стати-

стически подтверждаемым следствием фоновых процессов урбанизации, преодоления безграмотности, снижения рождаемости и экономической модернизации [17].

В работе нобелевского лауреата Д. Норта и его соавторов [15] высказывается продуктивная мысль о потенциале глобального перехода человечества к обществу «открытого доступа», которое характеризуется новыми внеэкономическими свойствами: а) пониманием права не только как правил, но и как ценности, б) способностью к решениям на основе договора (компромисса) и в) долгим взглядом – оценкой последствий актуальных действий в долговременной перспективе.

В данном контексте действительный успех в условиях глобальной мироэкономики может быть связан не столько с продвижением интересов политических наций, сколько с усилиями всех государств по транснационализации любых коммуникаций. Все народы могут выиграть, постепенно доверяя суверенитет транснациональным институтам и нормам, ставя их выше национальных. Этот процесс предполагает рост доверия, осознания региональными и национальными элитами долговременных и всеобщих целей человечества, достигнуть которые можно только сообща, а не за счет друг друга. Отчасти современным образцом подобного встречного движения наций, враждовавших всю свою историю, является Европа и ее регионы. Именно подобные цели являются морально оправданными и легитимируют средства гибкой силы.

Более того, в условиях раннеиндустриального Модерна ключевым прогрессором, аккумулирующим необходимые институциональные и ценностные ресурсы развития, особенно в условиях авторитарной модернизации, выступает государство. Однако в условиях глобализации национальные политические элиты все более теряют монополию на модернизацию, прогресс и факторы развития. Благодаря росту автономии, социального капитала граждан и эффективности социальных сетей потенциальным субъектом общественного развития становится каждый человек. Поэтому гибкая сила в глобальном мире может эффективно осуществляться лишь при вовлечении ресурса всего общества. Усилий элит даже постиндустриальных обществ становится недостаточно для про-

движения культурной гегемонии и формирования привлекательного образа нации для внутреннего и внешнего адресата. Каждый участник, каждый гражданин политического сообщества превращается в агента, способного внести ощутимый вклад в потенциал гибкой силы того общества, которое он представляет. Множественное прямое взаимодействие на социальном микроуровне, в социальных сетях теперь имеет возможности привести к более эффективным результатам, чем любая официальная государственная пропаганда, а тем более вопреки последней.

Представляется, что эффективная гибкая сила современной России может быть только продолжением стратегии универсализирующей утопии, ориентированной не только на собственных граждан, но и предлагающей космополитические правила общежития в глобальном мире. Это желаемый образ глобального общественного договора, являющийся по своей сути идеалистическим проектом. Да, вся привычная жесткая политика зиждется на отсроченном насилии [2]. Однако самая искусная и эффективная политика, способная достигать долгосрочных и фундаментальных целей, – это политика, основанная на ценностях, убеждениях, культуре, идеологиях и утопиях, то есть на ресурсах гибкой, мягкой силы и умной власти (smart power) [16]. Политика, основанная не на страхе и угрозе наказания посредством легальных институтов насилия, а политика, апеллирующая к ценностям и неизменным законам. Именно дефицит такой нормативной политики, ориентированной на долгосрочные цели можно наблюдать в мировой и российской политике. Пока же в России федеральный центр элементарно путает достигнутый консенсус правящих элит с общенародным согласием. И заставить нынешние элиты думать о ресурсах гибкой силы может только масштабная катастрофа: либо природный катаклизм, либо конец нефтяного благоденствия, либо массовые протесты населения, либо внешняя экспансия. И все эти предельные условия в среднесрочной перспективе практически неосуществимы.

1. Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» [Текст] / В.А. Ачкасов // Символическая политика.

Сборник научных трудов. Отв. ред. Малинова О.Ю. Выпуск 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 126–148.

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 2000. 387 с.

3. Булипопова Е.В. Причины и предпосылки появления термина «двойные стандарты» в политическом дискурсивном пространстве [Текст] / Е.В. Булипопова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2010. Вып. 10. С. 346–354.

4. Валлерстайн И. Крах либерализма [Текст] / И. Валлерстайн // После либерализма. М.: Едиториал УРСС. 2003. С. 216–233.

5. Грамши А. Формирование интеллигенции [Текст] / А. Грамши // Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М.: Политиздат. 1991. 560 с.

6. Доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами (Российская Федерация). [Электронный документ]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=37164&referrerType=0&eferrerId=1293314> (дата обращения 17.07.2014).

7. Иванова Е.А. Политическая модернизация Арабского Востока: между государством и консервативной революцией [Текст] / Е.А. Иванова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2011. Вып. 11. С. 419–433.

8. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. 2011. 464 с.

9. Иноземцев В. Маленькие страны в большой политике [Текст] / В. Иноземцев // Свободная мысль. 2006. № 6. С. 83–97.

10. Калинин И. Нехватка политической субъективности, или исторический photoshopping [Текст] / И. Калинин // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. С. 192–203.

11. Киселев К.В. Дискурс прошлого в электоральной риторике: к постановке проблемы [Текст] / К.В. Киселев // Символическая политика. Сборник научных трудов. Отв. ред. Малинова О.Ю. Выпуск 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 175–181.

12. Мартыанов В.С. Глобальный модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России [Текст] / В.С. Мартыанов // Полис: Политические исследования. 2014. № 1. С. 83–98.

13. Мартыанов В.С. Один Модерн или множество? [Текст] / В.С. Мартыанов // Полис: Политические исследования. 2010. № 6. С. 41–53.

14. Най Дж. Гибкая сила: как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд. 2006. 397 с.

15. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.

16. Русакова О.Ф., Ковалева Д.М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ [Текст] / О.Ф. Русакова, Д.М. Ковалева // Социум и власть. 2013. № 3. С. 15–19.

17. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М. Международные отношения. 2004. 240 с.

18. Торговля в России. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 511 с.

19. Фишман Л.Г. А теперь добродетель! [Текст] / Л.Г. Фишман // Полития. 2012. № 2. С. 89–97.

20. Фишман Л.Г. Поможет ли «духовность» российскому капитализму? [Текст] / Л.Г. Фишман // Полития. 2013. № 2. С. 119–128.

21. Эйзенштадт Ш. Современная глобализация, гегемонии и трансформация национальных государств. [Электронный документ]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Sovremennaya>

globalizaciya-gegemonii-i-transformaciya-nacional-nyh-gosudarstv (дата обращения 17.07.2014).

1. Achkasov V.A. Rol' politicheskix i intellektual'nyx e'lit postkommunisticheskix gosudarstv v proizvodstve «politiki pamyati» [Tekst] / V.A. Achkasov // Simvolicheskaya politika. Sbornik nauchnyx trudov. Otv. red. Malinova O.Yu. Vypusk 1. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. S. 126–148.
2. Bodriyar Zh. Simvolicheskij obmen i smert'. M.: Dobrosvet. 2000. 387 s.
3. Bulipopova E.V. Prichiny i predposylki poyavleniya termina «dvojnye standarty» v politicheskom diskursivnom prostranstve [Tekst] / E.V. Bulipopova // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2010. Vyp. 10. S. 346–354.
4. Vallerstajin I. Krax liberalizma [Tekst] / I. Vallerstajin // Posle liberalizma. M.: Editorial URSS. 2003. S. 216–233.
5. Gramshi A. Formirovaniye intelligencii [Tekst] / A. Gramshi // Tyuremnye tetrady. V 3 ch. Ch. 1. M.: Politizdat. 1991. 560 s.
6. Dolya importnyx prodovol'stvennyx tovarov v tovarnyx resursax roznichnoj trgovli prodovol'stvennyimi tovarami (Rossijskaya Federaciya). [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=37164&referrerType=0&referrerId=1293314> (дата обрaщения 17.07.2014).
7. Ivanova E.A. Politicheskaya modernizaciya Arabskogo Vostoka: mezhdunarodnoye gosudarstvom i konservativnoj revolyucii [Tekst] / E.A. Ivanova // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2011. Vyp. 11. S. 419–433.
8. Inqlart R., Vel'cel' K. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. M.: Novoe izdatel'stvo. 2011. 464 s.
9. Inozemcev V. Malen'kie strany v bol'shoj politike [Tekst] / V. Inozemcev // Svobodnaya mysl'. 2006. № 6. S. 83–97.
10. Kalinin I. Nexvatka politicheskoy sub'ektivnosti, ili istoricheskij photoshopping [Tekst] / I. Kalinin // Neprikosnovennyj

zapas. 2013. № 1. S. 192–203.

11. Kiselev K.V. Diskurs proshlogo v e'lektoral'noj ritorike: k postanovke problemy [Tekst] / K.V. Kiselev // Simvolicheskaya politika. Sbornik nauchnyx trudov. Otv. red. Malinova O.Yu. Vypusk 1. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. S. 175–181.
12. Mart'yanov V.S. Global'nyj modern, postmaterial'nye cennosti i periferijnyj kapitalizm v Rossii [Tekst] / V.S. Mart'yanov // Polis: Politicheskie issledovaniya. 2014. № 1. S. 83–98.
13. Mart'yanov V.S. Odin Modern ili mnozhestvo? [Tekst] / V.S. Mart'yanov // Polis: Politicheskie issledovaniya. 2010. № 6. S. 41–53.
14. Naj Dzh. Gibkaya sila: kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike. M.: Trend. 2006. 397 s.
15. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.
16. Rusakova O.F., Kovaleva D.M. «Myagkaya sila» i «umnaya vlast'»: konceptual'nyj analiz [Tekst] / O.F. Rusakova, D.M. Kovaleva // Socium i vlast'. 2013. № 3. S. 15–19.
17. Todd E'. Posle imperii. Pax Americana – nachalo konca. M. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2004. 240 s.
18. Torgovlya v Rossii. 2013. Stat. sb. / Rosstat. M., 2013. 511 s.
19. Fishman L.G. A teper' dobrodetel'! [Tekst] / L.G. Fishan // Politiya. 2012. № 2. S. 89–97.
20. Fishman L.G. Pomozhet li «duxovnost'» rossijskomu kapitalizmu? [Tekst] / L.G. Fishman // Politiya. 2013. № 2. S. 119–128.
21. E'zenshtadt Sh. Sovremennaya globalizaciya, gegemonii i transformaciya nacional'nyx gosudarstv. [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Sovremennaya-globalizaciya-gegemonii-i-transformaciya-nacional-nyh-gosudarstv> (дата обрaщения 17.07.2014).

SOFT HEGEMONY: WEAK PROGRESSOR LEGITIMATING

Martianov Victor Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
PhD, Academic secretary,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Annotation

Soft power concept presents reincarnation of Gramshian theory of cultural hegemony attached not to nations, but to global political order. Here soft power is a form of soft hegemony aimed to cultural promotion and legitimating of hard political interests. It is proposed that soft power concept in a global world is a way of compensation, that is too often symbolic and rhetorical, of declining of the economic and political strength of the world and regional hegemony.

Key words:

soft power, cultural hegemony, symbolic politics, progressor, multipolarity.

СИМВОЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕСУРС «SOFT POWER»

Капицын Владимир Михайлович,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Кафедра сравнительной политологии,
Доктор политических наук, профессор,
г. Москва, Россия,
E-mail: kapizin@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает национальную идентичность как модель коллективного сознания, интегрирующую знаки и символы в единое смысловое пространство общества. Автор операционализирует понятия «символы», «национальная идентичность», «мягкая сила».

Ключевые слова:

мягкая сила, знаки, символы, национальная идентичность, жизненные сферы.

В коммуникации важнейшую роль играют символы. Последние представляют собой коммуникационную модель. Она помогает «переплавлять» идеи и образы, создаваемые TV (другими дискурсивными «площадками») в когниции индивидуального (коллективного) сознания, а также интегрировать их в единое смысловое пространство общества. В мировом и национальном развитии повышается роль нематериальных факторов, что, в свою очередь, подогревает интерес к исследованию роли идентичностей и символов [1; 14].

Автор ставит цель операционализовать понятие «символы» и «идентичности», показать механизм формирования символов национальной идентичности, играющих роль ресурса «мягкой силы». В понимании «мягкой силы» выделяется ее влияние во внутренней и внешней политике, рассматривается использование символов «своей» национальной идентичности для консолидации общества и нейтрализации влияния внешней soft power. Для таких исследований большое значение имеют конструктивизм и теория идентификации, политическая семиотика, исследования постмодернизма [2; 10].

Soft power рассматривается обычно как побуждение других делать то, что нужно актору, без применения прямого насилия. В ЕС «soft power» переводится как «собранный, скоординированный

сила»; в Китае говорят о «мудрой силе» [11]. Дж. Маттерн видит в soft power «репрезентационную силу» – «форму власти, оперирующую через посредство используемой говорящим структуры нарративного представления действительности» [15].

Национальная идентичность проявляется, прежде всего, в символах. Символ – знак, связь которого со своим референтом ослабляется под влиянием доминирующей интерпретации. Символы и идентичности включаются в качестве элементов в состав «мягкой силы», призванной влиять интегрирующим образом на политическую культуру, способствовать консолидации собственного общества, а также ослаблять дезинтегрирующее воздействие внешней soft power.

Символы национальной идентичности опираются на эмоционально окрашенные образы конкретных (локальных) сообществ. Для малых народов, местных территориальных сообществ основой становления символов этнической (местной, региональной) идентичности являются ландшафты, памятники природы, размеры территории, предметы быта, памятники духовной культуры, трудовые достижения и т.п. Для некоторых народов в небольших по территории государствах символы этнической идентичности сливаются с национально-государственной идентичностью,

что позволяет относительно легко консолидировать связи людей, укрепляя целостность общества и состоятельность государства. Но у больших народов, занимающих значительные территории, особенно, включающих в свой состав множество идентифицирующих себя этносов и регионов, национальная (национально-государственная) идентичность формируется в процессе сложного взаимодействия этнических (местных) идентичностей, выстраивания неповторимого национального «узора».

Символы национальной идентичности необходимы, чтобы сложилось динамичное, но устойчивое общество, способное формировать, поддерживать (сдерживать) дееспособное государство. Усилия, направленные на это, – достойная цена за предотвращение скатывания общества к состоянию «авилонской башни» (Брейгеля-старшего) и ожесточенного государства-левиафана.

Модель национальной (национально-государственной) идентичности может быть представлена как некая упорядоченность разноуровневых знаков и символов. Последние выражают в своеобразной (кодированной) форме социальное единство и национально-государственные интересы, помогают выстраивать связи смыслов, в том числе, иерархические. Символы национальной идентичности при всей их удаленности от повседневных знаков все равно сохраняют связь со своей означенной основой в жизненных сферах.

Коснемся связи знаков повседневности, функционирующих во всех жизненных сферах. Они выступают в качестве: а) *простых партикулярных знаков повседневности* (индивидуальных, корпоративных, семейных и т. д.), формирующих жизненный статус людей; б) *знаков, формирующих институты*, интегрирующие более простые знаки жизненных сфер в «воображаемые» локальные сообщества; в) *жизнесферных ценностей*, играющих важную роль в интерпретации всех знаков на локальном уровне.

На этой основе формируются уже символы национальной идентичности: г) *национальные добродетели*, показывающие концентрацию позитивных качеств «большого народа», нации, многонациональной общности; д) *неофициальные национальные символы* (для россиян – бурый медведь, матрешка, Красная площадь и т. д.);

е) *официальные (государственные) символы* (герб, флаг, гимн, столица); ж) *символы национальной идеи*. Все эти символы включаются в механизм национальной «мягкой силы», используемой во внутренней и внешней политике.

Есть также *символы наднациональных ценностей*; отдельные элементы их интегрируются в национальное сознание как цивилизационные и межцивилизационные символы, становятся частью национальной идентичности разных государств. Например, ценности Нагорней проповеди. С другой стороны, есть символы, которые влиятельные государства представляют в качестве универсальных, хотя они таковыми не являются, используют как элементы soft power, внедряя в другие общества, разрушая символы их национальной идентичности.

Раскроем более подробно содержание и связи знаков и символов, начиная с *простых партикулярных знаков повседневности*, поддерживающих жизненный статус, ориентированных на уместность, безопасность, духовное удовлетворение, благополучие человека. Эти знаки выражают элементарные повседневные потребности людей, привязанные к *основным жизненным сферам*. Это – сфера *территориально-пространственная* (территориальность – поселение, экология, природа, пути сообщения). Сфера *естественно-антропологическая* (телесность – семья, здоровье, жильё, быт, соседи). Духовно-культурная сфера (духовность – вера, культура, образование, история). Агентно-профессиональная сфера (агентность – работа, квалификация, карьера).

Чтобы эти *простые партикулярные знаки* интегрировались в воображаемые сообщества, необходимы еще в каждой сфере *особые институционализированные практики со своими знаками (институты)*. Эти институты, воспроизводя знаки, сопровождают воспроизводство самих жизненных сфер, а, в конечном счете, и общества в целом. Здесь ценно замечание К. Касториадиса о связи символического с воображаемым в институционализации [6, с. 452–454]. Государство и отдельные сообщества используют данные институты для выстраивания механизмов национальной символической консолидации.

Что это за институты? В *территориально-пространственной* сфере помимо географических

карт воспроизводство знаков первичной консолидации обеспечивают: *природные памятники, границы мест, дорожная сеть, земельные кадастры*.

В *естественно-антропологической* сфере в качестве таких институтов выступают *семья и брак, дом, детский сад, местное кладбище, переписи населения, записи актов гражданского состояния*, регулирующие демографические и этнические параметры и связи, традиционные сети родственников, соседей, земляков, жителей места.

В *духовно-культурной* сфере, где оживляются события истории, означаются объекты культуры, особую роль играют: *библиотека, миф, музей, архив, религиозная община, школа, газета, местные СМИ, охрана памятников в данном месте и обществе в целом*. Они артикулируют и легитимируют образ народа, его исторический нарратив.

В *агентно-профессиональной* сфере *местные промыслы, праздники и выставки достижений местного хозяйства, реклама* также могут способствовать символической консолидации. Институт местных достижений фиксирует и представляет с помощью выставок, презентаций результаты деятельности местных мастеров своего дела.

Названные институты на уровне повседневности воспроизводят такие элементы идентичности, необходимые для консолидации, как *жизнесферные ценности*. Последние связаны не только с партикулярными знаками повседневности: они формируют символы жизненных сфер. В *территориально-пространственной* сфере в качестве *жизнесферных ценностей* выступают бережение природы, благоустройство, территориальная идентичность (символами могут стать земля, лес, гора, река, дорога, поселение). В *естественно-антропологической* сфере такими ценностями являются любовь и взаимоуважение супругов, детей, родителей, старших и младших, охрана детства, материнства, старости, здоровья людей (символы – мать, отец, дитя, семейный очаг, семейный альбом, женское и мужское начало, обручальное кольцо, семейный доктор и т. д.). В *духовно-культурной* сфере – ценности стремления к знаниям, почтения к истории места, своим (и чужим) святыням (символы – книга, свиток,

крест, полумесяц, памятники культуры и т. д.). В *агентно-профессиональной* сфере – ценности трудолюбия, предприимчивости, мастерства, кооперации, соревнования (символы – серп, молот, сноп, мастерок, памятники героям труда и т. д.).

В свою очередь, на символы жизнесферных ценностей опираются системные *символы-добродетели народа* [5]. Это – элементы механизма национальной символической консолидации, образующиеся путём приписывания национальным образам определённых позитивных ценностей (гражданственности, патриотизма, доблести, жертвенности, трудолюбия, бережливости, законопослушности, взаимопомощи, соучастия) [4]. На такой основе формируются *неофициальные национальные символы* (для россиян, например, бурый медведь, матрешка, Красная площадь и т. д.) и *официальные государственные символы, национальная идея*.

Такой когнитивный процесс, влияющий на социокультурный контекст общества, неизбежно взаимодействует с трендами зарубежного опыта; интенсивность взаимодействия зависит от степени открытости (закрытости) общества. Причем нередко это взаимодействие опосредуется внешней soft power. Данные проблемы обсуждают в своих спорах сторонники культурного контекстуализма и космополитизма (универсализма). Символическая политика государства регулирует соотношение национально-культурных и зарубежных идей и символов (всемирных или доминирующих региональных – европейских, североамериканских) [16; 7].

Символы национальной идентичности, с одной стороны, гармонизируют взаимодействие знаков и выстраивают идентификацию местных (этнических) сообществ с целостным обществом и состоятельным государством. С другой стороны, они включаются в национальную «мягкую силу», корректирующую взаимодействие национальной идентичности с наднациональными (универсальными, космополитическими) символами для ослабления влияния «чужой» soft power.

Все государства, так или иначе, решают задачу формирования патриотизма и гражданственности, купирова риски деконсолидации. Риски в отечественном символическом пространстве возникают не столько от прямого воздей-

ствия универсалистских (космополитических) символов, сколько от соединения последних с фрагментированным культурным контекстом нашего общества, обрабатываемым с помощью внешней soft power. При этом в контексте национальных символических комплексов отбираются партикулярные статусные знаки, «частичные» идентичности (территориальные, этнические, конфессиональные, производственные), которые внешняя soft power соединяет с космополитическими (универсалистскими) символами в некие конфигурации. Как отмечает Л.М. Дробижина, например, состояния этнических идентичностей модифицируются (нормальные, гипер-, негативные, амбивалентные, дрейфующие) [3, с. 133], что может использоваться внешней soft power.

Такие конфигурации символов усиливают выпадение «частичных» идентичностей из национальных символических комплексов, инициируют формирование и усиление контр-идентичностей, способных противостоять национальной идентичности. Универсалистские символы в таких конфигурациях идентичностей могут задействовать когнитивные процессы широких слоев населения. Внешняя soft power подключает зарубежную и местную прессу, общественное мнение разных государств. Конфигурации, соединяющие «частичные» идентичности с универсалистскими, могут быть суггестивны и устойчивы. Так в сознании советских людей в 1980-х гг., а также и постсоветской России начала 1990-х гг., сложились представления об универсальности западных ценностей, их полной органичности для России и других постсоветских государств, возможности их ускоренного внедрения в целях повышения качества жизни в СССР и России.

Противопоставить им российские символические комплексы не удалось. Образовалось множество конфигураций идентичностей, приобретающих характер контр-идентичностей. Нередко внешняя soft power противопоставляет символы народа и власти, общества и государства, народной и официальной идентичностей. Борьба символов национальной идентичности и контр-идентичностей может обернуться разрушением суверенитета государств, как это происходит в связи с «цветными» революциями и гуманитарными интервенциями.

Для понимания роли «космополитической идентичности» выделим в механизме soft power наряду с традиционным (номадическим) значением космополитизма также следующие значения:

– глобально-демократический космополитизм, источник которого – идеализм, воспитанный на вере в принципы международного права, демократии и прав человека, соответствующие международные институты;

– неоимперский глобальный космополитизм, отражающий стремление одних акторов «быть покровителями», а других – «искать покровителей», ориентироваться на государство, патронирующее более слабым странам.

При этом космополитизация в когнитивном плане сопровождается глобализацией, отражая все сложности последней. «Фактическое воздействие глобализации глубоко трансформирует национальные государства; их функции и власть перекраиваются и вновь встраиваются в комплекс транснациональных, региональных и локальных сетей» [8, с. 13]. В конце XX – начале XXI в. в массиве «заманчивых» благ глобализации возросло влияние виртуального сопровождения: кибер-услуг, игр, флэш-монов, рекламы и дизайна, средств копирования и наблюдения. Обществоведы обозначали растущее влияние знаков и символов на деятельность в различных предметных сферах [13], начиная от внедрения образа с помощью упаковки товара, системы образов на праздниках и презентациях до сопровождения выбора системы правления и конфигурации союзников.

Космополитическая идентичность все больше принимает характер совокупности информационно-культурных образов и стереотипов, вызывающих и поддерживающих ожидания позитивных масштабных эффектов в связи с заимствованием демократических принципов государственного и корпоративного управления, гарантий универсальных прав человека, высоких стандартов потребления. Но нередко усиление космополитической идентичности маргинализирует национальные особенности разных стран, а вместе с этим национальную идентичность.

Космополитизм и внешняя soft power создавали и создают особые трудности для национальной идентичности обществ, находящихся

в состоянии «демократического транзита». Это объясняется деструкцией комплекса знаков, символов, ценностей, идентичностей, оттеснением на второй план цивилизационной и национально-государственной идентичности. Soft power визуализирует превосходство западных цивилизаций («центра» перед периферией и полупериферией), способствует расслоению обществ незападных стран («периферии»), ориентируя их элиты на обслуживание космополитического истеблишмента. Общественность таких стран настраивалась на внедрение «общечеловеческих ценностей», масштабную вестернизацию политических институтов, быстрые и заметные результаты, не учитывая явные деструктивные последствия и неспособность общества адаптироваться, в том числе, к резким изменениям комплекса идентичностей.

Космополитизация встречает сопротивление ряда незападных государств (арабские государства, Иран, Индия, КНР, Россия, Белоруссия, Бразилия, Египет, Сирия). Казалось бы, Европейский Союз – пространство, где институционализируются наиболее успешные практики космополитизма, притягательные для граждан разных стран. Министр финансов ФРГ назвал ЕС «самой мощной «мягкой силой» в мире» [17]. Но и там укрепление общеевропейской идентичности испытывает серьезные трудности, о чем свидетельствуют неудача в принятии Конституции ЕС, выборы в Европейский парламент в мае 2014 г., которые привели к значительному увеличению числа депутатов от правых националистических партий, поддерживающих приоритет национальной идентичности перед европейской идентичностью.

Складывается противостояние и перекрещивание между «национальной» и «цивилизационной идентичностями», с одной стороны, и космополитической идентичностью, с другой. Это противостояние как раз является зоной воздействия внешней soft power, втягивающей территориальные этнические, конфессиональные, профессиональные идентичности в соответствующие конфигурации. Так космополитическая идентичность и soft power становятся важнейшими инструментами глобального управления [9].

В качестве параметров soft power ведущих мировых держав может выступать состояние

образования, традиции, культура, приучающая «думать и действовать глобально» [12]. Разные индексы применяются для оценки «мягкой силы», космополитической и национальной идентичностей. Косвенно такую оценку дают: *индекс глобализации*, *индекс внешних и внутренних угроз* (переменные: «присутствие на территории нелегальных сепаратистских или антиправительственных движений», «легальные сецессионистские движения», «избыточная миграция»), *индекс потенциала международного влияния*. Ближе к прямой оценке национальной идентичности – *индекс состоятельности государства* (переменная: отчетливость идентификации граждан с государством), *индекс государственности* (переменные: «время существования суверенной государственности», «доля доминирующего этноса в структуре населения страны»).

Рассчитывается и специальный *глобальный рейтинг фактора «мягкой силы»* (учитываются 5 факторов – политические ценности и управление, культура, дипломатия, образование, бизнес и инновации). Используется также рейтинг эффективности государств в сфере использования Интернет-сервиса для продвижения внешнеполитических взглядов и влияния на общественное мнение.

1. Барабанов О. Семиотика в исследованиях глобального управления // Международные процессы. 2013. Том 11. № 1 (32). С. 77–83.

2. Бронзино Л.Ю. Современный социальный дискурс: постмодернизм в контексте неклассических социологических теорий. М.: Изд-во РУДН, 2009, – 250 с.

3. Дробижина Л.М. Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности В 2-х томах. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2012., С. 130–134.

4. Изучение образов и символов общекультурного единения российского общества. Проект № 076. Воронеж-Москва: АНО «Международный консультационный центр, 2009, – 45 с.

5. Капустина З.Я. Гражданственность как ценность российской культуры. Автореф. дисс. ... доктора культурологии. М., 2008. – 46 с.

6. Кастариadis К. Воображаемое установление общества / Пер. с франц. М.: Гносис, Логос, 2003. С. – 480 с.

7. Латкина В. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 1 (32). С. 49–63.

8. Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? // СОЦИС. 2009. № 1. С. 5–15.

9. Мартынов В.С. Политический проект Модерна. – М.: РОССПЭН, 2010, – 359 с.

10. Митрошенков О.А. Постпостмодернизм как предчув-

ствие // Социально-гуманитарное знание. 2013. № 4. С. 52–61.

11. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – № 25. – С. 93–98.

12. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Май–август. Том 9. № 2 (26). С. 29–39.

13. Lesh S., Urry J. Economies of Signs and Space. – L.: Sage, 1994. – 294 p.

14. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Democratization. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 504 p.

15. Mattern J.B. Why «Soft Power» is Not So Soft: Representational Force and Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium – Journal of International Studies. 2005. Vol. 33, P. 586. URL: <http://mil.sagepub.com/cgi/content/abstract/33/3/583> (дата обращения – 16.06.2014).

16. Wintle M.J. Imagining Europe: Europe and European civilization as seen from its Brussels. Brussels, 2008. – 45 p.

17. Schäuble W. Europa hat der größte Soft Power der Welt // Die Welt. 29. Mai 2014.

1. Barabanov O. Semiotika v issledovaniyax global'nogo upravleniya // Mezhdunarodnye processy. 2013. Tom 11. № 1 (32). S. 77–83.

2. Bronzino L.Yu. Sovremennyy social'nyj diskurs: postmodernizm v kontekste neklassicheskix sociologicheskix teorij. M.: Izd-vo RUDN, 2009 – 250 s.

3. Drobizheva L.M. E'tnicheskaya identichnost' // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti V 2-x tomakh. T. 1. M.: ROSSPE'N, 2012, S. 130–134.

4. Izuchenie obrazcov i simvolov obshhekul'turnogo edineniya rossijskogo obshhestva. Proekt № 076. Voronezh-Moskva: ANO «Mezhdunarodnyj konsul'tacionnyj centr, 2009 – 45 s.

5. Kapustina Z.Ya. Grazhdanstvennost' kak cennost' rossijskoj kul'tury. Avtoref. diss. ... doktora kul'turologii. M., 2008. – 46 s.

6. Kastariadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva / Per s franc. M.: Gnosis, Logos, 2003. S. – 480 s.

7. Latkina V. Fenomen evropeizacii v zapadnoevropejskix issledovaniyax // Mezhdunarodnye processy. 2013. T. 11. № 1 (32). S. 49–63.

8. Martinelli A. Ot mirovoj sistemy k mirovomu soobshhestvu? // SOCIS. 2009. № 1. S. 5–15.

9. Mart'yanov V.S. Politicheskij proekt Moderna. – M.: ROSSPE'N, 2010. – 359 s.

10. Mitroshekov O.A. Postpostmodernizm kak predchuvstvie // Social'no-gumanitarnoe znanie. 2013. № 4. S. 52–61.

11. Chixarev I.A. «Umnaya moshh'» v arsenale mirovoj politiki // Mezhdunarodnye processy. – 2011. – Т. 9. – № 25. – С. 93–98.

12. Shakleina T.A. Velikie derzhavy i regional'nye podsistemy // Mezhdunarodnye processy. 2011. Maj–avgust. Tom 9. № 2 (26). С. 29–39.

13. Lesh S., Urry J. Economies of Signs and Space. – L.: Sage, 1994. – 294 p.

14. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Democratization. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 504 p.

15. Mattern J.B. Why «Soft Power» is Not So Soft: Representational Force and Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium – Journal of International Studies. 2005. Vol. 33, P. 586. URL: <http://mil.sagepub.com/cgi/content/abstract/33/3/583> (дата обращения – 16.06.2014).

16. Wintle M.J. Imagining Europe: Europe and European civilization as seen from its Brussels. Brussels, 2008. – 45 p.

17. Schäuble W. Europa hat der größte Soft Power der Welt // Die Welt. 29. Mai 2014.

SYMBOLS OF NATIONAL IDENTITY AS A RESOURCE OF «SOFT POWER»

Kapitsyn Vladimir Mikhailovich,

Moscow State University named M. V. Lomonosov, the Department of political science the Chair of comparative politics, Doctor of political sciences, professor
Moscow, Russia,
E-mail: kapizin@yandex.ru

Annotation

The author considers national identity as a model of collective consciousness, integrating the signs and symbols in the semantic space of the society. Author operationalizes the concept of «symbols», «national identity» and «soft power».

Key words:

soft power, signs, symbols, national identity, life sphere.

НОВЫЙ ИМИДЖ РОССИИ КАК СИМВОЛ ВОЗРОЖДЕНИЯ СТРАНЫ

Тимофеева Лидия Николаевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор,
г. Москва, Россия,
E-mail: timofeeva@ur.rags.ru

Аннотация

В статье раскрываются структурные компоненты имиджа страны. Автор анализирует некоторые особенности формирования современного образа России.

Ключевые слова:

имидж России, капитал известности, национальная идея, национальный девиз, информационная политика.

Своим имиджем Россия обязана, прежде всего, тому реальному вкладу, который она внесла в мировую историю. Судьба России полна труднейших для ее народа испытаний, связанных не только с внутренними перипетиями, но и с крупнейшими мировыми катаклизмами, в которых она сумела выстоять и победить.

Несмотря на распад Советского Союза, современная Россия сумела за последние годы наверстать многое из упущенного. Сегодня – это самая крупная по территории страна мира, пятая по объему экономика, восьмая по народонаселению. Россия – ядерная держава. Страна играет ключевую роль на мировом рынке энергетических ресурсов. Она выступает одним из гарантов общей энергетической безопасности и стабильности мира в долгосрочной перспективе. Суммарно на Россию приходится 10,5% производства первичной энергии.

Имидж страны представляет собой совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех характерных признаков страны, а также мифов и личного, чувственного опыта знакомства со страной. В условиях конкурентной борьбы за реализацию национальных, культурных, социально-экономических интересов страны он становится мощным инструментом soft power. Не случайно правительства многих государств немало тратят на приобретение позитивного имиджа. К примеру, в 2003 году в США денежные средства,

направляемые на маркетинговые коммуникации, создающие положительный имидж страны и ее институтов, корпораций, их товаров и услуг, превысили в полтора раза расходы на оборону [6, с. 215–216].

Имидж России имеет сложносоставную архитектуру. В него по принципу матрешки вложены друг в друга имиджи страны, государства, народа, его лидеров, культуры, географии, чиновников, бизнеса и т. д., находящие воплощение в преданиях и легендах, в песенном и поэтическом творчестве, в монументальной пропаганде. Он содержит в себе как реальные характеристики, отражающие объективное положение вещей, так и мифологические, включающие механизмы исторического сознания и менталитета народа, а также привнесенные специальными информационно-коммуникативными технологиями управления. Можно сказать, что имидж есть реальность иллюзорного пространства.

Большое значение для имиджа имеют ситуативные факторы, которые будоражат общественное сознание и к которым приковано внимание всей мировой общественности: войны, революции, полеты в космос и к другим планетам, выборы президента, политические перевороты и т. д. Нельзя исключать и влияние на имидж специальных информационных кампаний негативной направленности, как извне, так и изнутри.

Имидж государства и имидж страны иногда считают синонимичными, но это не совсем так.

В имидже государства выделяются преимущественно политические аспекты, характеризующие содержание и деятельность его политических институтов, органов законодательной и исполнительной власти, особенности протекающих в нем политических процессов, образы его политических лидеров, внешнеполитическую активность и т. д. *Основой же содержания имиджа страны являются ее цивилизационные характеристики, особенности национальной культуры, традиций, вероисповедания, стереотипизированные представления о характере народов, ее населяющих, наиболее значимые тренды национального сознания* [3, с. 20].

Имидж государства нередко пересекается с имиджем первого лица, взаимодополняя друг друга. При этом привлекательная персона может усиливать, а непривлекательная – ослаблять имидж государства. Тонким имиджевым мышлением обладал советник государя Николо Макиавелли. Его можно отнести к одним из первых государственных имиджологов, чьи советы вовсе не устарели и сегодня [4, с. 53].

В целом, имидж страны складывается из нескольких компонентов: внешний (визуальный); информационный; персональный (через имидж первого лица); общественно-политический; социальный; экономический; инвестиционный; культурный имиджи.

Имидж включает в себя реальные характеристики, отражающие объективное положение вещей, мифологические, включающие механизмы исторического сознания и менталитет народа, и привнесенные специальными информационно-коммуникативными технологиями управления.

Противоречив и современный образ России за рубежом. На информационном поле сталкиваются несколько имиджей: «страны на перепутье», «восстанавливающейся империи зла», «агрессивного криминального государства», и «нормального государства» западного типа. Внешняя политика России и внешнеэкономическая деятельность отечественных компаний систематически сталкиваются с проблемами «имиджевого» характера, которые превращаются в самостоятельный аспект взаимодействия страны с мировым сообществом.

Россияне подобные оценки воспринимают весьма болезненно. Так, в 2001 году среди самых больших потерь для общества за годы российских

реформ треть опрошенных назвали снижение авторитета России в мире [6, с. 15]. В 2004, 2006, 2007 годах более 30% респондентов неизменно подтверждали свое желание видеть страну в качестве мировой (значимой) державы [7]. В 2008 году уже более половины (51%) россиян заявили, что от Президента РФ ожидают, в первую очередь, усилий по закреплению за Россией статуса великой державы.

У России есть хорошая основа для запуска нового образа страны – это капитал известности. Известность России может гораздо эффективнее использоваться на благо страны, преодолевая предубеждения и односторонность ее восприятия. Тем более что образ России за рубежом неоднороден и меняется в зависимости от одной группы стран к другой. Он вполне положительный в Белоруссии, Армении, Киргизии, нейтрален в Китае и Малайзии, но негативен на Западе, в том числе в США, Японии, в ряде стран Европы. И с этой ситуацией необходимо справляться, меняя отношение к стране. Позитивный образ России в глобализирующемся мире – это не только ее «торговая марка», условие ведения успешных переговоров и вливания новых инвестиций – это, прежде всего, гарант ее безопасности.

Если Россия хочет занять свое место среди стран первого эшелона, ей *необходим значимый социально-политический и экономический проект*, который может захватить и увлечь все население, привлечь внимание международной общественности. Кроме того, *этот проект должен иметь сформулированную миссию и девиз*. Сегодня они только формулируются в России. Если провести небольшой экскурс в российскую историю, то в первой половине XIX века были сформулированы основные ценности, маркирующие российскую идентичность и девиз «С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество!» и «Православие, самодержавие, народность». По мысли графа Уварова, автора этого девиза, в нем заключены исторические ценности имперской России: ее религиозная идеология, ее политический путь и основа ее существования. Затем с победой большевиков и установлением социалистического строя девиз, как и вектор развития, был изменен на «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Однако после падения советского режима в 1990-е годы на долгие годы страна, словно, забыла о четкой ориентации в пути. Все,

что происходило в России, политологи называли трансформацией, т. е. движением без четкого вектора развития.

Российская идея была сформулирована В. В. Путиным перед началом избирательной кампании 2000 года в статье «Россия на рубеже тысячелетий» в декабре 1999 года: «**Патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность**» [9]. На исходе своего второго президентского срока в феврале 2008 В. В. Путин выступил с речью на заседании Госсовета в Кремле, в которой отметил основные приоритеты в развитии России, призвав сформировать «*общество равных возможностей*» без бедности и гарантирующее равную безопасность каждого человека. Будучи преемником Путина на это обратил внимание Д. А. Медведев в предвыборной президентской кампании в 2008 году, когда, по сути, определил цель и миссию развития страны: «У каждой нации должен быть набор понятных принципов и целей, которые объединяют людей, живущих в данной стране. И строятся эти принципы на вполне реальных задачах востребованных обществом.

Это, прежде всего, свобода и справедливость. Второе – это гражданское достоинство человека. Третье – его благополучие и социальная ответственность» [5]. Президент В. В. Путин в последнее время много внимания уделяет развитию традиционных ценностей россиян, воссозданию морального кодекса народа. К сожалению, эти ценности пока не стали основой нового девиза страны, в отличие от других стран, которые также переживали немало катаклизмов, но не потеряли вектора своего развития, сумели создать формулу своей национальной идеи (см. таблицу).

Страна	Национальный девиз, формула национальной идеи
Австрия	Австрия погибнет последней
Ангола	Единство обеспечит силу
Аргентина	В союзе и свободе
Армения	Помним прошлое, сильны в будущем
Белоруссия	Жыве Беларусь!
Восточный Тимор	Честь, Родина и Народ
Вьетнам	Независимость, Свобода, Счастье
Габон	Единство, Труд, Правосудие
Гайана	Один народ, одна нация, одна судьба

Страна	Национальный девиз, формула национальной идеи
Гвинея	Работа, Справедливость, Солидарность
Гвинея-Бисау	Единство, Борьба, Прогресс
Испания	Превыше всего – Испания, превыше Испании – Бог
Камерун	Мир, Работа, Отчизна
Коморские острова	Единство, Справедливость, Развитие
Ливия	Свобода, социализм, единство
Мавритания	Честь, Братство, Справедливость
Мадагаскар	Отечество, Свобода, Прогресс
Мали	Один народ, одна цель, одна вера
Польша	Бог, Честь, Отчизна
Российская империя	Православие, Самодержавие, Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество
СССР	Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Россия сегодня	Отсутствует
Сент-Люсия	Отчизна, Народ, Процветание
США	В Бога веруем (IN GOD WE TRUST)
Сьерра-Леоне	Единство, Свобода, Справедливость
Туркс и Кайкос	Один народ, одна нация, одна судьба
Франция	Свобода, Равенство, Братство
ЦАР	Единство, Достоинство, Труд
Чехия	Истина восторжествует
Швейцария	Один за всех – все за одного
Южная Корея	Все для блага народа
Ямайка	Все как один
Япония	Страна восходящего солнца

Благодаря этому многие из разоренных войнами стран (а именно Япония, Корея и отчасти Китай) превратились в процветающие державы, конкурирующие за места в первой десятке экономически развитых стран мира.

Еще одна проблема связана с привычкой русских к самобичеванию и стремлению заимствовать что-то из чужого опыта. Ничего страшного в этом нет, в конце концов, лучше учиться на чужих ошибках. Но при этом важно еще научиться сохранять «лица не общее выражение». Известному русскому публицисту, философу, критику, члену-корреспонденту Петербургской академии наук Николаю Страхову принадлежат слова: «Греки говорили: познай самого себя, а нам, кажется, всего больше нужно твердить: **будь самим собою!**.. Если мы только будем сами собой, если только научимся искусству стоять на своих ногах, то что бы мы ни писали, стихи или критику, ученую диссер-

тацию или шуточный фельетон, – на всем будет лежать яркая печать самобытного русского ума и чувства» [8]. Безусловно, Страхов не имел в виду отсутствия у россиян самобытности, этого у народа не отнять, как и у любого другого. Скорее это замечание относилось к русским интеллектуалам, нередко заимствовавшим политические идеалы за пределами своей страны и без оглядки на особенности национального кода. Россияне и сегодня склонны недооценивать свои достижения, хотя именно вершинные достижения русской культуры не только питают дух русского народа, но и позволяют формироваться национальной идентичности других народов. В Канаде, например, в школе подготовки государственных служащих, приступая к учебе канадских чиновников, их вначале просят прочитать повесть Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича», а потом ведут разговор о ценностях жизни и служения стране, обществу. В ней речь идет о последних месяцах жизни члена Судебной палаты Ивана Ильича Головина, о его физических и нравственных страданиях, что прожил он свою жизнь не так. В свое время выдающийся русский композитор П.И. Чайковский записал 12 июля 1886 года в своем дневнике: «Прочел «Смерть Ивана Ильича». Более чем когда-либо я убежден, что величайший из всех когда-либо и где-либо бывших писателей-художников, – есть Л.Н. Толстой. Его одного достаточно, чтобы русский человек не склонял стыдливо голову, когда перед ним высчитывают все великое, что дала человечеству Европа...» [1, с. 211].

Внешний образ России сегодня – по известным обстоятельствам – обрушения прежней страны еще недавно нес на себе отпечаток нигилизма и даже антироссийского пессимизма. По данным исследования, проведенного американским неправительственным центром «Pew Reserch», большинство россиян (57%) уверены, что за рубежом Россию не любят. Это одна из самых мрачных оценок своей популярности в мире из всех стран, где задавался этот вопрос. В действительности образ России за рубежом не выглядит столь однозначно. Аналитики даже фиксируют относительное улучшение имиджа России в последние годы. В мире в целом лучше относятся к России, чем к США, Китаю, Ирану и Израилю – констатируют создатели американской аналитической модели «Глобальный барометр влияния».

Между тем, в информационной политике страны, в политике ее имиджирования в последнее время кое-что стало меняться. И для этого есть основания: Россия блестяще провела зимние XXII Олимпийские и паралимпийские игры в Сочи. После Олимпиады России удалось вернуть без единого выстрела исторически родную ей территорию – город русской военной славы – Севастополь и полуостров Крым, который в свое время бывший генсек ЦК КПСС Никита Хрущев подарил Украине. Сделано это было демократическим путем – путем волеизъявления самих народов, населяющих Крым. За этим последовали санкции со стороны международных организаций. Но у русских появился оптимизм и даже легкая самоирония от сознания собственной силы, чего уже давно не бывало. Это можно проследить на карикатурах в интернете [10]. Вот что написал там китайский военный эксперт ДУ ВЭНЬЛУН: «Столкнувшись с санкциями Запада, в России нарисовали одну картинку. На ней изображен бурый медведь, который привалился к столику. В левой лапе – АК-47, в правой – бутылка водки. А за его спиной стоит ракетная установка «Тополь-М». Тем самым он как бы демонстрирует, что ему все нипочем: и военное устрашение со стороны Запада, и так называемые экономические санкции. Причем вид у медведя довольно непринужденный.

По этой картинке можно судить о настроениях в России. Несмотря на то, что западные страны могут устроить России всевозможные технологические блокады, которые продлятся не день и не два, Россия обладает мощным военно-промышленным комплексом бывшего СССР. И в условиях блокады со стороны Запада он постепенно становится только сильнее и сильнее» [11].

Россияне постепенно начинают выходить из уныния, оглядываться по сторонам и говорить себе: «а не так все и плохо». В России по-прежнему производятся товары, пользующиеся уважением и конкурирующие на мировом уровне. К примеру, системы очистки воды с разработанным российскими учеными материалом акваленом регулярно закупает Германия, где они применяются даже на флоте. Аквален эффективно поглощает примеси, уничтожает бактерии и удерживает тяжелые металлы. В доставке грузов на космическую орбиту нет равных российским космическим грузовикам «Прогресс-М». Последняя модификация

«Прогресс-М16» доставила 2,5 тонны груза за 6 часов. Таких аналогов в мире нет. Отличилась Россия и в промышленном дизайне. В Музее Современного искусства в Милане прошла выставка дверей российской компании «Софья». Следует отметить, что этот музей является ориентиром для всей Европы в сфере архитектуры, дизайна и моды. И хотя словосочетание «российский компьютер» вряд ли кто-то слышал, первое место в мировом рейтинге антивирусных программ занимает «Касперский Антивирус», разработанный в России и т. д.

Общий вывод напрашивается сам собой. Страна начинает соответствовать ожиданиям граждан, что обеспечивает выполнение задач консолидации нации, направляет общественную энергию на обеспечение устойчивого ее развития. Однако Россия должна лучше информировать внешний мир и внутреннюю общественность обо всех положительных явлениях в стране: о переменах в политической сфере, эффективном экономическом развитии и повышении благосостояния населения, о динамичном развитии предпринимательства, развитии культуры, духовности, образования, социально ответственного бизнеса и т. д.

1. Дневники П.И. Чайковского, 1873–1891. – М., 1923.
2. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М., 2004.
3. Ильин И.В., Леонова О.Г. Роль и значение имиджа страны в условиях глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 11.

4. Макиавелли Н. Государь. – М., 1990.
5. Медведев Д.А. Главное для нашей страны – это продолжение спокойного и стабильного развития. Выступление на II Общероссийском гражданском форуме // Российская газета. 2008. 15 февр.
6. Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г. Бренды и имиджи. – М. 2006.
7. Россия – великая держава? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 616. 2007. 24 января.
8. Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Вестник Европы. – Спб., 1888 г.
9. <http://www.km.ru/spetsproekty/2012/03/28/publitsistika/novaya-ideologiya-putina-gosudarstvennaya-ideologiya-rossii>.
10. См.: <http://prykol.net/t/medved>.
11. См.: http://fabulae.ru/Notes_b.php?id=10695.

1. Dnevniky P.I. Chajkovskogo, 1873–1891. – М., 1923.
2. Izmenyayushhayasya Rossiya v zerkale sociologii / Pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tixonovoj. – М., 2004.
3. Il'in I. V., Leonova O. G. Rol' i znachenie imidzha strany v usloviyax globalizacii // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2008. № 11.
4. Makiavelli N. Gosudar'. – М., 1990.
5. Medvedev D.A. Glavnoe dlya nashej strany – e' to prodolzhenie spokojnogo i stabil'nogo razvitiya. Vystuplenie na II Obshherossijskom grazhdanskom forume // Rossijskaya gazeta. 2008. 15 fevr.
6. Rozhkov I. Ya., Kisereshkin V. G. Brendy i imidzhi. – М. 2006.
7. Rossiya – velikaya derzhava? // Press-vypusk VCIOM № 616. 2007. 24 yanvarya.
8. Straxov N.N. Nasha kul'tura i vsemirnoe edinstvo // Vestnik Evropy. – Spb., 1888 g.
9. <http://www.km.ru/spetsproekty/2012/03/28/publitsistika/novaya-ideologiya-putina-gosudarstvennaya-ideologiya-rossii>.
10. См.: <http://prykol.net/t/medved>.
11. См.: http://fabulae.ru/Notes_b.php?id=10695.

THE NEW IMAGE OF RUSSIA AS A SYMBOL OF RENAISSANCE OF THE COUNTRY

Timofeeva Lidiya Nikolaevna,

Russian Academy of National Economy and Public Administration,
doctor of political sciences, full professor
Moscow, Russia,
E-mail: timofeeva@ur.rags.ru

Annotation

The article reveals structural components of image of a country. The author analyzes some peculiarities of forming the contemporary Russian's image.

Key words:

image of Russia, capital of fame, national idea, national motto, informational politics.

ПУБЛИЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ УКРАИНЫ XXI ВЕКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Циватый Вячеслав Григорьевич,

Дипломатическая академия Украины при МИД Украины,
Первый проректор по научно-педагогической и учебной работе,
кандидат исторических наук, доцент,
Заслуженный работник образования Украины,
г. Киев, Украина,
E-mail: tsivatyy@i.com.ua

Аннотация

В статье анализируются исторические традиции, современная роль и значение публичной дипломатии в глобализованном мире. Особое внимание обращено на национальные и региональные особенности публичной дипломатии Украины в контексте новой стратегии её развития.

Ключевые слова:

внешняя политика, публичная дипломатия, культурная дипломатия, институционализация, Украина.

В начале XXI века усилилась роль и значение публичной дипломатии в глобализирующемся мире. В дипломатических ведомствах всё больше говорят и пишут о необходимости активизации общественной, или публичной дипломатии. Приоритетным заданием должно стать эффективное использование ресурсов публичной дипломатии с целью повышения результативности внешнеполитической деятельности государства. Эти задачи сегодня стоят и перед публичной дипломатией Украины.

В условиях изменившейся за последние десятилетия геополитической картины мира под влиянием разноплановых глобальных процессов тематика публичной дипломатии как важнейшего дополнительного инструмента достижения внешнеполитических целей государства обретает особую актуальность. Предметом данного исследования является развитие и применение механизмов публичной дипломатии и её «мягкой силы» в эпоху постбиполярности, рост влияния новых информационно-коммуникационных технологий на развитие данной сферы, особен-

ности зарубежного опыта информационного воздействия. Предпринят краткий исторический экскурс для анализа практической деятельности основных институтов информационного обеспечения и публичной дипломатии.

В современном мире многократно возросло количество акторов, участвующих в международном общении. В этих условиях публичная дипломатия становится важным внешнеполитическим ресурсом, одной из наиболее динамичных сфер мировой политики.

Главная наша цель – раскрыть историческое и современное понимание задач и форм публичной дипломатии в контексте новых вызовов и угроз современного глобализирующегося мира, а также показать процессы институционального развития и формирования трендов, институтов публичной дипломатии XXI столетия как инструмента «мягкой силы» внешней политики государств нового мира. Инструментарий публичной дипломатии имеет свои исторические традиции, существовал и развивался на протяжении многих веков, но только лишь в XX – начале XXI века

институционализировалось формирование осознанной государственной политики, которая нашла своё закрепление, в первую очередь, на законодательном уровне.

Публичная дипломатия – это инструмент долгосрочного действия, создающий благоприятный климат для внешней политики и дипломатии в целом. Публичная дипломатия не заменяет собой традиционную дипломатию, а помогает подготовить почву для проведения официальных мероприятий на внешнеполитической арене. Это направление дипломатии известен американский исследователь, профессор Гарвардского университета Дж. Най относит к «мягкой силе» – к способности убеждать, опираясь на имеющуюся репутацию, а также на идеологическую, культурную и институциональную привлекательность [13, р. 196–199].

Публичная дипломатия является новой формой международных отношений и внешней политики, действенным способом формирования позитивного имиджа государства за границей. Термины «публичная» и «общественная» дипломатия, как правило, применяют в качестве взаимозаменяемых понятий. А объясняется это довольно просто – это два разных перевода английского «public diplomacy». Однако приоритет нужно отдать всё-таки термину «публичная дипломатия» как системе взаимодействия с зарубежными обществами в политических целях. Термин «общественная дипломатия» должен пониматься либо как его синоним, либо как одно из поднаправлений.

Классическим определением и концепцией «публичной дипломатии», характеристикой данного тренда, принято считать представленную деканом Школы права и дипломатии им А. Б. Флэтчера Университета Тафтса Э. Гуллионом (Джуилионом) при формировании Центра публичной дипломатии им. Э. Р. Мэрроу в 1965 году. Суть её была изложена в основополагающих документах создаваемой институции и состояла в следующем: «Публичная дипломатия... имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики. Она включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культивиро-

вание правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой, освещение международных отношений и их влияние на политику государства, взаимодействие между теми, чья работа заключается в коммуникации (дипломаты и зарубежные корреспонденты), и процесс межкультурных коммуникаций... Центральным моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей» [17].

Сам Э. Гуллион (Джуилион) отмечал, что «... под публичной дипломатией мы понимаем средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [11].

Термин «публичная дипломатия», предложенный в 1965 году американским дипломатом Эдмундом Джуилионом/Гуллионом (Edmund Guillion), определяет отношения между государствами, при которых не используются традиционные межправительственные связи, целью публичной дипломатии есть информирование международной общественности, поддержка контактов с другими государствами в сфере образования, культуры и спорта, нацеленных на создание привлекательного образа своего государства.

Впервые в истории конгресса США термин «публичная дипломатия» был употреблён в 1977 году в докладе Комиссии Мэрфи по организации внешнеполитического аппарата, а прежде это понятие определялось в законодательном органе Соединённых Штатов Америки как «культурная дипломатия», «новая дипломатия» или «четвёртое измерение внешней политики». Как отмечал на слушаниях в американском Конгрессе в 1986 году председатель комитета по иностранным делам Д. Фоссэл, – «публичная дипломатия» присутствовала в международных отношениях во все времена, «мы только дали этому явлению новое имя из-за недостатка лучшего описания» [6, с. 118–119].

Поводом для продолжения дискуссии послужило растущее внимание к сформулированной Дж. Наем концепции «мягкой силы» («soft

power») как способности добиваться от других желаемого с помощью привлекательности, а не насилия или подкупа [2, с. 36]. Дж. Най выделяет три измерения публичной дипломатии, от которых зависит вклад непосредственной правительственной информации в долговременные культурные взаимоотношения [3, с. 1].

В дальнейшем Дж. Най к этой концепции добавил также идею «умной силы» («smart power»), определив её как способность объединения ресурсов жёсткой и мягкой силы в эффективные властные стратегии [14, р. 23].

В контексте увеличения потенциала «soft power» как фактора мирополитического влияния государства у публичной дипломатии должны быть три задачи:

- 1) информирование зарубежной общественности о позиции государства и общества;
- 2) получение обратной связи от зарубежной общественности;
- 3) участие в выработке внешнеполитической позиции государства с учётом мнения зарубежной общественности.

Публичная дипломатия имеет своих субъектов отношений: 1) правительства и органы (институты) государственной власти; 2) частные группы интересов и отдельные лица; 3) те, кто освещает международные отношения, т. е. СМИ и работающие в них журналисты; 4) участники межкультурных коммуникаций (как организации (институты), так и отдельные граждане).

Публичная дипломатия осуществляется по нескольким направлениям: правительство (одной страны) – общество (другой страны), общество (одной страны) – общество (другой страны) и общество (одной страны) – правительство (другой страны).

По мнению ряда исследователей в качестве первостепенных объектов публичной дипломатии выступают культура, ценности, внешняя и внутренняя политика страны. Только при условии наличия достаточного уровня их привлекательности (приемлемости) для зарубежной аудитории методы публичной дипломатии позволяют сформировать благоприятные условия для их продвижения на внешний периметр. В противном случае, попытка лучше раскрыться миру

может привести к прямо противоположному результату [4, с. 82].

Многие учёные, теоретики и практики современной политологии и дипломатии пытались сформировать основные принципы публичной дипломатии. По общему мнению, одна из наиболее удачных работ принадлежит Кристоферу Россу (Christopher W. S. Ross). Опираясь на исторический опыт и собственные достижения, он сформулировал семь принципов публичной дипломатии, на основе которых можно построить целостную стратегию публичной дипломатии для продвижения национального бренда любой страны:

- 1) обеспечивать понимание иностранной аудиторией политики в том виде, какая она есть, а не как о ней говорят или думают другие;
- 2) разъяснять политику, показывая её рациональность и обосновывая её фундаментальными ценностями;
- 3) делать обращения к международной общественности последовательными, правдивыми и убедительными;
- 4) адаптировать обращения к конкретным целевым аудиториям, для чего составляющие её целевые сегменты подвергаются постоянному изучению;
- 5) работать не только с узкими целевыми сегментами, но и через печатные и электронные СМИ с широкими массами;
- 6) взаимодействовать с различными партнёрами для охвата новых представителей целевой аудитории: частным сектором, корпорациями, некоммерческими организациями, общинами;
- 7) активно участвовать в международном общении и программах обмена.

Данные принципы взяты на вооружение многими странами современного мира, в т. ч. и Украиной. Инновацией развития современных информационно-коммуникационных технологий представляется постоянно растущая скорость связи и технологическая возможность увеличения спектра участников. Эффективная коммуникация с сообществами других государств требует также принятия новой парадигмы публичной дипломатии [15; 16].

В новом глобализованном обществе одной из приоритетных целей публичной дипломатии является изменение установок, как общества, так и правительства другой страны с целью влияния на внешнеполитические решения в благоприятную сторону [1, с. 123–139].

В конце XX – начале XXI веков правительства многих стран ввели государственные должности или целые институты (ведомства), ответственные за публичную дипломатию. В США с 1999 года за эту сферу отвечает заместитель государственного секретаря по публичной дипломатии и работе с общественностью. В МИД Индии в 2006 году был создан Отдел публичной дипломатии, главное задание которого состоит в «стимулировании большего понимания Индии и проблем её внешней политики»; отдел организует и поддерживает широкий спектр программ, как внутри страны, так и за рубежом [12]. Специальный Департамент публичной и культурной дипломатии был создан в 2009 году во внешнеполитическом ведомстве Республики Польша [10, с. 50–55]. В Украине создана система культурно-информационных центров (КИЦ) [9, с. 243–245]. В Российской Федерации эффективно реализует на практике поддержку публичной дипломатии Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, учредителем которого от имени Российской Федерации является МИД России [7].

В посольствах многих стран созданы должности координаторов программ публичной дипломатии, часто на уровне заместителя главы миссии. Кроме того, в ряде государств были образованы специальные государственные институты – органы и организации, деятельность которых направлена на распространение культуры, языка и знаний о стране среди иностранцев (Британский совет, Институт Гёте, Альянс Франсез, Институт Сервантеса, Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом, Японский фонд, Корейский фонд, Культурно-информационные центры Украины (КИЦ) и т. д.).

С 2004 года появляется концепция «новой публичной дипломатии». Под «новой публичной дипломатией» подразумевается не просто по-

зиционирование страны за рубежом, а двусторонний процесс коммуникации, учитывающий аргументы страны-партнёра и основанный на гуманитарном и информационном обмене и сотрудничестве. Она была призвана переосмыслить всё, что изменилось в мире в период с конца XX века по 2004 год. А изменилось многое: 1) изменение глобального коммуникационного контекста. 2) изменение мирополитического контекста. 3) вовлечение негосударственных акторов и ориентация на soft power. 4) брендинг государства.

Основной целевой аудиторией, на которую ориентируется публичная дипломатия, является зарубежная общественность. Иными словами, публичная дипломатия, в основном, рассчитана на массового потребителя, работа с которым позволяет оказывать косвенное влияние на внешнюю политику другого государства путём опосредованного воздействия на общественные взгляды.

Второй важной группой адресатов публичной дипломатии являются журналисты и представители средств массовой информации в силу того, что они могут воздействовать на мнения различных социальных групп путём формирования информационного поля, содержащего релевантный контент с положительной для государства-актора коннотацией.

Весьма значимым адресатом публичной дипломатии является «заинтересованная общественность» – представители научной, творческой и политической элиты – группы, обладающие признанным авторитетом в обществе. Имеющие возможность доносить свою точку зрения до целевой аудитории.

Процессы глобализации и интенсивное возрастание роли информационного фактора в мировой политике свидетельствуют о невозможности игнорирования потенциала «мягкой силы» ни одним государством, претендующим на мировое или региональное лидерство. Понятие «мягкая сила» означает способность проецировать за пределы национальных границ достижения в экономике, политике, науке, технологическом развитии, культурно-гуманитарной сфере, повышая тем самым привлекательность своей страны. Сбалансированное и взаимодополняющее ис-

пользование двух типов внешнеполитического влияния – «жёсткой силы» и «мягкой силы» – в условиях глобализованного мира позволяет достичь позитивного эффекта.

Ключевым элементом «мягкой силы» является последовательное формирование позитивного имиджа страны. Имидж и репутация страны должны рассматриваться в качестве инструментов решения конкурентных задач государства на международной арене.

Основными факторами успешного воздействия «мягкой силы» являются:

1) системность в продвижении положительного имиджа государства в общественное сознание, как своей страны, так и зарубежных стран;

2) оперативность в проведении информационно-пропагандистских акций (пресс-конференции, брифинги, пресс-релизы, публикация информационных статей);

3) достоверность правительственных PR-кампаний, имеющих под собой реальную материальную и документальную базу, всесторонность освещения событий;

4) координация действий всех государственных PR-ведомств и чёткая регламентация освещения наиболее важных для национальных интересов страны и её имиджа проблем;

5) проведение постоянного мониторинга мировых информационных потоков, отражающих имидж государства, нейтрализация деятельности информационных субъектов, подрывающих позитивный образ государства;

6) наращивание присутствия СМИ в информационной среде зарубежных стран;

7) изучение иностранного опыта использования «мягкой силы» для продвижения национальных интересов;

8) установление информационного взаимодействия с зарубежными структурами в целях информационной интеграции государства в основные мировые процессы и повышение её влияния в глобальном информационном пространстве [5, с. 6–10].

Сегодня одной из основных имиджевых задач государства является создание управляемого

образа как основного элемента «мягкой силы». Наиболее эффективным инструментом «мягкой силы» представляется развитие науки и техники, спорта и культуры. Важно расширять культурное присутствие государства за рубежом, укреплять позиции своего языка в мире, развивать сеть культурно-информационных центров за рубежом.

Таким образом, «мягкая сила» публичной дипломатии в глобализованном мире представляет собой комплекс инструментов, институтов, форм и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счёт информационного и других рычагов воздействия. Она формируется за счёт притягательности культуры, политических идеалов и политического курса страны. Политика и дипломатия с большей вероятностью будут привлекательными, если они основываются на ценностях, разделяемых другими. Ключевым элементом «мягкой силы» является комплексное формирование позитивного имиджа государства. Активное участие государства в решении глобальных проблем современности значительно усиливает его «мягкое» могущество в глобализирующемся мире.

Эти принципы сейчас взяты за основу дипломатией Украины. Для создания дееспособных механизмов института публичной дипломатии и решения указанных выше задач украинской дипломатии необходимо, прежде всего, ориентироваться на:

1) использование стратегии «открытости» в публичной дипломатии с целью более активной реализации стратегических национальных интересов государства;

2) выявление, анализ деятельности и привлечение наиболее эффективных из имеющихся структур к разработке программ культурной, патриотической, информационной политики и обеспечение эффективных механизмов контроля их выполнения;

3) создание благоприятных условий для развития информационного бизнеса, выработку единой информационной стратегии, инициацию открытого диалога и кооперации с государством.

Перед политической элитой и экспертным сообществом государств мира сегодня стоит задача прийти к единому пониманию содержания, целей и возможностей «мягкой силы» публичной дипломатии. На следующем этапе нужно будет выработать на основе этого общего понимания комплексную стратегию. Адаптировать существующие и создать новые институты публичной дипломатии, а также системы оценки эффективности нового тренда XXI столетия. Современные глобальные тенденции свидетельствуют о повышении актуальности гуманитарного измерения внешней политики, публичная дипломатия и её «мягкая сила» становится всё более весомым фактором международной жизни большинства государств современного мира.

В новых условиях новая публичная и культурная дипломатия должны формироваться и в Украине [8, с. 45–52]. Её традиции и новации должны стать одним из главных составляющих дипломатического инструментария дипломатической службы Украины. При этом нужно констатировать – на сегодня в Украине присутствует проблема в высококвалифицированных кадрах в сфере публичной и культурной дипломатии. И в этом направлении – целенаправленной подготовки специалистов публичной и культурной дипломатии – могла бы поработать Дипломатическая академия Украины при МИД Украины. Как один из подходов – это открытие специализации «Публичная и культурная дипломатия» в рамках магистерской программы подготовки специалистов в сфере внешних сношений. А так же важную роль в обучении должны сыграть краткосрочные курсы повышения квалификации для дипломатических сотрудников.

Публичная и культурная дипломатия сегодня – это уже не случайность, а закономерные реалии, на которые необходимо быстро и эффективно перестраиваться, чтобы идти в ногу с новой европейской дипломатией XXI века и новой европейской дипломатической службой XXI века.

Пришло время построения новой модели украинской дипломатической службы и новой

модели подготовки и повышения квалификации дипломатов Украины: эффективной и востребованной, креативной и уважаемой в мире.

1. Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики / И.В. Ильин, О.Г. Леонова, А.С. Розанов: Монография. – М., 2013. – 296 с.
2. Най Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10.
3. Най Джозеф С. Нова публічна дипломатія / Джозеф С. Най // День. – 2010. – № 28. – 18 лютого. – С. 1.
4. Рогозин Д.О. Россия перед вызовом «публичной дипломатии» Запада / Д.О. Рогозин // Международная жизнь. – 2010. – № 08. – С. 82.
5. Сафранчук И., Синегубов А. «Мягкая сила» во внешней политике России / Иван Сафранчук, Алексей Синегубов // Дипломатическая служба. – 2014. – № 01. – С. 06–10.
6. Сеидов В.Г. От традиционной дипломатии к публичной дипломатии / В.Г. Сеидов // Информация. Дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашлев. – М.: Известия, 2002. – С. 118–119.
7. Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова: <http://gorchakovfund.ru>.
8. Циватый В.Г. Внешняя культурная политика Украины XXI века: достижения, проблемы, институциональное развитие / Вячеслав Циватый // Восточная Европа. Перспективы. – М., 2013. – № 03–04. – Июль-декабрь. – С. 45–52.
9. Циватый В.Г. Внешняя культурная политика Украины: модель и институциональное развитие в XXI веке / В.Г. Циватый // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX – начало XXI в.) / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Косов (отв.ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2013. – С. 243–245.
10. Циватый В.Г. Публічна та культурна дипломатія Республіки Польща XXI століття: інституційний аспект / В.Г. Циватый // Зовнішні справи. – К., 2012. – № 11. – С. 50–55.
11. Definitions of Public Diplomacy // <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>.
12. Indian Public Diplomacy // <http://indiandiplomacy.in/AboutUs.aspx>.
13. Nye, Joseph. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 194 p.
14. Nye, Joseph. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – P. 23.
15. Public Diplomacy: A New Strategic Imperative, 2009.
16. Rosenau James N. The Challenges and Tensions of a Globalized World / James N. Rosenau // American Studies International. – Vol. XXXVIII. – № 2. – June 2000.
17. What is Public Diplomacy? // <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy>.

1. Іл'їн І.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теорія і практика політичної глобалістики / І.В. Іл'їн, О.Г. Леонова, А.С. Розанов: Монографія. – М., 2013. – 296 с.
2. Най Дзх. «М'ягкая» сила і американсько-європейські відносини / Дзх. Най // Свободна думка – XXI. – 2004. – № 10.
3. Най Дзхожеф С. Нова публічна дипломатія / Дзхожеф С. Най // День. – 2010. – № 28. – 18 лютого. – С. 1.

4. Rogozin D.O. Rossiya pered vyzovom «publichnoy diplomatii» Zapada / D.O. Rogozin // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 2010. – № 08. – S. 82.
5. Safranchuk I., Sinigubov A. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike Rossii / Ivan Safranchuk, Aleksej Sinigubov // *Diplomatische sluzhba*. – 2014. – № 01. – S. 06–10.
6. Seidov V.G. Ot tradicionnoj diplomatii k publichnoj diplomatii / V.G. Seidov // *Informaciya. Diplomatija. Psixologiya* / *Otv. red. Yu.B. Kashlev*. – M.: *Izvestiya*, 2002. – S. 118–119.
7. Fond podderzhki publichnoj diplomatii im. A.M. Gorchakova: <http://gorchakovfund.ru>.
8. Civatij V.G. Vneshnyaya kul'turnaya politika Ukrainy XXI veka: dostizheniya, problemy, institucional'noe razvitie / Vyacheslav Civatij // *Vostochnaya Evropa. Perspektivy*. – M., 2013. – № 03–04. – Iyul'-dekabr'. – S. 45–52.
9. Civatij V.G. Vneshnyaya kul'turnaya politika Ukrainy: model' i institucional'noe razvitie v XXI veke / V.G. Civatij // *Aktual'nye problemy mezhdunarodnyx otnoshenij i diplomatii* (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.) / *Vit. gos. un-t; redkol.*: A.P. Kosov (otv.red.) [i dr.]. – Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova, 2013. – С. 243–245.
10. Civatij V.G. Publichna ta kul'turna diplomatija Respubliki Pol'shha XXI stolittya: institucijnij aspekt / V.G. Civatij // *Zovnishni spravi*. – K., 2012. – № 11. – S. 50–55.
11. Definitions of Public Diplomacy // <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>.
12. Indian Public Diplomacy // <http://indiandiplomacy.in/AboutUs.aspx>.
13. Nye, Joseph. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004. – 194 p.
14. Nye, Joseph. *The Future of Power*. – New York: Public Affairs, 2011. – P. 23.
15. *Public Diplomacy: A New Strategic Imperative*, 2009.
16. Rosenau James N. *The Challenges and Tensions of a Globalized World* / James N. Rosenau // *American Studies International*. – Vol. XXXVIII. – № 2. – June 2000.
17. What is Public Diplomacy? // <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy>.

PUBLIC DIPLOMACY UKRAINE XXI CENTURY: INSTITUTIONAL DIMENSION AND STRATEGY DEVELOPMENT

Tsivatyi Vyacheslav Grigorievich,

Diplomatic Academy of Ukraine, MFA of Ukraine,
The first pro-rector on scientific and pedagogical and study,
The candidate of historical sciences, the senior lecturer,
The deserved educator of Ukraine,
Kiev, Ukraine,
E-mail: tsivatyy@i.com.ua

Annotation

At the article is analysed the historical traditions, modern role and importance of public diplomacy in a globalized world. Particular attention is paid to national and regional particularities of public diplomacy in the context of Ukraine's new strategy of it development.

Key words:

foreign policy, public diplomacy, cultural diplomacy, institutionalization, Ukraine.

МАНИПУЛЯЦИЯ КАК ФОРМА «МЯГКОЙ» ВЛАСТИ

Романова Кира Степановна,

Институт философии и права Уральского отделения РАН,
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела философии,
г. Екатеринбург,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема манипулирования людьми с использованием различных средств, способов и технологий информационно-психологического воздействия, ставшего достаточно массовым явлением в повседневной жизни, экономической конкуренции и политической борьбе и представляющего основную угрозу информационно-психологической безопасности личности в современных условиях развития российского общества. Сущность манипуляций людьми, выделяется как скрытое мягкое психологическое принуждение личности, в нужном для властвующего субъекта направлении для удовлетворения своих интересов или целей.

Показывается, что тайное принуждение личности как специфический способ управления используется на всех уровнях социального взаимодействия людей – от межличностного общения, до массовой коммуникации и присуще различным историческим условиям. Автором раскрываются содержание и структура манипулятивного воздействия как формы «мягкой» власти», описываются его конкретные формы, методы и технологии.

Ключевые слова:

манипуляция, форма, «мягкая власть», метод, технология, способы противодействия манипуляциям.

Содержание власти многомерно, также как и многообразны властные отношения, в которых она возникает. Жизнедеятельность общества обеспечивается иерархией общественных институтов и общественных субъектов. Каждый структурный уровень этой иерархии находится в организационной системе, которая отражает характер властных отношений, существующих в данном обществе. Власть здесь реализуется через содержание социальной функции системы и её элемента. Социальная функция трансформируется в социальных ролях личности, отсюда власть всегда персонифицирована и несёт в себе в снятом виде психологические свойства человека. Люди обладают определенными личностными особенностями. А именно из особенностей их личности проистекают их решения, поступки, которые потом сказываются на судьбе страны, нации, партии и т. д.

Универсальное, обыденное понятие власти сводится к следующему: власть – это способность и возможность осуществить свою волю,

оказывать определяющее воздействие на деятельность и поведение людей с помощью каких либо средств – авторитета, права, насилия или др. В этом определении заложено два аспекта: социальный – характеризует возможность реализации власти; психологический – характеризует способность осуществить волю.

XX век был ареной опустошительных мировых войн, в той или иной степени затронувших всю планету. Общий ход мировой истории первой половины XX века привел к противостоянию двух социально-экономических систем – капиталистической и социалистической, основными силами которых стали СССР и США. В их противостоянии возник паритет сил, и вместе с тем открылись такие разрушительные возможности, которые потенциально угрожали самому существованию человеческой цивилизации. Происходящий в то же время переход к информационному обществу создал основу для ведения войны нового типа – информационно-психологической, основным средством которой стало воздействие

на психику людей, на общественное сознание и манипулирование ими. Применение, в частности, этих средств в итоге вызвало нарушение социально-экономических процессов и связей в СССР, привело к кардинальной трансформации советского государства, краху социалистической системы, к информационной, а затем гражданской войне на Украине.

В результате такого изменения общества усилилась социальная дифференциация, вызывающая, в свою очередь, необходимость поиска новых форм снижения социальной активности народа, превращение его то в электорат, то в массу, упрощая его общественное сознание. Отсюда следует, что манипуляция сознанием – одно из средств подавления, снижения социальной активности масс, представляющей непосредственную угрозу господствующему социальному строю, средство направления этой активности в нужное для этого слоя русло [2].

Манипулирование сознанием сегодня стало глобальной социально-политической реальностью, влияющей на все сферы общественной жизни. Изучение оснований и причин становления принудительной системы манипулирования сознанием, механизмов ее функционирования и путей противодействия этой системе представляется достаточно актуальным для понимания проблем социальной свободы [1].

Какие наиболее важные предпосылки и условия манипулирования в современных условиях? К ним можно отнести: развитую практику делегирования человеком реализации своих устремлений различным организациям (в том числе и власти) и бездумное доверие к их деятельности; развитие процессов индивидуализации личности; ослабление связей индивида с социумом; изменение отношений между различными социальными институтами, должными защищать человека, и обществом; неограниченное влияние средств массовой информации на социальную жизнь во всех ее проявлениях.

С середины XX века особую роль в обществе стали играть новые технологии, наука, информационное обеспечение, которые стали приобретать глобальные черты. Именно информационным компаниям (включая СМИ), специализировавшимся в начале XX века на создании рекламы, на выработке форм и методов воздействия на обществен-

ное мнение и потребителя, принадлежит первенство в изучении манипуляционного воздействия и создании целой системы манипуляционных технологий, которые уже в середине прошлого века перекочевали в политическую сферу общества. Результатом такого развития стала манипуляция, вызвавшая необходимость трансформации существующих парадигм и социально-бытийных ценностей, поиска новых форм социальной регуляции и властного воздействия на современное общество.

Скрытыми задачами любых СМИ является превращение граждан страны в единую массу (толпу), с целью общего регулирования распространения потока информации, которой обрабатывается сознание и подсознание людей. В итоге, – такой толпой легче управлять, а средний обыватель беспрекословно верит самым нелепым утверждениям, превращаясь в потребителя, поглощает навязанные ценности. Для всестороннего осмысления специфики психологии масс, подверженности масс манипуляциям несомненный интерес имеют отечественные работы последних десятилетий, посвящённые рассмотрению таких проявлений массового сознания, как общественное мнение, массовые настроения, действия масс [2]. Одна из работ, принадлежащая политологу Доценко Е.Л., «Психология манипуляции» содержит огромный исследовательский и аналитический материал [3]. В этих работах заслуживают внимания положения об иррациональных моментах в проявлении массового сознания, склонность функционировать на уровне подсознания, что создаёт возможность направленного внешнего воздействия, манипулирования массовым сознанием, общественным настроением и находит подтверждение в действительности.

Научный подход к определению власти требует учёта множественности её проявления в обществе, и, следовательно, выяснения специфических особенностей, которые проявляются в её отдельных видах (политическая, государственная, экономическая, семейная и т.д.), в социальных субъектах (классовая, групповая, личная), а также по форме осуществления: мягкая, жесткая, насильственная.

Властные отношения между людьми – это такие, в которых каждый из членов занимает неравное, неодинаковое положение. Иерархия тре-

бует субординации, координации и подчинения. Однако специфика социальных отношений заключается в том, что в них участвуют субъекты, наделенные сознанием и волей, поэтому представить властные отношения как однонаправленную зависимость было бы неверно. Кроме того, властные отношения – это системные отношения, поэтому они имеют как вертикальные, так и горизонтальные связи. Поскольку властные отношения выступают как отношения и как социальные связи, они носят характер взаимодействия, взаимовлияния субъектов. При этом сохраняется доминирование одной стороны (силовое принуждение), которое обуславливает определенное поведение другой.

Силовое принуждение охватывает самые широкие сферы общественных отношений: родительские, педагогические, военные, государственные и т.д., включая даже межличностные любовные отношения. Вспомните классическую фразу А. Пушкина: «Ах! Обмануть меня нетрудно! Я сам обманываться рад!».

Силовое принуждение как потенция главенствующей воли выступает в различных типах: физическое насилие, правовое, психологическое, моральное, идейное (политическое или религиозное) принуждение.

Остановимся на социально-психологической характеристике манипуляции как мягкой формы принуждения, по аналогии с термином «Soft Power» – мягкая власть. Манипуляция необходима именно для того, чтобы неизбежное давление (принуждение) облечь в более мягкие формы.

В отличие от прямых внешних форм социального насилия, в отношениях манипулирования побуждение субъекта к деятельности по преимуществу расценивается им как его внутреннее и собственное, и, тем самым, как бы снимается объективная противоположность интересов субъекта и объекта взаимодействия.

Манипуляция – это вид скрытого психологического воздействия на партнера по взаимодействию с целью добиться от него выгодного поведения. В.Н. Панкратов называет манипуляцией всякий прием, «с помощью которого хотят облегчить общение для себя или затруднить его для оппонента» [7, с 13].

Однако, на наш взгляд, понятие манипуляции значительно шире просто вербального коммуникативного акта. Сюда можно отнести все формы

воздействия, как сознательно организованные, так и бессознательные. Все многообразие манипулирования можно классифицировать. Это манипуляция сознанием, в том числе и общественным сознанием, когда необходимо изменить мировоззренческие основы общества, нравственные, эстетические и другие ценности обществ [6], манипуляция поведением и эмоциями людей [7], когда необходимо достичь определенных действий (митинги, собрания, протесты). Достигается это с помощью определенной манипулятивной подачи информации, с использованием определенных речевых психотехник [5] и тотальной манипуляцией посредством телевидения [6]. Среди религиозных отношений распространено манипулирование личностью (особенно при втягивании в различные секты).

Мишенью манипуляции являются эмоции оппонента, в результате актуализации которых будь то чувство вины или страха, либо восхищение, зависть, или эйфория – оппонент меняет свое поведение в соответствии с желанием и целью манипулирующего, порой теряет свою личность, превращаясь из субъекта в объект.

Властный статус, как всякое социальное отношение динамично, то есть являет собой подвижную устойчивость, основанную на живом и актуальном доминировании. Об этом, к примеру, свидетельствуют публикации рейтинговых списков влиятельных политиков, которые отражают отношение к ним граждан в зависимости от той или иной политической ситуации или факта. Иногда властные отношения формируют у «подвластного» субъекта некоторое психическое молчание или согласие «следовать за...», которого он признаёт в качестве лидера, руководителя, начальника и т.д., хотя при этом, они могут не лишиться своей индивидуальной рефлексии и критического отношения к происходящему.

В основе социального манипулирования лежит противоположное отношение людей к объективным условиям их существования: к средствам производства и условиям собственного воспроизводства. Установлено, что манипуляция сознанием является специфической формой социального принуждения. Цели манипуляции зависят от социально-групповых интересов, которые конкретизируются по месту, времени и форме. Кроме того, в практической деятельности как единстве практических, коммуникативных, культурно-

символических процессов, формирующих способы удовлетворения потребностей и возникающих на их основе различных интересов, возникают отношения, которые формируют манипулятивные способы взаимодействия.

Среди признаков манипуляций можно назвать такие, как: психологическое воздействие; отношение манипулятора к другому как к средству достижения собственных целей; стремление получить односторонний выигрыш; скрытый характер воздействия; использование силы, игра на слабостях [8]. Для манипулятора несущественно, какой человек перед ним: добрый или злой. Для него важно, как можно использовать эти качества в своих интересах.

В. А. Соснин, П. А. Лунев выделяют **10 типов наиболее часто встречающихся манипуляций:** провоцирование ваших защитных реакций; провоцирование вашего замешательства, дезориентации; формирование впечатления, что партнер настроен на сотрудничество; игра на вашей нетерпимости – «висящая морковка»; игра на вашем чувстве безысходности; игра на чувстве жадности; использование запланированных «трудных» уступок; намеренное затягивание времени обсуждения; провоцирование вашего интереса к партнеру «Убаюкивание», чтобы «убить» позднее [9].

Как отмечает видный американский психолог Эверетт Шостром, каждый человек в той или иной степени является манипулятором: ребенок, который слезами и криками добивается внимания взрослых; продавец, пытающийся во что бы то ни стало продать нам свой товар; уличные попрошайки, с помощью специальных приемов вызывающие у нас жалость и даже чувство вины и т. д. Далее Э. Шостром выделяет следующие **типы манипуляторов:**

Диктатор. Для того чтобы управлять людьми, он не останавливается ни перед чем: указывает, заставляет, угрожает, подавляет.

Тряпка, слабак. Как правило, это «жертва» диктатора, которая виртуозно к нему приспособляется, растворяется в нем, занимая беспринципную, бесхребетную позицию.

Вычислитель (калькулятор). Пытается контролировать, перепроверяет всех и все. Хитрит, обманывает.

Прилипала. Полярная противоположность вычислителю, преувеличивающая свою зависи-

мость от других. Хочет, чтобы за не выполняли всю работу, потому что он беспомощен.

Хулиган. Управляет жертвами, используя угрозы, намеренно преувеличивая свою жестокость.

Славный парень. Добродетельный, угодливый, безгранично любящий. Преувеличивает свою заботу и любовь.

Судья. Склонен обвинять всех, не любит прощать других. Мстителен. Критичен.

Защитник. Преувеличивает свою поддержку других людей. Сочувствует людям, лишает их возможности самостоятельно действовать [10].

Как и любая другая, предложенная классификация носит условный характер. Каждому человеку в той или иной мере присущи черты всех перечисленных типов манипуляторов, но бывает, что доминируют признаки одного из типов, и тогда черты данного типа манипуляторов преобладают в его поведении.

Для того чтобы не попадаться на удочку манипуляторов в личном общении, желательно знать их характерные черты и основные типы манипуляций. Главным способом противостояния является полный контроль информации, исходящей от любого человека, т. е. любой человек это противник (в положительном смысле этого слова, т. е. – другой), обладающий своим целостным «я», имеющий свои интересы, убеждения и волю, и его надо воспринимать с большой долей критичности, оставаясь на почве реальности. Чтобы избежать манипулятивной «ловушки» необходимо проверить аргументы собеседника, получить максимум информации о возможных способах решения проблемы, анализировать доводы, проверять законность источников аргументов, уметь твердо отстаивать свои интересы, словом, быть и оставаться индивидуальностью. Если говорить о политическом и идеологическом (мировоззренческом) манипулировании, то здесь задача противодействия манипулированию, в первую очередь, должна решаться с помощью законодательных мер: осознание и формулирование проблемы негативно влияния манипулирования на государственном уровне; принятие закона «О противодействии манипулированию» и т. п. Кроме того необходима активизация этического дискурса и общественной позиции: создания моральных установок относительно применения технологий манипулирования,

связанного с обесцениванием прошлого социального опыта страны, искажением исторических фактов. Необходимо проведение гражданских кампаний и образовательных проектов, связанных с актуализацией темы безнравственности и недопустимости использования скрытого управления и направленных на вовлечение общества в противодействие манипулированию.

1. Баукин А.В. Манипулирование сознанием: опыт социально-философского анализа. Дисс. на соиск. уч. ст. кандидат философских наук: 09.00.11. М.: 2007. – 370 с.
2. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. Изд-во «Алгоритм», Формат PDF. 1999. – 162 с.
3. Доценко Е.П. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
4. Зелинский С.А. Способы манипулирования психическим сознанием человека. СПб.: Скифия, 2008. – 248 с.
5. Кандыба В.М. Речевые психотехники. М.: Лань, 2002. – 382 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 832 с.
7. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация – М.: Изд-во института Психиатрии, 2000. – 190 с.
8. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. М.: Изд-во «Речь». – 256 с.

9. Соснин В.А., Лунев П.А. Как стать хозяином положения: анатомия эффективного общения. М.: Издат.центр «Академия» Институт психологии Рян, 1996. – 220 с.

10. Шостром Э. Анти-Карнеги или человек манипулятор / перевод с англ. Малышевой. А.М.: ТПЦ «Полифакт», 1992. – 128 с.

1. Baukin A.V. Manipulirovanie soznaniem: opyt social'no-filosofskogo analiza. Diss. na soisk. uch. st. kandidat filosofskix nauk: 09.00.11. M.: 2007. – 370 s.
2. Grachev G., Mel'nik I. Manipulirovanie lichnost'yu. Izd-vo «Algorithm», Format PDF. 1999. – 162 s.
3. Docenko E.P. Psixologiya manipulyacii: fenomeny, mexanizmy i zashhita M.: Izd-vo MGU, 1997. – 344 s.
4. Zelinskij S.A. Sposoby manipulirovaniya psixicheskim soznaniem cheloveka. SPb.: Skifiya, 2008. – 248 s.
5. Kandyba V.M. Rechevye psixotexniki M.: Lan', 2002. – 382 s.
6. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem M.: Izd-vo E'ksmo, 2003. – 832 s.
7. Pankratov V.N. Manipulyacii v obshhenii i ix nejtralizaciya – M.: Izd-vo instituta Psixiatrii, 2000. – 190 s.
8. Sidorenko E.V. Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu. M.: Izd-vo «Rech'». – 256 s.
9. Sosnin V.A., Lunev P.A. Kak stat' xozyainom polozheniya: anatomiya e'ffektivnogo obshheniya. M.: Izdat.centr «Akademiy» Institut psixologii Ran, 1996. – 220 s.
10. Shostrom E'. Anti-Karnegi ili chelovek manipulyator / perevod s angl. Malyshevoj. A.M.: TPC «Polifakt», 1992. – 128 s.

MANIPULATION AS A FORM OF «SOFT» POWER

Romanova Kira Stepanovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Candidate of philosophy, associate professor,
senior researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

The article considers the problem of manipulating people through various means, methods and technologies of information and psychological influence, which has become quite widespread phenomenon in everyday life, economic competition and political struggle, and represents a major threat information and psychological security of a person in modern conditions of development of Russian society. The essence of manipulation of people, stands out as a hidden soft psychological coercion of individuals, needed for a ruling entity direction to meet their interests or goals.

It is shown that the secret coercion of a person as a particular way of control is used at all levels of social interaction of people from interpersonal communication to mass communication and common to different historical conditions. The author reveals the content and structure of manipulative influence as a form of «soft power» describes its specific forms, methods and technologies.

Key words:

manipulation, form, «soft power», the method, technology, ways of combating manipulation.

РЕСУРСЫ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ МЯГКОЙ СИЛЫ

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права УрО РАН,
Аспирант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена проблема теоретической интерпретации понятия «мягкая сила», уточнено его определение, разграничены потенциал и стратегии «мягкой силы», указаны проблемы, возникшие при анализе понятия Soft Power.

Ключевые слова:

мягкая сила, притяжение, ресурсы мягкой силы, общественная дипломатия.

В современных научных и публицистических статьях трендом стало использование понятия «мягкая сила», причем тематика данных статей может быть самой широкой: международные отношения, проблемы обороны и безопасности, культурное наследие, бизнес и инновации, развитие человеческого капитала и даже защита прав интеллектуальной собственности. Интересно, что само понятие «мягкая сила», основным механизмом действия которой является *притяжение*, стало *притягательным* для научных и политических кругов во многих странах. Его популярность обусловлена как активным продвижением концепта Дж. Наем, так и тем, что «мягкая сила» явилась своевременным ответом на общемировые тенденции, вызванные взаимосвязанностью и взаимозависимостью экономических и политических процессов, неприятием избирателями демократических стран крупных военных потерь, но при этом желанием стран максимально увеличить свою мощь и влияние.

Некоторая абстрактность и афористичность понятия «мягкая сила» породило отсутствие единодушия в определении данного термина и дискуссии вокруг него. Рассмотрим лишь не-

которые попытки определить данное понятие. «Мягкая сила» – это:

1) «способность государства к политической мобилизации внутри страны и вовне» [6, с. 57] (определение указывает на частный случай возможности использования «мягкой силы»);

2) «оказание влияние на других людей при помощи символических ресурсов» (определение указывает на частный случай ресурсов);

3) «способность заставить людей любить вас» [3, с. 43] (слишком абстрактное определение);

4) «воздействие на мир при помощи цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности» [1] (определение мягкой силы как процесса, что не позволяет ее измерить);

5) «комплексный инструментарий для решения внешнеполитических задач...» [2] (определение через инструменты, а не выявление сути).

Среди множества определений наиболее логичным видится определение, данное Дж. Наем: «мягкая сила» – это «*способность достигать необходимых результатов посредством притяжения, а не принуждения или платежей*» [4, с. 10]. Оно наиболее четко и емко

отображает суть понятия. Однако и оно не лишено абстракции. Для возможности дальнейшего оперирования понятием, использования в отношении реальных ситуаций необходимо его уточнить. Для этого, прежде всего, следует выяснить, с точки зрения чего разумно оценивать мягкую силу: ресурсов, образа действия или результата. Ресурсный подход к определению мягкой силы является очень распространенным. Наличие у государства «мягких ресурсов» (богатое культурное наследие, поп-культура, развитая наука, привлекательные политические ценности и др.) считаются залогом наличия у государства мягкой силы. Этот подход не учитывает возможности использования жестких ресурсов в мягких целях (например, когда военные устраняют последствия стихийных бедствий). С точки зрения образа действия мягкая сила рассматривается как гуманитарно-культурная деятельность, которая причиняет относительно меньший материальный или нематериальный ущерб по сравнению с другими возможными действиями для достижения той же цели. Однако не совсем правильно оценивать «мягкую силу» с точки зрения гуманности, ведь данное понятие относится к области политики, а не к области этики. Сам Дж. Най писал, что «выкручивать мозги не обязательно лучше, чем выкручивать руки» [5]. Оправданней всего определять «мягкую силу» с точки зрения результатов. При этом снимается противоречие, при котором мягкие ресурсы порождают страх (например, ответом на слишком агрессивную культурную политику будут опасения и недовольства), а жесткие ресурсы вызывают привлекательность. При этом необходимо учитывать, что привлекательность – не самоцель развития мягкой силы. Привлекательность ради привлекательности бессмысленна. Это лишь необходимое условие, переходный пункт для достижения политических и экономических целей государства. Таким образом, цепочка действия «мягкой силы» выглядит следующим образом:

1) мягкие ресурсы – страх – сопротивление или принуждение;

2) мягкие ресурсы – привлекательность – достижение необходимых результатов;

3) жесткие ресурсы – страх – сопротивление или принуждение;

4) мягкие ресурсы – привлекательность – достижение необходимых результатов.

Для применения понятия «мягкой силы» по отношению к практике (использования, оценки и сравнения), необходимы следующие условия:

1) уточнение момента времени (для конкретизации результата);

2) уточнение конкретных результатов (результат всегда связан со временем; мы можем оценить, достигли ли результатов при помощи «мягкой силы» в прошлом, в настоящий момент и предположить, сможем ли мы достичь его в будущем; определить насколько изменился (уменьшился или увеличился) потенциал «мягкой силы»);

3) уточнение целевой аудитории (объект влияния является атрибутом результата; иными словами, мягкая сила всегда ситуативна и зависит от культурных особенностей, настроений целевой аудитории);

4) потенциальная возможность повтора результата по отношению к той же целевой аудитории (позволяет определить, вызван ли результат воздействием «мягкой силы» или других случайных факторов). Естественно, при этом необходимым условием остается достижение результата без принуждения, давления, взятки.

Предполагалось, что «мягкая сила» используется лишь в политических целях посредством механизма кооптации. Спектр политических целей довольно широкий: улучшение внешней безопасности, возможность мобилизации поддержки других стран по различным вопросам, достижение статуса регионального или глобального лидера. Встречаются также внутренние политические цели (поддержание единства внутри страны, увеличение поддержки правительства). Однако в концепциях безопасности, программных документах мы находим не только политические, но и торгово-экономические цели (расширение рынков экспорта продукции, привлечение туристов, инвестиций и др.).

При оценке размера и составления рейтингов «мягкой силы» различных стран часто встречается общее перечисление ресурсов «мягкой силы» и инициатив по ее увеличению без какого-либо их разграничения. Желательно все же все же отличать пассивный потенциал «мягкой силы» государства (ресурсы мягкой силы) от активных действий.

«Мягкая сила» как потенциал включает культуру (культурное наследие и поп-культуру), политику (наличие привлекательных политической системы, проводимой политики, соблюдение прав человека и др.), ценности и идеи (в том числе наличие глобальные идеи), а также другие позиции, которые могут быть привлекательны с точки зрения внешнего мира (например, привлекательная модель развития экономики, позволившая стране превратиться из реципиента в донора; привлекательная модель менеджмента; развитые наука и технологии и др.).

«Мягкая сила» как деятельность включает в себя общественную дипломатию, продвижение нормативной силы, установление повестки дня, а также нередко сюда относят усилия по созданию привлекательно имиджа и страновой брендинг. Общественная дипломатия, в свою очередь, включает в себя следующие позиции:

– культурная дипломатия (обмены в области культуры, науки и искусства, образовательные программы, языковые курсы, спортивные события);

– дипломатия помощи (в том числе, кризисная дипломатия; помощь может быть гуманитарной, медицинской, образовательной, экономической, технологической, а также в виде передачи опыта);

– медиа-дипломатия, кибер-дипломатия.

Нельзя не отметить ряд проблем, которые возникают при анализе рассматриваемого концепта. Во-первых, это преобразование ресурсов «мягкой силы» в мягкую силу. Простое обладание ресурсами еще не значит, что государство имеет возможность успешно их использовать для достижения целей, поэтому при оценке «мягкой силы» стран лучше полагаться

на опросы общественного мнения, которые показывают, насколько привлекательны ресурсы и политика государства, чем на статистические данные, количественное сравнение ресурсов. Во-вторых, не ясна степень влияния культуры на мягкую силу. При анализе концепта исследователи неизменно выделяют культурное ядро «мягкой силы», однако не ясно, насколько сильно они влияют на политическое измерение. Так, Ким Чен Ир может иметь коллекцию CD с южно-корейской поп-музыкой, но не любить южно-корейскую политику. Культурное ядро и культурная дипломатия важны лишь в очень долгосрочной перспективе, но в политике часто нужны быстрые результаты. Из этого возникает третье затруднение: во многих статьях ресурсная дипломатия, дипломатия помощи причисляется к инструментам «мягкой силы», хотя по сути это покупка лояльности, не подкуп и взятка, относящиеся к «жесткой силе», но косвенное вложение средств.

Несмотря на все эти затруднения, а также разницу в интерпретации концепта в разных странах, налицо большой интерес к данной теме, как у исследователей, так и у политиков, осознавших необходимость развивать методы и технологии, альтернативные классической дипломатии.

1. Катасонова Е.Л. Япония и ее инструменты мягкой силы // Ассоциация японоведов. URL.: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391&Itemid=1 (дата обращения 01.04.2014).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (дата обращения 16.12.2013).

3. Korea's soft power and East Asia – Stenogramma of the conference // The Brookings Institution. 84 p. URL.: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения 26.04.2014).

4. Nye J. Soft Power. The means to success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.

5. Nye J. Think Again: soft power // Foreign Policy. – 2006.

6. Sun Sao-Cheng The approaches of China's soft power strategy // WHAMPOA – An interdisciplinary Journal № 61. – 2011. – P. 53–64.

1. Katasonova E.L. Yaponiya i ee instrumenty myagkoj sily // Associaciya yaponovedov. URL.: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391&Itemid=1 (дата обращения 01.04.2014).

2. Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinyum 12 fevralya 2013 g. // MID Rossii. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (data obrashheniya 16.12.2013).

3. Korea's soft power and East Asia – Stenogramma of the conference // The Brookings Institution. 84 p. URL.: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения 26.04.2014).

4. Nye J. Soft Power. The means to success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.

5. Nye J. Think Again: soft power // Foreign Policy. – 2006.

6. Sun Sao-Cheng The approaches of China's soft power strategy // WHAMPOA – An interdisciplinary Journal № 61. – 2011. – P. 53–64.

RESOURCES AND MECHANISMS OF REALIZATION OF SOFT POWER

Kovba Daria Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law,
Russian Academy of Sciences,
a graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Annotation

This article considers the problem of the theoretical interpretation of the soft power concept. The author clarifies its definition, distinguishes potential and strategy of soft power, lists the problems encountered during the analysis of concept.

Key words:

soft power, attraction, soft power resources, public diplomacy.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СПОРТИВНЫМ ДИСКУРСОМ

Дерябин Максим Леонидович,

Институт философии и права УрО РАН, Удмуртский филиал,
научный сотрудник, кандидат философских наук,
г. Ижевск, Россия,
E-mail: dml15@yandex.ru

Аннотация

Спорт формирует особое коммуникативное пространство и средства передачи социальных сообщений. Тело спортсмена (индивида) и пространство спортивных состязаний производят понятный всем «нулевой», или «телесный социолект». Спортивный как энкратический дискурс структурирует социальное пространство особым образом.

Ключевые слова:

softpower, спортивный дискурс, властный дискурс, телесный социолект, тело.

Спорт и спортивный дискурс оказывают серьёзное влияние на современное состояние всех общественных институтов. Безусловно, это взаимодействие не ограничивается дискурсивными рамками. Модели социального совместно выстраиваются спортивным и другими социальными дискурсами и начинают структурировать социальное пространство. Для ответа на вопрос, является ли это процессом (проявлением) soft или hard power, необходимо обнаружить проявления властного дискурса в спорте и дискурсивном пространстве спорта, а также рассмотреть способы структурирования социальных смыслов в дискурсе спорта и их объективации в социальном пространстве.

Организация социального пространства предусматривает построение различных стратегий и моделей социального в пространстве дискурса. Вопросам самоконструирования социального в различных дискурсах (например, политики, власти, мифа, рекламы и т. д.) посвящены многочисленные работы современных исследователей [5, 7, 12, 13, 15, 16, 17, 18]. Объективация дискурсов приводит к формированию или переструктурированию общественного про-

странства. В дискурсе политики декларируются различные стратегии развития социального. Они представляются в виде различных политических текстов. Множественность дискурсов, мгновенность коммуникации в «постсовременном обществе» [4] приводит к бесконечному появлению и циркуляции интерпретаций политических текстов. Различные социальные сети становятся популярными благодаря комической интерпретации высказываний. Интерпретация интерпретации и т. д. приводит к регрессии смысла к нулю смысла.

Причем этот ноль смысла воспринимается как негативный «ноль», поскольку не имеет четкой отсылки к референту. Предельным пунктом интерпретационных или комментаторских игр (комментарии в социальных сетях получили жаргонное обозначение с негативными коннотациями – «комменты») нам представляется ненормативная лексика, в предельном случае сводимая до иконографических сообщений, либо переход «на личности».

Переход на личности ведет к сворачиванию поля смыслов дискурса, то есть изначальные социальные смыслы, в том числе политические,

заменяются обыденно-личностными. В данном случае конструирование социального как возможность использования инструментов soft power сводится, на наш взгляд, к минимуму. Попытка конструирования новых социальных смыслов сталкивается с закрепленными в обыденности инертными доксическими смыслами социального.

Если рассматривать концепт soft power как некий инструмент, позволяющий свести элемент насилия при управлении к минимуму [14], то необходимо говорить о коммуникативном аспекте взаимодействия. В данном аспекте успех soft power будет заключаться в выработке определенной коммуникативной стратегии, позволяющей управлять процессами в социальном. В данном случае структурирование социального, социальных смыслов будет происходить максимально безболезненно.

Коммуникация, в основе которой необходимо лежит передача сообщения, будет считаться эффективной, если смыслы передаваемые коммуникатором на 100 процентов будут поняты и усвоены реципиентом. Изменения процесса коммуникации (появления новых средств, ускорение процесса коммуникации и т. д.) позволяют говорить о множественности форм сообщений, сообщаемых и усваиваемых социальным.

Вслед за анализом рекламы Р. Бартом [2], исследуя рекламное сообщение, в предыдущих работах мы обнаружили несколько видов сообщения, которое отправляет и получает общество в процессе коммуникации. Первой предельной формой сообщения оказались «вещь-сообщение» [6], когда сама вещь собственным присутствием сообщала о самой себе. В этом случае не используются средства языка. Второй предел сообщения – «сообщение-вещь» [Там же], или бренд. В данном случае сообщение представляет собой предельно коммуникативный иконографический знак, который может заполняться абсолютно любыми коннотативными смыслами. В рекламе, которая представляет идеализированные социальные смыслы, произошло выхолащивание смыслов рекламируемой вещи. Рекламный знак или

бренд абсолютно коммуникативны в силу своей принципиальной оторванности от какого-либо конкретного вещного референта.

Тем самым социальные сообщения, сообщаемые масс-медиа, оказываются оторванными от вещного референта, создают идеализированный в языковых практиках виртуальный мир, в котором одно означающее отсылает только к другому означающему. Аутопойетическая система масс-медиа [10, 11] на пределе исключает индивида из производства и усвоения сообщений об обществе.

Преодолеть принципиальный разрыв между означающим и означаемым как референтом, существующим вещно, оказывается возможным в ситуации «вещи-сообщения». Здесь в роли еще-не-означенной вещи выступает тело человека. Для того чтобы сообщать некие социальные смыслы телу человека необходимы получатели этого сообщения. То есть тело должно быть представленным обществу. В спортивном дискурсе происходит расстановка тел. Спортсмены своими телами сообщают определенные смыслы. Социальное, находясь за пределами спортивного состязания, или образуя пределы спортивного состязания, получает и усваивает сообщаемые сообщения.

Специфические характеристики спортивного пространства и развития спорта позволяют Р. Барту отнести спорт к одному из энкратических дискурсов. «энкратический язык (тот, что возникает и распространяется под защитой власти) по своей сути является языком повторения; все официальные языковые институты – это машины, постоянно пережевывающие одну и ту же жвачку; школа, спорт, реклама, массовая культура, песенная продукция, средства информации безостановочно воспроизводят одну и ту же структуру, один и тот же смысл, а бывает, что одни и те же слова» [3, с. 495]. Несмотря на то, что для философской и культурологической рефлексии до сих пор не существует единой трактовки истоков спорта, сущности спортивных соревнований (более подробно см., например, Кильдюшев О. «Спорт как дело философии: об эвристической ценности

новой аналитической оптики» [7]), для общества смыслы «занятия спортом» всегда оказывались простыми, ясными и открытыми. Прозрачность спорта обеспечивалась встраиванием смыслов спортивной деятельности в социальное на уровне доксической субъективности. Спорт, его смыслы, правила и т. д. на протяжении истории человечества как бы усваивались телом, минуя критический барьер рефлексии. Практики тела за счет повторяемости очень легко усваивались социальным. «Он (энкратический язык) скрывает свою системность, тайно подменяя ее такими личинами, как «природа», «универсальность», «здоровый смысл», «ясность», недоверие к «интеллектуализму» [Там же, с. 530].

Далее Р. Барт отмечает, что энкратический язык создает такое пространство, в котором невозможно говорить на другом языке. Энкратический дискурс заставляет говорить, используя его средства. Кроме того, подобный дискурс внутренне полон – в нем нет места «другому»; отсюда ощущение удушья, вязкой массы, которое он может вызвать у постороннего ему человека» [Там же]. Однако специфика спортивного дискурса, на наш взгляд, позволяет ему быть средством (местом) для трансляции смыслов смежных социальных дискурсов, например дискурса политики. То есть спортивный дискурс как энкратический язык представляет средства для выражения смыслов других социальных дискурсов. Благодаря тесной связи с телом человека, благодаря доверию своему телу, индивид оказывается способным воспринимать смыслы социальных дискурсов без отрицательных коннотаций. Индивид зачастую не подвергает эти смыслы рациональной критике, а сразу делает их значимыми на уровне собственной доксической субъективности, на уровне здравого смысла.

Такую возможность использования спортивного дискурса социальное получает в силу его специфики. Пространство спорта в процессе функционирования сформировало свою особую структуру сообщений, или особый «социолект» [1]. Тело спортсмена, как тело человека, представлено на спортивном соревновании

перед спортивными болельщиками или зрителями. Тело спортсмена превращается в имя, в знак, который начинает подставляться в различные социальные дискурсы. Наоми Кляйн в работе «No logo. Люди против брендов» обнаруживает явление «ко-брендинга» [8], когда спортивные смыслы, представленные в именах атлетов, совмещаются со смыслами рекламы.

Скольжение означающих в масс-медиа рождает пустое пространство знаков, не отсылающее к закреплению, укорененному в реальном референту или смыслу. Местом закрепления смысла является тело человека, как спортсмена, так и свое собственное. Тело оказывается не способным к бесчисленным играм означающих, соответственно за ним в социальном закрепляются некие правдивые смыслы. Экман П. [19] полагает, что тело не может врать.

Спорт и дискурс спорта формируют пространство коммуникации, которое будучи специально организовано (арена, атлеты, болельщики, судьи и т. п.) представляет собой одновременно средства коммуникации для других социальных дискурсов. Спортсмен или спортсмены в данном случае своими телами сообщают определенное сообщение. Сообщения социального, в которых используются коммуникативные средства спортивного дискурса, усваиваются социальным как телом социального. Эти сообщения усваиваются как бы на доязыковом уровне, помощником при приеме сообщения, как бы «понимающей частью», является тело индивида. Тело человека как средство сообщения сообщений становится универсальным передатчиком, ибо способно усваивать сообщения точно таких же человеческих тел. Таким образом, можно говорить, что предъявляет социальному в качестве средств сообщения некий понятные всем формы сообщений или телесный как бы «нулевой» социолект.

Итак, в процессе соревнования спортсмен безмолвен. Тело спортсмена есть вещь-сообщение, которое своим присутствием сообщает определенные социальные смыслы. Сообщаемое телом сообщение жестко связано с референтом. Но одновременно, в силу своей

безмолвности, тело спортсмена существует как иконографический знак, который оказывается открыт для любой интерпретации социальным. Социальное пространство организуется особым способом в зависимости от характеристик социального дискурса, со смысловых позиций которого интерпретируется спорт (экономика, политика, медицина).

Энкратический характер спортивного дискурса определяет структурирование социального, которое происходит за счет переопределения смыслов социального пространства и тела человека в рамках «нулевого» или понятного всем социолекта. Спортивный дискурс одновременно как властный дискурс организует пространство доверия, формируемое на основании, на понимании и восприятии смыслов своим собственным телом. Различные интерпретации смыслов спортивного дискурса приводят к разным способам объективации этих смыслов в реальности и структурированию социального пространства.

1. Барт Р. Разделения языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: М.: Прогресс, 1989. С. 519–534.
2. Барт Р. Рекламное сообщение // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. С. 410–416.
3. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: М.: Прогресс, 1989. С. 462–518.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
5. Бушмакина О.Н. Язык и бытие: проблемы структурирования. Монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 123 с.
6. Дерябин М.Л. Рекламное сообщение на пределе смысла // Обсерватория культуры. 2008. № 5. С. 36–42.
7. Дерябин М.Л. Самопонимание смыслов социального в пространстве рекламного дискурса // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход: сб. науч. ст. Ижевск.: Удмурт, ун-т, 2011. С. 14–28.
8. Кильдюшев О. Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики // Логос. 2013. № 5. С. 43–60.
9. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брендов. М.: ООО «Добрая книга», 2003. 624 с.
10. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Практикс, 2005. 356 с.
11. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 194–216.
12. Полякова Н.Б. Конструирование дискурса власти: герменевтический аспект: монография. Ижевск: 2009. 144 с.
13. Рогозина Э.Р. Мифологизация сообщества на пределе

ле потребления // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 3–1. С. 23–26.

14. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал, отд-ния Росс. акад. наук. 2010. № 10. С. 173–192.

15. Соловей И.В. Объективация политического в структурах доксического дискурса // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 3–1. С. 187–196.

16. Шадрин А.А. Дискурс в структурах деконструкции // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 3. С. 65–74.

17. Яндараева И.С. Проблема объективации памяти как истории // Теория и практика общественного развития. Краснодар.: Изд. дом «Хорс». 2011. № 4. С. 41–43.

18. Яркеев А.В. Бытие этничности в социальных конструктах мифологической идентификации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 1 (9). С. 118–130.

19. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер. 2010. 304 с.

1. Bart R. Razdeleniya yazykov // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poe'tika: M.: Progress, 1989. S. 519–534.

2. Bart R. Reklamnoe soobshhenie // Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx, 2004. S. 410–416.

3. Bart R. Udovol'stvie ot teksta // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poe'tika: M.: Progress, 1989. S. 462–518.

4. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2002. 390 s.

5. Bushmakina O.N. Yazyk i bytie: problemy strukturirovaniya. Monografiya. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskij universitet», 2009. 123 s.

6. Deryabin M.L. Reklamnoe soobshhenie na predele smysla // Observatoriya kul'tury. 2008. № 5. S. 36–42.

7. Deryabin M.L. Samoponimanie smyslov social'nogo v prostranstve reklamnogo diskursa // Social'naya ontologiya: konstruktivno-germenevticheskij podxod: sb. nauch. st. Izhevsk.: Udmurt, un-t, 2011. S. 14–28.

8. Kil'dyushev O. Sport kak delo filosofii: ob e'vristsicheskoy cennosti novoy analiticheskoy optiki // Logos. 2013. № 5. S. 43–60.

9. Klyajn N. NO LOGO. Lyudi protiv bre'ndov. M.: OOO «Dobraya kniga», 2003. 624 s.

10. Luman N. Real'nost' massmedia. M.: Praxis, 2005. 356 s.

11. Luman N. Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyax sovremennogo obshhestva // Sociologos. Vyp. 1. M.: Progress, 1991. S. 194–216.

12. Polyakova N.B. Konstruirovaniye diskursa vlasti: germenevticheskij aspekt: monografiya. Izhevsk: 2009. 144 s.

13. Rogozina E'.R. Mifologizatsiya soobshhestva na predele potrebleniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2009. № 3–1. S. 23–26.

14. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj sily» (soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural, otd-niya Ross. akad. nauk. 2010. № 10. S. 173–192.

15. Solovej I.V. Ob'ektivatsiya politicheskogo v strukturax doksicheskogo diskursa // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2009.

№ 3–1. S. 187–196.

16. Shadrin A.A. Diskurs v strukturax dekonstrukcii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2007. № 3. S. 65–74.

17. Yandaraeva I.S. Problema obektivacii pamyati kak istorii // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. Krasnodar.: Izd. dom «Xors». 2011. № 4. S. 41–43.

18. Yarkeev A.V. Bytie e'tnichnosti v social'nykh konstruktsiyax mifologicheskoy identifikacii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2013. № 1 (9). S. 118–130.

19. E'kman P. Psixologiya lzhi. Obmani menya, esli smozhesh'. SPb.: Piter. 2010. 304 s.

ORGANIZATION OF SOCIAL SPACE IN SPORTS DISCOURSE

Deryabin Maxim Leonidovich,

Udmurt branch of Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Candidate of philosophy, researcher, Izhevsk, Russia, E-mail: dml15@yandex.ru

Annotation

Sport creates a special communicative space and means for transmitting social messages. Athlete's body (the individual) and the sport space produce special clear, original «corporeal sociolect». Sport discourse as power discourse structures social space in special way.

Key words:

soft power, sports discourse, power discourse, corporeal sociolect, body.

КОНЦЕПТ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Королева Ксения Юрьевна,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, кандидат философских наук, доцент, Белгород, Россия

Аннотация

В статье раскрываются теоретические и практические аспекты применения концепта толерантности в сфере социальной работы. Социальная работа как отрасль деятельности обеспечивает связь между различными социальными группами, способствует интеграции общества.

Ключевые слова:

толерантность, социальная работа, социальный институт, социально незащищенные группы населения.

Равный, свободный доступ граждан к социальному обслуживанию вне зависимости от их пола, расы, возраста, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений и принадлежности к общественным объединениям является основополагающим принципом реализации социального обслуживания [3]. Потенциальные клиенты социальных служб находятся в социально опасном, нестабильном по сравнению с другими социальными субъектами положении. С одной стороны, объективные условия жизни, ограниченные социальные и экономические ресурсы, незнание основ законодательства, способов решения своей жизненной проблемы не позволяют им самостоятельно справиться с возникшими трудностями, с другой стороны, жесткая регламентация и бюрократизация процедур получения социальной поддержки изначально ставят их в зависимое от работников социальных служб положение.

В статье 3 Декларации принципов толерантности Юнеско говорится о том, что «особое внимание следует уделять социально наименее защищенным группам, находящимся в неблагоприятных социальных или экономических условиях, с тем, чтобы предоставить им правовую и социальную защиту, в частности в отношении жилья, занятости и охраны здоровья, обеспечить уважение самобытности их культуры и ценностей и содействовать, в особенности по-

средством образования, их социальному и профессиональному росту и интеграции» [1]. В этих условиях профессиональная компетентность, личностные качества социальных работников и служащих учреждений социальной защиты и социального обслуживания, прежде всего, их ориентация на благо другого, уважение права быть иным, отсутствие оценочного подхода во взаимоотношениях с клиентами, ориентация на полноценное партнерство («вместе против проблем») становятся неотъемлемой частью системы социальной работы. Именно поэтому исследования феномена толерантности применительно к сфере социальной работы приобретают особую остроту и практическую значимость.

Толерантность представляет собой многогранный социальный и культурный феномен, структурные и ценностно-смысловые компоненты которого формируются и трансформируются под влиянием конкретных исторических, социально-экономических и политических условий. Этимологический анализ слова в разных языках позволяет подчеркнуть культурно обусловленные нюансы интерпретации: от принятия другого образа мыслей и действий до снисхождения (подразумевающего доминирование позиции), от способностей терпеть, мириться с чем-либо, быть выдержанным, до сострадания и милосердия, предполагающих отнюдь не дистанцирование, а скорее «переживание»

состояния другого и сочувствие. Вызовы современности, характеризующиеся обострением вопросов глобального экономического неравенства, ожесточением борьбы за сферы влияния и ресурсы, интенсивными миграционными потоками, провоцируют новые очаги социальной напряженности, экстремизма в широком смысле слова и порождают новые социальные проблемы, которые люди не могут решить без внешней помощи. Они показывают нам, как далеки декларативные призывы к проявлению толерантности от реальных условий жизнедеятельности и насколько разнятся смыслы, вкладываемые участниками социальных взаимодействий, в данный термин.

Все это в очередной раз подталкивает ученых и политиков к переосмыслению идей уважения человеческого достоинства, социальной ответственности, открытости, к конвенциональному принятию и институционализации принципов толерантности на различных уровнях. Динамично меняющаяся социальная реальность не позволяет выработать общую концептуальную модель толерантности, по-прежнему можно наблюдать две основные стратегии изучения толерантности: *как поведенческой диспозиции* – активный диалог, горизонтальные солидарности, понимание и принятие многообразия, как свобода самовыражения и действия, как воспитание умения жить в согласии с собой и другими, и *как гарантированного правопорядка* – ценность и норма гражданского общества, право быть иным, проявление активной гражданской позиции (цивильности) как уважения и нацеленность на предотвращение конфликтов [11]. Объединяющей идеей для обеих стратегий исследования является понимание того, что толерантность как социокультурный феномен предполагает наличие в обществе согласованного идейного и ценностно-нормативного ядра – «доминирующего культурного кода», применяя терминологию П. Бурдьё, символической системы координат действия, которая обеспечивает непротиворечивость институциональных ценностей, лежащих в основе деятельности различных социальных институтов общества. Именно эта символическая система позволяет социальным субъектам находить легитимные с точки зрения формальных и неформальных норм способы до-

стигать свои цели, не нарушая права и не ограничивая своим поведением свободу других людей.

В процессе повседневной активности индивиды на основе знаний, опыта, интуиции переживают окружающий мир, культуру, и этот редуцированный в сознании, сконструированный интерсубъективный мир является основой для взаимного понимания, взаимодействия индивидов [15]. Связь между социальными институтами и легитимирующей символической системой конструирует институциональный порядок посредством когнитивно-нормативного комплекса – упорядоченной совокупности всех индивидуальных знаний об окружающей действительности, правил, ценностей, установок, верований, способствует его сохранению и трансляции, через подтверждение в символах и деятельности [5]. Символическая матрица значений накладывает на индивидуальные представления и практики в процессе интернализации – усвоения, объективирования социального опыта, и результируется в формировании типизированной ролевой системы. В процессе индивидуальной деятельности через взаимодействие с социальной средой формируется субъективная реальность – база построения социальной идентичности, которая, в конечном счете, и задает координаты социальной активности индивида, определяет его адаптивные возможности и жизненные стратегии, отношения с другими [5].

Реальность плюралистична, т.е. одновременно сосуществуют несколько символических подсистем, и в открытом обществе индивид сам выбирает «поле» своей игры, имея возможность регулировать степень оказываемого на него давления. Отечественные и зарубежные исследования показывают, чем стабильнее и благополучнее общество в социально-экономических аспектах, тем сильнее желание поддерживать существующий баланс интересов, избегать конфликтов. Справедливы и обратные тенденции: отсутствие разделяемого большинством ценностного ядра, четких и понятных всем правил игры приводит к росту нетерпимости [7; 11; 12; 14]. Вариативность ценностно-нормативных систем в российском обществе, как справедливо отмечают многие исследователи, во многом является следствием радикальных социально-

экономических и политических трансформаций 90-х годов и последующего кризисного реформирования: изменение социальных групп, распад традиционных каналов социальной мобильности, нарастание имущественной дифференциации, модификация оснований выстраивания собственной идентичности привели к разрушению привычных социальных связей и отношений, нивелированию культурных ценностей солидарности. Социальные конфликты современности, являющиеся отголосками системного кризиса, вызваны дезинтеграцией российского общества, характеризуются размыванием ценностных ориентиров и тотальным падением доверия общественным институтам.

Успешное функционирование социальных институтов, уровень их развития находится в прямой зависимости от наличия ресурсов. Низкий уровень доверия в российском обществе приводит к затруднению координации использования ограниченных ресурсов и ведет уже к снижению уровня материального благосостояния граждан. Аномия делает затруднительными поиски компромиссов, среди поведенческих диспозиций доминируют враждебность и агрессия, нетерпимость, а толерантность скорее нехарактерна для россиян [6; 8; 9; 10; 13; 14]. В этих условиях отрасль социальной работы обретает значимость социального посредника (медиатора) между различными социальными субъектами – индивидами и социальными группами, помогая находить точки соприкосновения интересов, развивая экономические и социальные практики общественной солидарности, способствуя удовлетворению базовых потребностей и решая наиболее острые проблемы – проблемы неравенства.

Толерантность в сфере социальной работы обретает как формы гарантированного правопорядка, основанные на реализации международных нормативно-правовых актов о правах человека, так и проявляется на уровне поведенческих диспозиций субъектов социальной работы. Так Конституция Российской Федерации говорит о том, что в нашей стране право человека на жизнь реализуется через ряд мер по охране здоровья и труда, государственную поддержку семьи и детства, социально уязвимых категорий граждан и лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию. В данном ключе толерантность вы-

ступает имманентным свойством социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (Статья 7, п. 1)» [2]. Формирование идеи общества всеобщего благосостояния, изменение требований к качеству жизни тесно связаны с уровнем развития технологий и общества. Очевидно, что субъективные и объективные показатели оценки жизненных условий меняются в зависимости от конкретных исторических условий. Стандарты социального обслуживания постоянно дорабатываются и уточняются с учетом изменения образов приемлемого, как минимально необходимого, и желаемого, как оптимального с точки зрения удовлетворения индивидуальных потребностей, уровня жизни. Создание гармоничного солидарного сообщества возможно только там, где предоставляются равные стартовые возможности для всех граждан, и социальные гарантии дают свободу от нищеты. Именно эти условия и должна в идеале обеспечить система социальной защиты.

Равенство условий доступа к социальным услугам является важной характеристикой эффективности системы социальной защиты, «социальное обслуживание основывается на соблюдении прав человека и уважении достоинства личности, носит гуманный характер и не допускает унижения чести и достоинства человека» [3]. Однако ограниченные ресурсы не позволяют реализовывать заявленные меры социальной защиты в полной мере, применение декларируемых принципов на практике натывается на барьеры субъективного характера.

Практики взаимодействия клиентов и специалистов социальных служб являются отражением существующих социальных отношений, структурных и институциональных конфликтов социума. Признание и принятие разнообразия образов жизни легко дается на бумаге, но не в жизни. Тяжело отстраниться от этической оценки различных жизненных укладов и ориентаций с точки зрения их «правильности» и «неправильности», соответствия и несоответствия образов жизни доминирующей картине мира, особенно, когда приходится иметь дело с различными формами девиантного и делинквентного поведения. Внешнее принятие и сдержанность

в общении с клиентами при внутреннем неприятии ситуации оборачиваются проблемами профессионального выгорания. Доминирование предвзятого отношения ставит вопрос о том, достоин ли помощи обращающийся, и ущемляет его права на получение помощи. В условиях незавершенности стандартизации и разработки регламентов оказания социальных услуг это становится серьезной проблемой. Влияние роли социальных работников – «субъективного фактора» на реализацию мер социальной защиты достаточно велико, именно они несут ответственность за принятие решения о назначении. Профессионально-этический кодекс социального работника России закрепляет этические обязательства не практиковать любые формы дискриминации, основанной на национальности, сексуальных отношениях, возрасте, вероисповедании, семейном статусе, политической ориентации, умственных или физических недостатках, привилегиях, персональных характеристиках. Более того, профессиональная цель социальной работы – бороться с такой дискриминацией всеми доступными средствами [4]. Но отечественные исследования рынка социальных услуг показывают, что доступность различных видов социальной поддержки, в существенной степени зависит от включенности в социальные сети (начиная с личных знакомств) нежели от формальных регуляций. В результате значительная часть потенциальных клиентов социальных служб склонна воспринимать социальных работников не как источник помощи, а скорее как препятствие на пути к ее получению.

Преодолеть возможное негативное влияние субъективных факторов в социальной работе способна формализация процедур контроля оказания услуг (оценка не процессов осуществления поддержки, а изменения личной ситуации клиента), а также прозрачность критериев оценки обстоятельств и степени нуждаемости в различных видах социальной поддержки, которые являются основанием для оказания либо отказа в услугах.

Еще одна возможность состоит в развитии социальных сетей и горизонтальной кооперации в решении проблем социально уязвимых категорий граждан. Мы уже наблюдаем постепенный отказ от доминирования государства в системе социальной защиты населения во всех ее формах

(социальная помощь, социальное обеспечение, социальное страхование) в направлении диверсификации субъектов с передачей полномочий многочисленным негосударственным, общественным, частным, добровольческим образованиям. Подобная тенденция характерна для всех стран и объясняется тем, что неформальные сети гибче и динамичнее реагируют на разнообразные и зачастую специфичные социальные противоречия, по сравнению с формальными государственными структурами, а также расширяют возможности индивидуального выбора стратегии преодоления кризисных ситуаций. С одной стороны включенность в разветвленные горизонтальные связи и кооперация, активная гражданская позиция, волонтерская деятельность расширяют доступ граждан к различным ресурсам, увеличивают их конвертацию, с другой, запускаются механизмы взаимозависимости на уровне повседневных практик, которые побуждают людей действовать согласованно [9]. И в этом контексте толерантность выступает уже не как ценность или добродетель, но как способ выстраивания социальных отношений [12, с. 98–112] и обретает конкретное практическое значение в сфере социальной работы. Оказание добровольной, бескорыстной и безвозмездной помощи другим людям является практикой солидарности и содействует формированию толерантного отношения к проявлениям отличительного. Таким образом, общественные, волонтерские организации, действующие в сфере социальной работы, решают как непосредственные задачи по оказанию необходимой помощи нуждающимся в ней людям, так и содействуют интеграции общества.

1. Декларация принципов толерантности Юнеско (принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года) [Электронный ресурс] // Сайт Юнеско. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

2. Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/>.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Российской Газеты. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialka-dok.html>.

4. Профессионально-этический кодекс социального работника России. [Электронный ресурс] URL: <http://belsoc.narod.ru/socrab.html>.

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

6. Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 64–74.

7. Могилевич Б.Р. Толерантность в контексте межкультурной коммуникации // Психология и экономика. 2009. Т. 2. № 2. С. 129–131.

8. Победа Н.А. Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация // Социологические исследования, 2007. № 6. С. 13–28.

9. Сикорская Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 52–58.

10. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 54–63.

11. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 45–53.

12. Хомяков, М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии, социальной антропологии. 2003. Том. IV. № 4, С. 98–112.

13. Шереги Ф.Э. Этническая и религиозная толерантность молодежи // Мониторинг общественного мнения № 4 (98). Март-апрель 2010. С. 20–39.

14. Шипилов А.В. Демократия и толерантность // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 38–44.

15. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 481–496.

1. Deklaracii principov tolerantnosti Yunesko (prinyata rezolyuciej 5.61 General'noj konferencii YuNESKO ot 16 noyabrya 1995 goda) [E'lektronnyj resurs] // Sajt Yunesko. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

2. Konstituciya RF [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.constitution.ru/>.

3. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 28 dekabrya 2013 g. N 442-FZ «Ob osnovax social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii» [E'lektronnyj resurs] // Sajt Rossijskoj Gazety. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialka-dok.html>.

4. Professional'no-e'ticheskij kodeks social'nogo rabotnika Rossii. [E'lektronnyj resurs] URL: <http://belsoc.narod.ru/socrab.html>.

5. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.

6. Galkin A.A., Krasin Yu.A. Kul'tura tolerantnosti pered vyzovami globalizacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. № 8. С. 64–74.

7. Mogilevich B.R. Tolerantnost' v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii // Psixologiya i e'konomika. 2009. T. 2. № 2. S. 129–131.

8. Pobeda N.A. Tolerantnost': sodержatel'nye smysly i sociologicheskaya interpretaciya Sociologicheskie issledovaniya, 2007. № 6. С. 13–28.

9. Sikorskaya L.E. Tolerantnost' v predstavleniyax molodyx rossijskix i nemeckix volonterov social'noj raboty // Sociologicheskie issledovaniya. 2007. № 9. С. 52–58.

10. Sokolov V.M. Tolerantnost': sostoyanie i tendencii // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. № 8. S. 54–63.

11. Xabermas, Yu. Kogda my dolzhny byt' tolerantnymi? O konkurencii videnij mira, cennostej i teorij / Yu. Xabermas // Sociologicheskie issledovaniya. 2006. № 1. S. 45–53.

12. Xomyakov, M.B. Tolerantnost': paradoksal'naya cennost' // Zhurnal sociologii, social'noj antropologii. 2003. Tom. IV. № 4, S. 98–112.

13. Sheregi F.E'. E'tnicheskaya i religioznaya tolerantnost' molodezhi // Monitoring obshhestvennogo mneniya № 4 (98). Mart-aprel' 2010. S. 20–39.

14. Shipilov A.V. Demokratiya i tolerantnost' // Sociologicheskie issledovaniya. 2005. № 3. S. 38–44.

15. Shhyuc A. Formirovanie ponyatiya i teorii v obshhestvennyx naukax // Amerikanskaya sociologicheskaya mysl': Teksty / Pod red. V.I. Dobren'kova. M.: Izd-vo MGU, 1994. S. 481–496.

TOLERANCE CONCEPT IMPLEMENTATION AT THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL WORK

Korolyova Ksenia Yurievna,

Belgorod State National Research University, Ph. D., associate professor of the social work department, Belgorod, Russia

Annotation

The article discusses the theoretical and practical aspects of tolerance concept implementation in the field of social work. Social work provides cooperation and contributes to the confidence between different social groups.

Key words:

tolerance, social work, social institution, vulnerable social groups.

ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОНЯТИЕ И ЕГО СТРУКТУРА

Кубанкина Елена Сергеевна,

Дальневосточный федеральный университет,
Школа региональных и международных исследований,
аспирант кафедры политологии,
г. Владивосток, Россия,
E-mail: kubankina.es@yandex.ru

Аннотация

Современные глобальные проблемы на сегодняшний день вынуждают представителей гражданского общества объединяться по всему миру в поисках способов их разрешения. В результате формируются новые формы гражданской организации и стратегии действий на глобальном уровне, что меняет наше представление о современном мире и возможностях гражданской активности.

Ключевые слова:

гражданское общество, глобальное гражданское общество, международные отношения.

Глобализация и усиление взаимозависимости радикальным образом меняют картину современного мира. Стремительно интернационализируется производство, расширяются масштабы международной торговли, увеличиваются миграционные потоки и, одновременно с этим, сужаются возможности контроля над глобальными рынками – ресурсными, финансовыми, товарными – национальных государств. АвиAPERелеты, телекоммуникации, компьютерные сети и электронные СМИ помогают быстро собирать и распространять по всему миру необходимую информацию. Реактивные самолеты позволяют в короткие сроки перенести человека в любую точку земного шара. Социальные отношения, по сути дела, стали приобретать глобальный размах, поскольку территориальное местоположение, территориальная отдаленность и государственные границы уже не представляют для их установления и развития существенной преграды. Глобальное пространство, как и глобальные проблемы, перестали измеряться территорией, а преодоление расстояний – отнимать много времени и ресурсов. Вместе с тем, степень остроты многих проблем не только не уменьшается, а, напротив, в ряде случаев приближается

к критической отметке. Продолжает возрастать разрыв в социально-экономическом развитии между наиболее богатыми и наиболее бедными странами, не устранена угроза военных конфликтов и загрязнения окружающей среды, увеличивается потребление невозобновляемых энергетических и сырьевых ресурсов. Появляются новые опасные болезни: растет преступность в сфере информационных технологий, расширяется производство контрафактных товаров и масштабы мошенничества в сфере ценных бумаг, формируются транснациональные террористические сети. Как результат, параллельно с ростом взаимозависимости в мире нарастают раздробленность и разобщенность. Самые разные сообщества начинают пытаться решать встающие перед ними проблемы, отгораживаясь от остального мира. Не удивительно, что современный мир все в большей степени теряет элементы управляемости и постепенно скатывается, по определению П. Ханна, в «новое Средневековье» – эпоху разделенного, раздробленного, неуправляемого, многополярного или бесполярного мира. Однако, полагает он, как и в случае с классическим Средневековьем, на смену которому пришло Возрождение, современное состояние нельзя

считать приговором. Оно является отражением возросшей сложности мира, в котором задействовано множество самых разнообразных акторов, и указывает на назревшую необходимость их согласованных усилий [2, с. 19, 36].

Одним из таких акторов, приобретающих все больший вес в современной мировой политике, являются международные неправительственные организации (НПО) или шире – нарождающееся глобальное гражданское общество. Как, опять же, констатирует П. Ханна, «... представление о том, что правительства занимаются «высокой политикой», а НПО «просто заполняют ниши», не просто устарело, но даже оскорбительно. НПО – это буксиры прогрессивной дипломатии, которые тащат за собой баржи правительств и международных организаций в нужном направлении...» [2, с. 35].

Современная литература, посвященная глобальному гражданскому обществу, описывает его как «арену», «пространство», «поле» или «среду» для «организованной социальной жизни», «гражданской активности» индивидуальных и коллективных акторов, «чьи действия добровольны и вырабатываются, поддерживаются, регулируются, а также ограничиваются самим актором» [3; 8; 17; 18; 19]. В большинстве определений глобального гражданского сообщества подразумевается некая пространственная ограниченность, однако границы эти, как правило, довольно расплывчаты, поскольку ограничивающим фактором в этом случае выступают не государство и не глобальный рынок, а нечто третье. И поэтому, как считает ряд исследователей, «...глобальное гражданское сообщество обладает отдельным и самостоятельным *raison d'être* (смыслом существования), делающим его отличным от государственных систем и глобального рынка» [7; 16; 20].

Термин «глобальное гражданское общество» используется для обозначения «развивающейся социальной материи, принимающей формы международных неправительственных организаций, транснациональных неформальных сетей, групп защиты интересов и социальных движений» [6, с.342]. В современных условиях даже неправительственные организации национально-

го уровня выступают как часть глобального гражданского общества. Многие из них действуют как «агенты, имеющие возможность осуществлять социальные и политические изменения на глобальном уровне, что позволяет рассматривать их в качестве участников глобального гражданского общества, а именно: саморегулируемой системы сетей из индивидов и гражданских организаций, взаимодействующих вне национальных границ и систем нормативов, верований, установленных порядков и кодексов, регулирующих эти взаимодействия» [14, с. 26]. Таким образом, глобальная активность может способствовать решению чисто национальных проблем. Таким примером может служить движение Запатиста в Чьяпасе, повстанцы которого с 1993 года находились в состоянии конфронтации с мексиканскими властями. Острота их противостояния начала идти на убыль только после того, как в складывающуюся ситуацию вмешались представители международных правозащитных организаций, которые помогли коренному населению отстоять земли, принадлежащие аборигенам [1, с. 15]. Данный пример хорошо отражает главную особенность глобального гражданского общества, которая заключается в отсутствии четкой территориальной привязки его участников. Как правило, они могут проводить мероприятия, отвечающие их убеждениям, на территории другого государства в качестве поддержки национальных общественных объединений. Многие указывают, что они действуют глобально, заставляя глобальные организации искать ответы на глобальные вызовы, осуществлять реализацию прав и норм, гарантированных гражданам международными договорами и соглашениями, действуя на основе единого глобального сознания, объединяющего участников [10; 11].

Наиболее заметными представителями формирующегося глобального гражданского общества можно назвать девять основных групп, которые выделяет организация ООН в рамках программы «Повестка дня на XXI век» [5]. Это коренные народы, женщины, дети и молодежь, фермеры, трудящиеся и профсоюзы, бизнес и предпринимательство, местные власти, научно-техническое сообщество, неправительственные

организации (НПО). Этот список можно также дополнить группой мигрантов. В последнее время они проявляют особую активность в борьбе за узаконивание их статуса и легитимации свободного передвижения. Так, если проанализировать деятельность этой группы в период с 2010 г. по 2012 г., проводимую в рамках подготовки глобального гражданского общества к конференции «Рио+20», то можно наблюдать, что доля мероприятий, инициируемых данной группой, составляет 28% из всех проводимых мероприятий за этот период (Рисунок 1). Кроме того, нужно отметить,

что в выделяемую группу НПО могут входить все перечисленные группы. Согласно международной классификации некоммерческих организаций, НПО, по основанию выполняемой ими деятельности, разделяются на следующие 12 групп: культура и рекреация, образование и исследования, здравоохранение, социальные услуги,

окружающая среда, развитие и жилищная сфера, политическая, правозащитная и иная общественная деятельность, филантропия и поощрение добровольной деятельности, международная деятельность, религия, деловые и профессиональные ассоциации, союзы и всеохватная группа «не включенные в другие категории». Эти двенадцать групп разбиваются еще на 30 подгрупп [9, с. 27]. По сути, данная группа охватывает практически все сферы деятельности общества, что позволяет им выходить за рамки границ одного государства.

Несмотря на то, что глобальное гражданское общество находится в стадии формирования, его возрастающее влияние на мировую

политику становится все более очевидным. Все чаще международным бизнес-ассоциациям, гражданским группам, неправительственным организациям и профсоюзам удается продвигать свои интересы на разных уровнях управления. Трансграничные группы содействия развитию контактируют с местными органами власти развитых стран. Различные женские объединения взаимодействуют с органами ЕС на региональном уровне. Некоторые федерации профсоюзов поддерживают контакты с международными экономическими институтами, такими как МВФ

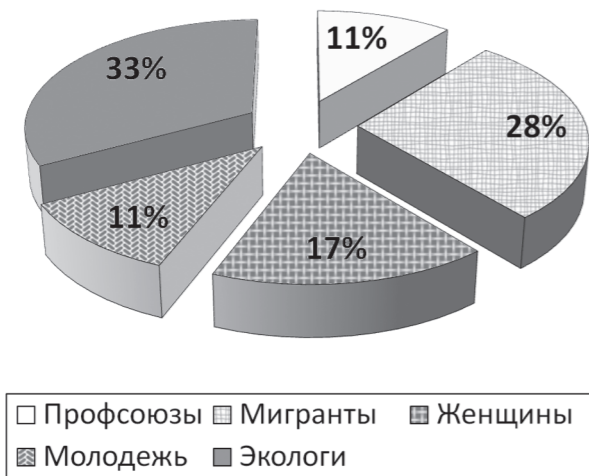

Рисунок 1 – Общее количество мероприятий, проводимых участниками Народного саммита за социальную и экологическую справедливость за 2010–2012 гг.

и ВТО. Во многом это связано с одной из тенденцией современного мира – сокращением роли государства в социальной и экономической сферах. Государство уже не рассматривается в качестве главного регулятора процессов, происходящих в данных областях, а функции, которые оно некогда выполняло, стали переходить

в сферу деятельности других акторов, представленных, в том числе, международными институтами.

Главным препятствием для расширения участия глобального гражданского общества в работе этих институтов многие называют практикуемую ими политику аккредитации [4, с. 17]. Аккредитация, как правило, означает наличие требований, предъявляемых общественным объединениям со стороны международных организаций, которым данные объединения должны соответствовать, чтобы иметь право на равных участвовать в мероприятиях, проводимых международным учреждением. Среди неправи-

тельных организаций сложилось мнение, что получить аккредитацию в международных институтах сложно из-за невыполнимых требований и склонности международных учреждений аккредитовать только те НПО, которые лояльно относятся к их деятельности. Однако зачастую эта проблема преувеличивается. Процесс упрощения правил аккредитации начала организация ВТО, в результате чего произошло увеличение количества НПО, имеющих право на равных участвовать в мероприятиях данного учреждения. Так в 1996 году на Сингапурской министерской встрече было аккредитовано 108 организаций [12], в 2009 году в Женеве – уже 435 [13].

Взаимодействие международных организаций с бизнес-кругами и неправительственными организациями зачастую помогает этим организациям легитимизоваться и набрать политический вес. Так, многолетняя критика ЕС в том, что Союз мало соответствует демократическим принципам, привело к тому, что в основополагающий договор ЕС был введен инструмент прямой демократии: Европейская Гражданская Инициатива [15], которая позволяет миллиону граждан из четверти стран-участников (на данный момент, это семь государств) возможность «попросить» Европейскую Комиссию выработать законопроект по вопросам, входящим в круг её компетенций (например, по вопросам защиты прав потребителей, экологическим нормативам или условиям труда). Окончательное решение, создавать ли такой законопроект, остается за Европейской Комиссией, но, в случае если решение отрицательное, она должна объяснить свою позицию, выпустив соответствующее сообщение.

Понятие «глобальное гражданское общество» еще не устоялось в научном мире. Во многом этому была причиной размытость понятия самого «гражданского общества». Однако, на сегодняшний день отрицать его постепенное формирование не представляется возможным. Оно охватывает огромное количество групп населения, борющихся за свои права и стремящихся внести порядок в теряющий управляемость мир. Насколько же его потенциальное влияние

будет обширно, будет зависеть от активности и заинтересованности населения в решении накапливающихся проблем современности и готовности властей идти навстречу инициативам общественности.

1. Журенков К. Любовь и ненависть антиглобализма // Огонек. 2001. № 32. 15–18 с.
2. Ханна П. Как управлять миром. М.: Астрель, 2012. 320 с.
3. Cohen J., Arato A. Civil Society and Political Theory. Cambridge: The MIT Press, 1993. 771 p.
4. Colas A. International Civil Society: Social Movements in World Politics. Cambridge, 2002. 219 p.
5. Earth Summit and Agenda 21. [Electronic resource]. URL: <http://www.fao.org/sard/en/sard/2070/2071/index.html> (дата обращения: 04.06.2013).
6. Etzioni A. The Capabilities and Limits of the Global Civil Society // Millennium: Journal of International Studies. 2004. Vol. 33. № 2. 341–353 p.
7. Falk R. Global Civil Society: Perspectives Initiatives, Movements // Oxford Development Studies. 1998. Vol. 26. Issue 1. 99–110 p.
8. Global Citizen Action / Ed. By M. Edwards, J. Gaventa. Boulder (CO), 2001. 328 p.
9. Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts / UN: Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. 2003. № 91. 316 p.
10. Global Civil Society / Eds. By H. Anheier, M. Glasius, M. Kaldor. Oxford University Press, 2001. 241–254 pp.
11. Lipschutz R. Reconstructing World Politics: The Emergence of Global Civil Society // Millennium: Journal of International Studies. 1992. Vol. 21. № 3. 389–420 pp.
12. List of NGO's who attended in Singapore. [Electronic resource]. URL: http://www.wto.org/english/forums_e/ngo_e/ngosin_e.htm (дата обращения: 01.12.2013).
13. NGO participation in Ministerial Conferences. [Electronic resource]. URL: http://www.wto.org/english/forums_e/ngo_e/ngo_e.htm (дата обращения: 01.12.2013).
14. Omelicheva M.Y. NGOs as Agents of Democratic «Global Civil Politics» // APSA Paper. 2003. 28–31.08. 1–32 pp.
15. Regulation (EU) No 211/2011 of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 on the citizens' initiative // Official Journal of the European Union. 11.03.2011.
16. Robinson F. Human Rights Discourse and Global Civil Society: Contesting Globalization? [Electronic resource]. URL: <http://isanet.ccit.arizona.edu/noarchive/robinson.html> (дата обращения: 01.12.2013).
17. Scholte J.A., O'Brien R., Williams M. The WTO and Civil Society // Journal of World Trade. 1999. Vol. 33. No. 1. 107–123 pp.
18. Toward a Global Civil Society / Ed. M. Walzer. N.-Y., 2003. 341 p.
19. Warkentin C. Reshaping World Politics: NGOs, the Internet and Global Civil Society. Lanham (MD), 2001. 209 p.
20. White G. Civil Society, Democratization and Development (1): Clearing the Analytical Ground // Democratization. 1994. Vol. 1. Issue 2. 375–390 pp.

1. Zhurenkov K. Lyubov' i nenavist' antiglobalizma // Ogonek. 2001. № 32. 15–18 c.
2. Xanna P. Kak upravlyat' mirom. M.: Astrel', 2012. 320 c.
3. Cohen J., Arato A. Civil Society and Political Theory. Cambridge: The MIT Press, 1993. 771 p.
4. Colas A. International Civil Society: Social Movements in World Politics. Cambridge, 2002. 219 p.
5. Earth Summit and Agenda 21. [Electronic resource]. URL: <http://www.fao.org/sard/en/sard/2070/2071/index.html> (data obrashheniya: 04.06.2013).
6. Etzioni A. The Capabilities and Limits of the Global Civil Society // Millennium: Journal of International Studies. 2004. Vol. 33. № 2. 341–353 p.
7. Falk R. Global Civil Society: Perspectives Initiatives, Movements // Oxford Development Studies. 1998. Vol. 26. Issue 1. 99–110 p.
8. Global Citizen Action / Ed. By M. Edwards, J. Gaventa. Boulder (CO), 2001. 328 p.
9. Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts / UN: Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. 2003. № 91. 316 p.
10. Global Civil Society / Eds. By H. Anheier, M. Glasius, M. Kaldor. Oxford University Press, 2001. 241–254 pp.
11. Lipschutz R. Reconstructing World Politics: The Emergence of Global Civil Society // Millennium: Journal of International Studies. 1992. Vol. 21. № 3. 389–420 pp.
12. List of NGO's who attended in Singapore. [Electronic

- resource]. URL: http://www.wto.org/english/forums_e/ngo_e/ngosin_e.htm (data obrashheniya: 01.12.2013).
13. NGO participation in Ministerial Conferences. [Electronic resource]. URL: http://www.wto.org/english/forums_e/ngo_e/ngo_e.htm (data obrashheniya: 01.12.2013).
14. Omelicheva M.Y. NGOs as Agents of Democratic «Global Civil Politics» // APSA Paper. 2003. 28–31.08. 1–32 pp.
15. Regulation (EU) No 211/2011 of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 on the citizens' initiative // Official Journal of the European Union. 11.03.2011.
16. Robinson F. Human Rights Discourse and Global Civil Society: Contesting Globalization? [Electronic resource]. URL: <http://isanet.ccit.arizona.edu/noarchive/robinson.html> (data obrashheniya: 01.12.2013).
17. Scholte J.A., O'Brien R., Williams M. The WTO and Civil Society // Journal of World Trade. 1999. Vol. 33. No. 1. 107–123 pp.
18. Toward a Global Civil Society / Ed. M. Walzer. N.-Y., 2003. 341 p.
19. Warkentin C. Reshaping World Politics: NGOs, the Internet and Global Civil Society. Lanham (MD), 2001. 209 p.
20. White G. Civil Society, Democratization and Development (1): Clearing the Analytical Ground // Democratization. 1994. Vol. 1. Issue 2. 375–390 pp.

GLOBAL CIVIL SOCIETY: THE CONCEPT AND ITS STRUCTURE

Kubankina Elena Sergeevna,

Far Eastern Federal University,
School of regional and international studies,
chair of political science,
graduate student,
E-mail: kubankina.es@yandex.ru

Annotation

Global challenges are forced to unite representatives of civil society around the world searching ways to resolve them. As a result, new forms of civic organization and strategy appear at the global level that changes our understanding of the modern world and the possibilities of civic engagement.

Key words:

civil society, global civil society, international relations.

ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ ОТКРЫТЫХ И СКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Демидов Валерий Викторович,

Сибирский институт управления – Филиала РАНХиГС при Президенте РФ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных основ государственной службы,
г. Новосибирск, Россия,
E-mail: demid1954@yandex.ru

Аннотация

Сообщение посвящено проблеме взаимодействия открытых и скрытых источников в информационно-аналитической деятельности. На основе фактов и примеров утверждается, что секретные сведения и открытая информация взаимоувязаны. На деле они сливаются в единое целое, а сбор и анализ различной информации продолжает оставаться в числе главных аспектов внешнеполитической работы.

Ключевые слова:

информация, открытые и скрытые источники, взаимодействие и соотношение источников, разведка и спецслужбы, аналитики и эксперты.

Согласно заключению Дж. Ная существуют три механизма, с помощью которых добиваются желаемого от других людей или государств. Мы можем, во-первых, принуждать их выполнять наши указания, во-вторых, покупать их согласие вести себя желаемым для нас образом и, в-третьих, добиваться того, чтобы они сами стремились, сделать то, чего мы от них хотим. Такое возможно, считал Дж. Най, если наши цели окажутся привлекательными, и именно способность достичь желаемого через привлекательность он и называет специальным термином «гибкая политика». Естественно, что последнее требует соответствующую организацию информационно-аналитических мероприятий, особенно в интеллектуальном переходе от soft power к smart power. В частности, это касается работы с открытыми и скрытыми источниками информации и учета их взаимодополняемости.

Известно, что информационные потенциал и возможности, которые открываются при обработке открытых источников, чрезвычайно

велики. Однако они без учета и дополнения скрытых данных вряд ли могут дать представление о полноте картины. Отсюда во весь рост стоит проблема их взаимного дополнения. Во все времена спецслужбы мира большую часть разведывательной информации черпали из открытых источников. Аналитики, специализирующиеся в области разведки, утверждают, что из газет, журналов, докладов зарубежных «мозговых центров», материалов научных конференций и т. д. можно получить все сведения, необходимые для представления достаточно широкой картины о событиях, происходящих в зарубежных странах в самых различных областях, начиная с политики и заканчивая военным производством.

В странах Запада, где налогоплательщик требует подробного разъяснения на что и с какой целью тратятся его деньги, военные и политики вынуждены обнародовать массу разнообразных сведений. Подобные обзоры являются открытыми публикациями и не содержат в себе данных из особо охраняемых источников, например

сообщений агентурной разведки. Тем не менее, понятно, что разделы доклада, адресованного Конгрессу США, исходя из требований американского законодательства, едва ли могут находиться в прямом противоречии с имеющейся у Пентагона секретной информацией по бюджету.

Американские спецы всегда тщательно исследовали тексты официальных выступлений высших должностных лиц Советского Союза. Анализ формально-структурных особенностей этих текстов позволял вскрывать противоречия в советском руководстве. Сегодня конфиденциальные когда-то данные политического характера из России можно запросто добыть в режиме реального времени из передач спутникового телевидения CNN или же почерпнуть из публикаций российской прессы. Следует подчеркнуть, что без изучения открытых источников немислима дальнейшая исследовательская или разведывательная деятельность, которая затем продолжается с помощью агентуры или информаторов. «Сотрудники нелегальной разведки, – писал об этом один из теоретиков американской разведки Ш. Кент, – не будут знать, что нужно искать, если не используют в значительной мере те данные, которые сотрудники этой или другой резидентуры собрали из открытых источников. Выявление объектов разведки, сообщение о них начинается на основе разведывательной деятельности, протекающей открыто и свободно» [1, с. 124].

В сферу интересов разведки на основе анализа открытых источников информации входят добытие и обработка официальных документов, проектов военных уставов и наставлений, отслеживание новых научных разработок, баз данных, коммерческих и государственных интернет-сайтов, сетевых дневников и многого другого, что стало доступно в информационной войне. С формированием в США Национального центра разведки на основе анализа открытых источников информации его специалисты в сутки готовят более двух тысяч документов, включая переводы, аналитические обзоры, видеоподборки, карты и т. д. Добавим, что наибольшую сложность в ходе разведывательной деятельности на основе анализа открытых источников

информации вызывает возможность проведения противником мероприятий по дезинформации. Специалисты считают, что при всей уникальности «дела WikiLeaks» по опубликованным документам почти невозможно судить о реальном положении дел во внешнеполитическом ведомстве США. «Любой историк или архивист, – замечал один из ведущих специалистов в США по проблемам государственной тайны С. Афтегуд, – скажет вам, что далеко не все, что можно прочитать в официальных бумагах, является правдой. Особенно если речь идет о секретных документах».

По его мнению, лучше всего оценил утечку WikiLeaks признанный мастер поиска секретной информации. Его мысли С. Афтегуд процитировал так: «Считается, что любой документ, к которому удалось получить доступ журналисту, обладает особой ценностью. Но это всего лишь заблуждение. Вот, например, бумага из переписки американского посольства в Аммане. Возможно, это черновик доклада, может быть, первая версия, а возможно, и финальный меморандум. Мы не знаем, кто писал этот документ: опытный дипломат или стажер, которого обуревают яркие идеи. Даже если у вас в руках оказались прямые указания послу, подписанные госсекретарем США в прошлый вторник, мы не можем сказать, действуют ли эти инструкции и сегодня. Короче говоря, любые умозаключения можно сделать только, если вы имеете дело не с отдельным документом, а с непрерывным потоком информации, снабженным к тому же всеми необходимыми пояснениями и аннотациями». Это цитата из книги советского разведчика К. Филби «Моя тайная война», известная на Западе еще с 1968 г. Эксперт С. Афтегуд твердо считает: с тех пор мало что изменилось.

Применяемая ныне в США комбинация современных технологий позволяет сотрудникам разведки получать доступ к огромным массивам сведений, необходимых для оценки ситуации, осуществления контроля за обстановкой и удовлетворения потребностей органов управления в данных, необходимых для принятия обоснованных и правильных решений. Похожим путем идут все развитые страны, в том числе и Китай.

Разведка призвана добывать сведения, которые тщательно скрыты от постороннего взгляда. В Интернете, вполне понятно, их вряд ли найдешь. «Если секретная служба, – поучал А. Даллес, – намерена получить сведения не только о численности вооруженных сил противника и их оснащении, но и о его планах и намерениях, нет смысла отсиживаться в кустах или подглядывать через заборы; не обеспечит никакой полноты информации даже использование воздушной и космической разведок. Необходимо проникнуть, попросту говоря, в логово противника и разобраться во всем изнутри, овладев его важнейшими планами и документами» [2, с. 19].

Оглянемся вокруг. В непосредственной близости от так называемой демилитаризованной зоны на границе двух Корей очень много артиллерийских позиций. Особенно – на расстоянии действенного огня дальнобойной артиллерии по южнокорейской столице – Сеулу, которому явно «не повезло» оказаться близко от границы. Все это тщательно замаскировано. Так что данные аэрофотосъемки почти бесполезны. В умении играть в прятки корейцы «собаку съели», да и опыт войн США в 1990-х годах они изучили и осознают ценность мер дезинформации и маскировки.

В довершение к сюжету, гуляет по бульварной прессе распространенное убеждение, что спутниковая разведка очень эффективна. Его ставит под сомнение тот факт, что большую часть «целевой информации» по Ираку перед войной 2003 г. американцы получили не от спутниковой группировки или авиаразведки. Она пришла от официально работавших в Ираке источников из Комиссии ООН по иракскому оружию массового уничтожения, т. е. от «легальной» и не очень разведки.

Основная задача аналитика из спецслужбы заключается в том, чтобы с большой долей точности определять вероятное развитие событий, за которыми он наблюдает, оперативно улавливать направления и импульсы развития событий. Другой аспект состоит в том, что эксперт должен обладать умением находить скрытый смысл в «белой» или открытой документации и тем самым превращать ее в «серую», требующую

дальнейшей разработки. И тут следует учитывать маленький нюанс. «Какова бы ни была ценность документации, – пояснял французский разведчик К. Мельник, – «белой» или «серой», с ней не сравнится «черная» – поступающая из «человеческих» источников» [3, с. 443].

То же самое касается и новых видов вооружений. Полагают, что на современном этапе информацию политического, экономического и даже военного характера легко добыть, совсем не тратя солидные средства на организацию шпионских сетей. Ее можно, не напрягаясь и за не очень большие деньги, получать от компаний, занятых, в частности, в сфере лоббирования. Россия, как утверждает на страницах «Независимого военного обозрения» аналитик В. Иванов со ссылкой на зарубежных специалистов, является одной из тех стран, которые прибегают к услугам лоббистских фирм, где трудятся бывшие довольно высокопоставленные сотрудники американского разведывательного сообщества. Они имеют тесные контакты с действующими сотрудниками разведывательного сообщества США и знают многие секреты и повадки тайных служб, а также потенциально способны предоставлять иностранным государствам необходимые данные. Тем более что те вовсе не лежат за семью печатями, а носят практически открытый характер.

Бывшие специалисты спецслужб просто обладают навыками сбора и обработки такой информации, а из данных, разбросанных по различным источникам, способны создать ясную и достоверную паутину интересующих их клиентов вопросов. Именно поэтому, как утверждают заокеанские аналитики, некоторые крупные российские компании, например, «Газпром», вместо того, чтобы обращаться за нужными сведениями к соответствующим структурам отечественных спецслужб, весьма активно используют в своих интересах юридическую американскую фирму Venable и лоббистскую компанию Gavin Anderson, а «Росатом» просто имеет прямые контакты маркетинговой компанией Arco Worldwide и фирмой White and Case.

Получив представление о значении открытых источников информации, можно спро-

силь, как туда попадают сведения, составляющие, по мнению военных экспертов, гостайну. Выясняется, что в число разгласителей данных о дислокации и действительных наименованиях подразделений входят высшие чиновники, военачальники, командующие частями, губернаторы разных регионов и, конечно, журналисты. Так, в газете «Красная звезда» за 27 июля 2006 г. была опубликована заметка под названием «Неизвестный полигон» в сопровождении карты, где именно находится упомянутый «секретный объект».

Естественно, когда аналитики пытаются оценить процентный состав открытой документации в общей массе добываемых сведений, они учитывают лишь объем, но не качество. К примеру, германский Пуллах получал из открытой печати, прежде всего из газет, 1,5 млн. сообщений в год. Для сравнения «человеческие источники» давали лишь 80 тыс. донесений. К ним добавлялось около 12 тыс. депеш послов, а также информации из банков и других контор. Понятно, что бывали и такие ситуации, когда один процент в виде важной шифрограммы, искомая «золотая крупинка», перевешивал девяносто девять процентов пустого «песка».

Во время войны, а сегодня мир в состоянии войны с международным терроризмом, «черная» информация становится еще более актуальной. Не потому, что открытая документация истощается по причине мер безопасности, предпринимаемых тоталитарными режимами, схожими с режимом Саддама Хусейна, который не опубликовал ни строки о потенциальном оружии массового уничтожения, а в связи с тем, что даже самая лучшая открытая документация не в состоянии ответить на жизненно важные для разведки вопросы: «когда?», «где?» и «как?».

Возникает вполне резонный вопрос о соотношении открытых и скрытых источников информации и степени их взаимодополнения. Легендарный аналитик ЦРУ, уже упомянутый Ш. Кент, который в США считается отцом аналитической разведки, еще в 1947 г. утверждал, что в мирное время до 80% информации, необходимой политикам для принятия решений, доступно из открытых источников. С ним были

солидарны и высшие чины американской разведки. По заявлению Р. Хилленкеттера, бывшего в 1948 г. директором центральной разведки США, 80% разведывательной информации получалось из таких обычных источников как иностранные книги, журналы, научные и технические обзоры, фотографии, данные коммерческого анализа, газеты, радиопередачи, а также из общих сведений, полученных от лиц, имеющих представление о делах за границей.

Позднее экс-руководитель разведуправления министерства обороны США генерал С. Уилсон дал еще более высокую оценку, отметив, что 90% разведанных приходит из открытых источников и только 10% – за счет работы агентуры. В этой связи настоящим героем-разведчиком, по его убеждению, становится не Джеймс Бонд, а Шерлок Холмс. Ныне этот потолок поднят в США до 95%. Правда отдельные американские специалисты утверждают, что заокеанские спецслужбы еще не в полной мере используют все возможности этого весьма дешевого и эффективного способа добывания данных.

Дипломаты, а тем более сотрудники спецслужб, не скрывают, что они обязательно учитывают открытые данные, опубликованные на сайтах Мировой паутины или на страницах печатных изданий. Это нужно им для составления более полной картины происходящих в мире событий, их анализа и уточнения. «А открытая литература, – свидетельствовал бывший министр иностранных дел Казахстана К.К. Токаев, – самый надежный источник информации. Опытные дипломаты и разведчики охотно подтвердят этот тезис» [4, с. 19].

Правда, так бывало не всегда. Случались и ошибки. Советский Генштаб, опираясь на данные ГРУ, традиционно завышал мобилизационные возможности и степень мобилизационной готовности потенциала своих противников и, прежде всего, США в 1960–70-е годы. ГРУ преувеличивало реальные возможности промышленности штатов, едва способной в это время к выпуску полутысячи танков в год, примерно в сто раз. Аналогично, в десятки и более раз, завышался мобилизационный потенциал американского ВПК и по производству других

видов вооружений. Столь же преувеличенными оказались и данные, определяющие мощности военно-промышленного комплекса Западной Европы.

ГРУ и Генштаб не только проигнорировали изменения, происшедшие в состоянии мобилизационной готовности промышленности стран НАТО, но и начали резко увеличивать свои оценки мобилизационных мощностей стран блока. «Думаю, – писал эксперт В. Шлыков, – что в истории современной разведки других просчетов подобного масштаба найти непросто. И это при том, что... имелось достаточное количество вполне доступной информации, убедительно показавшей, что ни больших резервных мощностей, ни повышенной готовности к мобилизационному развертыванию у военной промышленности стран Запада не было. Имелись в ГРУ и вполне достоверные документы, добытые агентурным путем, подтверждавшие данные открытой печати» [5].

Можно смело утверждать, что секретные сведения и открытая информация взаимоувязаны и на деле сливаются в нечто единое. Проводить

политический курс в формате soft power исключительно на одних секретных данных, не сопоставляя их с открытыми и официальными документами вряд ли было бы разумным и эффективным. Отсюда сбор и анализ разнообразной информации продолжает оставаться в числе главных аспектов внешнеполитической работы.

1. Вайда П. Опасный враг. М., 1988.
2. Великие шпионские истории от Аллена Даллеса. М., 2004.
3. Мельник К.К. Современная разведка и шпионаж. М., 2009.
4. Токаев К.К. Преодоление. Дипломатические очерки. Алматы, 2003.
5. Шлыков В. В мобилизационном угаре // Военно-промышленный курьер. 2010. 21–27 июля.

1. Vajda P. Opasnyj vrag. M., 1988.
2. Velikie shpionskie istorii ot Allena Dallesa. M., 2004.
3. Mel'nik K.K. Sovremennaya razvedka i shpionazh. M., 2009.
4. Tokaev K.K. Preodolenie. Diplomatische ocherki. Almaty, 2003.
5. Shlykov V. V mobilizacionnom ugare // Voennopromyshlennyj kur'er. 2010. 21–27 iyulya.

COMPLEMENTARITY OF OPEN AND CONCEALED SOURCES OF FOREIGN-POLICY INFORMATION IN ANALYTICAL WORK

Demidov Valerii Victorovich,

Siberian Institute of Management – the Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Doctor of History, full professor,
Head of the Chair of Humanitarian Basis of Public Administration,
Novosibirsk, Russia,
E-mail: demid1954@yandex.ru

Annotation

The report is devoted to the problem of complementarity and correlation of open and concealed sources in information-analytical activities. Facts and examples show that open information and secret information are interrelated. Actually they merge into the comprehensive whole. Collecting and analysis of different information remain the main aspects of foreign-policy work.

Key words:

information, open and concealed sources, complementarity and correlation of sources, foreign intelligence services, analysts and experts.

УМ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА: БЛАГО ИЛИ БРЕМЯ?

Мулляр Лилия Анатольевна,

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Кавказский институт, профессор, доктор философских наук, доцент, г. Пятигорск, Россия, E-mail: mullyar@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются условия, при которых образование и науку можно считать элементами soft power.

Ключевые слова:

ум, образование, наука, образованный человек (образованность), научность.

Для того чтобы позиционировать образование и науку в качестве пространства становления Умного человека и ресурсов осуществления soft power, необходимо, как нам представляется, прояснить некоторые принципиально важные моменты, характеризующие данные феномены.

Образование или образованность? Существует несомненное и объективное различие между человеком, имеющим образование, и человеком образованным. Первый вариант обременён приоритетом формального статуса и количественно измеряемого результата обученности. Человек затратил некоторый, возможно большой, объем времени и усилий, чтобы накопить знания. И вот он – счастливый обладатель фактов, формул, правил, что подтверждено официальным государственным документом – аттестатом или дипломом с оценками, из которых можно вывести средний балл. Второй вариант может также быть формализован или не формализован (незаконченное образование, самообразование), но в этом случае главное – содержательная, качественная составляющая: умение оперировать накопленными знаниями, умение сомневаться и критически оценивать реальность. Данные умения трудно или невозможно измерить в баллах и процентах, но именно они дают право на статус Умного человека,

поэтому образованность и ум, на наш взгляд, синкретичны. В подкрепление своей позиции обратимся к признанным авторитетам, например, к Э.В. Ильенкову: «Ум можно определить как способность выносить суждение о единичном факте с высоты усвоенной общей культуры... чем выше культура (запас усвоенных знаний, общих истин), тем больше простора для обнаружения ума. Но если нет способности (умения) самостоятельно соотносить этот запас с индивидуально неповторимой ситуацией – ума нет вообще. Есть его отсутствие – глупость. Даже при огромном запасе знаний» [1, с. 25]. К сожалению, приходится констатировать, что система современного российского школьного и вузовского образования ориентирована на количественный показатель, на создание определенного запаса знаний, который формально (посредством разнообразных тестирований) проверяется и удостоверяется, но который, зачастую, «не работает». Российская действительность «старается соответствовать» системе российского образования и предъявляет человеку требование наличия задокументированного образования, что само по себе понятно и нормально. Плохо другое: снимаются содержательные требования и, какие бы то ни было, сомнения в качестве образования, складывается стереотип

его внешней престижности, что обеспечивает обладателю диплома претензию на «положение в обществе». То есть, повсеместно формализованно «образовывая» граждан в школе, а затем, сделав легко доступным обучение в вузе, социум получил «обратный эффект» – не образованного, а получившего образование Посредственного человека, множество Посредственностей, «людство» в терминологии М. Хайдеггера. Социальные впечатления обеспечивают правомерность предположения о том, что такая ситуация имеет свои латентные выгоды для управленческих структур разного уровня. Имеющее образование «людство», Посредственный человек не вникают в значения реальности, некритично принимают решения «сверху», готовы следовать «партийной линии», одобряют и приветствуют любые начинания власти. А если в менталитете «людства» преобладает эмоциональная оценка действительности (как, например, в российской ментальности), то отношение к нему как к *коммуникативному объекту воздействия* тем более становится оправданным, удобным и безопасным. Причем, как для системы управления, так и для Посредственного человека: власть застрахована от проявлений soft power, среднестатистический гражданин освобожден от необходимости проявлять soft power, от бремени персональной инициативности и персональной ответственности. Весьма показательна ситуация с отношением к Олимпийским играм. Вопрос о проведении Олимпиады в Сочи в 2014 российская власть с гражданами не обсуждала, общенациональный референдум не проводился. При этом значительная часть имеющего образование населения России эмоционально и безоговорочно одобрила готовое решение власти (в подобной же ситуации в ряде европейских стран – Германии, Польше, Швеции – прошло предварительное выяснение мнения населения на предмет возможного проведения очередных Олимпийских игр; рационально обоснованное отрицательное отношение большинства граждан этих стран сделало невозможным выдвижение их в кандидаты на проведение Олимпиады. Что это, как не soft power в действии?). Получается, что наличие образования не является условием

обладания и, тем более, осуществления soft power. А что же образованный Умный человек – исчез, истреблен? Официально – нет, но фактически достоин определения «исчезающий вид». Можно предположить, что эта тенденция не случайна: Образованный и Умный человек серьезно осложняет жизнь власти, поскольку обладает soft power и применяет её. Отношение с ним приходится строить как с *коммуникативным субъектом взаимодействия*, а это неудобно, проблематично и даже опасно. Конечно, Образованность и Ум обязывают, а потому и для человека обременительны, а зачастую неизбежно даже «горе от ума». В тоже время Образованность и Ум являются и неоспоримым благом, поскольку не позволяют успокаиваться, погружают в смыслы, заставляют отказываться от эмоционально заманчивых предложений в пользу рационально прагматичных значений, искать обоснования, сопоставлять, сомневаться и критиковать, не принимать «на веру». Очевидно, что не образование, а именно Образованность и Ум обеспечивают soft power.

Наукообразие или научность? Наукообразие, видимость научности, становятся, к сожалению, явлениями все более распространенными. А связано это все с тем же отсутствием стартовой образованности или намеренной ее подменой наличием образования. Ситуация, пролонгированная в научную сферу, порождает приоритет формальной учености в виде задокументированных степеней и званий. «Процент остепенённости» преподавателей как показатель эффективности вуза, наличие ученой степени как неперемное условие карьерного продвижения чиновников разных уровней, наконец, обывательское понимание престижности и статусности, в «джентльменский набор» которого входит ученая степень, создают благодатную почву для наукоподобия. Приверженцам наукообразности следует помнить, как диагноз и как приговор, слова великого И. Канта: «Недостаток способности суждения есть то, что называют глупостью. Но даже тупой и ограниченный ум с помощью обучения может достигнуть учености. Но так как этим людям недостает способности суждения, то не

редкость встретить очень ученых людей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток (глупость)» [2, с. 197]. Вряд ли посредственных «ученых людей» и их наукообразные претензии позволительно оценивать как элемент soft power. В тоже время, считаем, что правомерно акцентировать внимание на некоторых признаках истинной научности, обеспечивающих soft power и возможность её актуализации в определенной социальной ситуации:

– наличие объекта и предмета, *действительно* нуждающихся в глубоком изучении, организованном, возможно, в неожиданном ракурсе;

– проблемность в ранге *провокации интелекса*, которая является необходимым «стартом» когнитивного процесса и «подпиткой» исследовательского тонуса;

– актуальность исследования, которая «по определению» исключает надуманное «мелкотемье» и связана с *реальными потребностями*, как самой науки, так и социума или одной из его сфер, с неременной возможностью экстраполяции основных выводов, рекомендаций, тенденций;

– парадигмальность, которая кумулятивистскому подходу последовательно развивающегося познания противопоставляет куновскую идею о периодической коренной трансформации научного массива и смене ведущих научных моделей / парадигм новыми, на первый взгляд, странными и даже сомнительными, но со временем подтверждающими свою жизнеспособность и значимость;

– методологическая смелость, когда стандартным и выверенным методам познания предпочитают методологический плюрализм, например, в духе П. Фейерабенда (принцип «*все дозволено*»), совершенно неприемлемый в наукообразном формализованном процессе, стремящемся «соответствовать...»;

– диалектичность, которая позволяет преодолеть или минимизировать волонтаризм, столь характерный для тяготеющих к метафизичности наукообразных «ученых людей»;

– обоснованность новизны утверждений и концепций предполагает наличие доказательной базы, придающей понятность и надежность оценкам и прогнозам и превращающей созданный интеллектуальный материал в инструмент soft power; следует отличать формальную научную новизну, за которую при помощи наукообразных выражений выдают давно известные истины или которую зачастую ищут там, где её попросту нет. Такая «наука» мало интересна, а потому поверхностна, бессильна и бесперспективна;

– ясность высказываний и рассуждений исследования, когда четко определены основные концепты, выстроена логика и концептуальная связность текста, который искусственно не осложнен витиеватыми изречениями и терминологией ради того, чтобы произвести впечатление; ведь, как правило, там, где начинаются теоретические хитросплетения и понятийная напыщенность, исчезает системность и доказательность, ясность и понятность, а вместе с ними – и научность, чье место тут же занимает наукообразность.

Наука / научность как элемент soft power вовсе не означает, что только изобретения и открытия фундаментального мирового масштаба делают ученого выдающимся и обеспечивают soft power. Изыскание может быть локальным и прикладным. Речь, прежде всего, должна идти об уникальности, оригинальности *авторского начала* исследований: «Помыслить нечто своё об уже известном» [3, с. 29]. Этот принцип дорогого стоит, именно в нем, по нашему мнению, и заключена суть истинной научности и её несомненная soft power.

Итак, некоторые выводы: ум может быть и благом и бременем; ум и образованность / научность синкретичны; образование и наука в качестве элемента soft power способны влиять на духовную ситуацию в социуме, обеспечить «умственное» измерение антропосоциального бытия, но при условии, что *образованность и научность*, а не схоластическое теоретизирование, займут приоритетное место в культурном пространстве.

1. Ильенков Э.В. *Философия и культура* [Текст] / Э.В. Ильенков. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 464 с.

2. Кант И. *Критика способности суждения*. Сочинения в шести томах [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 161–529.

3. Мамардашвили М.К. *Как я понимаю философию* [Текст] / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.

1. P'enkov E'.V. *Filosofiya i kul'tura* [Tekst] / E'.V. P'enkov. – M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1991. – 464 s.

2. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya. Sochineniya v shesti tomakh* [Tekst] / I. Kant. – M.: Mysl', 1966. – T. 5. – S. 161–529.

3. Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [Tekst] / M.K. Mamardashvili. – M.: Progress, 1990. – 366 s.

MIND FOR PERSON: BLESSING OR BURDEN?

Mullyar Lilia Anatolievna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public administration,
North Caucasian Institute,
Professor, Doctor of Philosophy, the senior lecturer,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: mullyar@mail.ru

Annotation

In the article of Mullyar L.A. «Mind for person: blessing or burden?» there analyzed condition which determine education and science as element of soft power.

Key words:

mind, education, science, educated person, scientific character.

УЧЕНЫЙ КАК СУБЪЕКТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВЛАСТИ

Попова Наталья Геннадьевна,

Институт философии и права УрО РАН,
зав. кафедрой иностранных языков,
кандидат социологических наук,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: ngporova@list.ru

Аннотация

Предлагается использовать концепцию метаязыковой личности для оценки уровня готовности ученого к продуктивной межлингвистической научной коммуникации. Метаязыковая личность характеризуется информационным, формальным и универсальным уровнями развития социокультурных характеристик, которые могут быть использованы как параметр оценки качества «мягкой силы».

Ключевые слова:

межкультурная коммуникация в сфере науки, образование, «мягкая сила», качество человеческого потенциала, языковая личность.

Роль и значение «мягкой силы», или «soft power» в терминологии Дж. Нага, в создании благоприятных условий для социо-экономического развития страны постоянно возрастает. Сегодня практически никакое событие в жизни государства не может произойти без ее воздействия. Фактически, мягкая сила отражает способность общества достигать желаемых целей посредством повышения привлекательности его ценностей в сознании членов других обществ. Именно поэтому пополнение ресурса мягкой силы становится критически важной практической задачей. Одним из важнейших инструментов такого ненасильственного и эффективного воздействия на мир является целенаправленное и проактивное развитие человеческого капитала, способного стать проводником и транслятором национальных ценностей. Только развитая система образования, отвечающая требованиям экономики знаний, способна заложить прочный фундамент для создания конкурентных преимуществ в мировой борьбе за интеллектуальное влияние.

Образование как источник повышения ресурса «мягкой силы» обычно рассматривается в контексте процессов глобализации и интернационализации университетов [5, с. 86]. Опыт таких стран как США, Великобритания, Китай позволяет судить о действенности укрепления

позиций национальных университетов для привлечения иностранных студентов и аспирантов, сдерживания процесса «утечки умов», и, как результат, весомому экономическому и политическому эффекту. Количество студентов и аспирантов, обучающихся за рубежом, стремительно растет. По данным Института статистики ЮНЕСКО в 1999 году их насчитывалось 1,68 млн., а в 2008-м уже 2,9 млн. По прогнозам IDP, организации, занимающейся продвижением австралийского образования, к 2025 году число мобильных студентов и аспирантов достигнет 7,2 млн. человек [6, с. 22]. В Великобритании число аспирантов нерезидентов в 2013 году составило 37 процентов от общей численности поступивших в аспирантуру университетов этой страны [7, с. 27]. Позитивным аспектом данного процесса является тот факт, что социальный капитал, культурная чуткость и мировоззренческие ценности, сформированные за годы образования за рубежом, несомненно способствуют развитию личностных качеств, необходимых субъекту «мягкой силы».

Однако численность национальных студентов и аспирантов университетов и академических институтов всегда превышает численность мобильных студентов. Особенно активно вовлечены в международные контакты оказываются те, кто занимаются научной работой. В конечном

итоге, именно они становятся агентами «мягкой силы». Способность научных кадров к коммуникации в международном контексте может рассматриваться параметром качества человеческого потенциала, и, как следствие, параметром качества «мягкой силы» государства. Поэтому изучение характеристик ученого как субъекта такого воздействия на действительность представляется интересной исследовательской задачей.

Наука как вид деятельности невозможна без интеграции в международный контекст. Решение крупных исследовательских задач требует огромных материальных затрат и координации усилий ученых всего мира. Один из принципов научного познания, предложенных Р. Мертоном, универсализм, предполагает оценку результатов работы ученого только в свете ее научных достоинств, без учета личностных характеристик – расы, национальной принадлежности, языка.

Тем не менее, любой ученый – это, прежде всего, языковая личность, то есть носитель ментальности, картины мира и ценностных ориентаций, обусловленных характерной для данной культурной общности системой языковых и ментальных кодов. Он склонен придерживаться определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм. Следует признать, что, участвуя в коммуникативных ситуациях (как устных, так и письменных), его поведение будет продиктовано принципом Р. Мертона не в первую очередь.

Помимо этого нельзя забывать, что для реализации этого признака необходимо изложение научного труда на языке, понятном коллегам. Поэтому ученый, как субъект «мягкой силы», помимо сугубо профессиональных компетенций, должен обладать высоким уровнем иноязычной коммуникативной компетенции, достаточной для осуществления эффективной межлингвистической коммуникации. Под межлингвистической коммуникацией понимается не только обмен информацией посредством создания общего смысла, но и организация совместных действий, позволяющая партнерам реализовать некоторую общую для них деятельность. Общей сигнальной системой в такого рода коммуникации выступает язык, неродной для каждой коммуникативной стороны (сегодня чаще английский в силу сложившихся исторических обстоятельств).

Коммуникацию в сфере науки часто рассматривают как сложную социокультурную систему, особую форму корпоративной коммуникации, продуктами которой являются текст и научный дискурс. Она характеризуется доминирующим письменным каналом и собственным функциональным стилем. Рассмотрим, какими социокультурными характеристиками должен обладать участник такого рода коммуникации и каковы возможные модели его поведения.

Отправная точка в исследовании – это концепция языковой личности, которую начал разрабатывать Г.И. Богин. Он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведение речи» [1, с. 25].

Языковая личность предполагает характеристики, связанные с выбором вербального кода коммуникации и, согласно Ю.Н. Караулову [3, с. 76], реализуется на трех уровнях. Вербально-семантический уровень отражает степень владения обыденным языком; здесь актуализируется способность личности понимать обращенные к ней вербальные знаки и самостоятельно продуцировать таковые. Одним из главных маркеров реализации этого уровня является способность адекватно воспринимать текст с точки зрения семантики его составляющих и создавать текст с аналогичными характеристиками. На лингвокогнитивном уровне происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму и создающих коллективное и индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой картины мира личности, ее тезауруса. Языковая личность на этом уровне предстает как цельное явление, не «распадающееся» на отдельные слова и значения; здесь значим общий «облик» воспринимаемого или порождаемого текста, его целостный смысл, который не сводится к линейной семантике языковых единиц, а обладает лингвистическим, социокультурным и индивидуально-культурным значением. Третий уровень – прагматический, который определяется выявлением и характеристикой мотивов и целей, движущих развитием языковой личности. На этом уровне актуализируется не столько лингво-культурная характеристика языковой

личности, сколько ее индивидуально-культурный статус, из которого и проистекает система мотиваций к совершенствованию или деградации.

В процессе овладения иностранным языком (английский в рамках нашего исследования), характеристики языковой личности обогащаются новыми аспектами, привносимыми культурой этого языка. Иными словами, мы можем говорить о вторичной языковой личности, социокультурные характеристики которой включают не только способность изъясняться на английском языке, но и изрядную долю «подводной части культурного айсберга». Оттенки лексических значений английских слов, идиоматика, лингвистические и культурные стереотипы, коннотации культурного, фонетического или иного происхождения, – все это может стать камнем преткновения при межлингвистической коммуникации для вторичной языковой личности.

В процессе межлингвистической коммуникации субъект должен обладать характеристиками, которые предполагают не только владение иностранным языком на уровне, достаточном для осуществления эффективной межлингвистической коммуникации, но новое качество личности, ее способность «выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности» [2, с. 236]. Здесь бы мы уточнили – способность выйти не только за рамки *своей* культуры, но и за рамки англоязычной культуры как посредника коммуникации. Иными словами, языковая личность, эффективно участвующая в межлингвистической коммуникации, должна характеризоваться совокупностью свойств и характеристик, позволяющих ей выступать в процессе межлингвистической коммуникации в роли медиатора культур. Такой тип личности мы называем *метаязыковой личностью*. Специфика межлингвистической коммуникации в научной сфере предполагает, что ее акторы в идеальной ситуации и являются метаязыковыми личностями.

В реальных ситуациях научной коммуникации языковая личность ученого (или студента) способна реализовывать свой потенциал на различных уровнях, обусловленных степенью зрелости социокультурных характеристик личности. Условно обозначим эти уровни, или ступени развития социокультурных характеристик

личности, как формальный, информационный и содержательный (уровень универсальности). Каждый уровень возможно описать в контексте следующих аспектов: идеальный (степенью объективированности ценностных ориентаций в сознании индивида и способностью создавать общий смысл в процессе взаимодействия, преодоление этноцентрических представлений), функциональный (уровня лингвистической компетенции) и нормативный (умения использовать социальные стратегии в контексте принятых норм для достижения желаемого результата коммуникации).

На *формальном уровне* метаязыковая личность функционирует еще как первичная языковая личность, начинающая постигать «азы» межлингвистической коммуникации. Основным барьером на этом этапе выступают этноцентрические представления. Поэтому реакцией на ситуацию общения может быть отрицание культурных различий, стремление защитить свою позицию путем нивелирования ценностей партнера.

Информационный уровень – это уровень принятия культурных различий, когда инаковость собеседника вызывает не отчуждение, а искренний интерес. Человек анализирует (с помощью, как правило, образовательного процесса) собственную систему ценностей с точки зрения ценностей языка-посредника, выделяя при этом универсальные и специфические социокультурные ценности. Происходит это как на уровне языка, так и на уровне анализа моделей поведения носителей этого языка, форм и способов государственного устройства и т. д.

На *содержательном уровне* согласуются разные системы культурных координат, преодолевается внутренний конфликт переоценки ценностей в своей и другой (других) культурах. Такой человек социально готов принять множество реальностей, способен к обдуманному выбору в отдельно взятой ситуации, а не просто действует по нормам собственной культуры или культуры языка-посредника. Если на информационном этапе (второй уровень) человек принимает культурное многообразие, относится к нему не просто терпимо (первый уровень), но с уважением и интересом, то на содержательном этапе актер взаимодействия анализирует и оценивает ситуацию, когда возможно несколько вариантов культурного поведения. Оценка контекста ситуации и сопут-

ствующим факторам помогает человеку выбрать наиболее подходящую стратегию поведения. Необходимо акцентировать, что на этом уровне человек обретает лингвокреативные способности, что критически важно для профессиональной научной деятельности. К ним можно отнести как способность литературного творчества на данном языке, так и гибкость использования неродного языка при коммуникации («подстраивание» его под уровень языковой подготовки собеседника).

Итак, решение множества задач по укреплению позиций государства должно опираться на «мягкую силу», реализуемую как макро-, так и микро-игроками. Научные кадры есть важнейшая составляющая того человеческого потенциала, без которого невозможно говорить об успешном взаимодействии обществ и культур. Однако, для того, чтобы быть эффективным транслятором ценностей отдельной культуры, создавать позитивный имидж в сознании партнеров по коммуникации, ученый должен обладать развитыми социокультурными характеристиками метаязыковой личности. В этом случае желаемый результат деятельности, выраженный в интересе к проведению совместных исследований, к совместным публикациям, получении зарубежной грантовой поддержки, будет приближен к оптимальному.

1. Богин Г.И. Модель личности в ее отношении к разно-

видностям текстов: Дисс. ... докт. филол. наук. – Л., 1984. – 356 с.
2. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 236 с.

4. Попова Н.Г. Типология социокультурных характеристик универсальной языковой личности в межлингвистическом взаимодействии // Вестник Челябинского гос.ун-та. № 14 (7) 2008. С. 41–52.

5. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГМИМО-Университета. URL: <http://ehd.mgimo.ru> (дата обращения: 10.06.14).

6. How many students study abroad OECD // Factbook 2011–2012. Economic, Environment and Social Statistics. 2011. P. 214.

7. Beadle S., Hill K. The Art of Attraction: Soft Power and the UK's Role in the World. – London: the British Academy, 2014.

1. Bogin G.I. Model' lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov: Diss. ... dokt. filol. nauk. – L., 1984. – 356 s.

2. Elizarova G.V. Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam. – SPb.: KARO, 2005. – 352 s.

3. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. – M.: Nauka, 1987. – 236 s.

4. Popova N.G. Tipologiya sociokul'turnyx karakteristik universal'noj yazykovoj lichnosti v mezlingvisticheskom vzaimodejstvii // Vestnik Chelyabinskogo gos.un-ta. № 14 (7) 2008. S. 41–52.

5. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Vestnik MGMIMO-Universiteta. URL: <http://ehd.mgimo.ru> (data obrashheniya: 10.06.14).

6. How many students study abroad OECD // Factbook 2011–2012. Economic, Environment and Social Statistics. 2011. P. 214.

7. Beadle S., Hill K. The Art of Attraction: Soft Power and the UK's Role in the World. – London: the British Academy, 2014.

A RESEARCHER AS A SOFT POWER AGENT

Natalia Gennadievna Popova,

Russian Academy of Sciences,
Institute of philosophy and law,
Chair of foreign languages,
candidate of sociological sciences
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ngpopova@list.ru

Annotation

The paper advances a concept of meta-linguistic personality for analysing a researcher's efficiency in intercultural scientific communication. The maturity of sociocultural characteristics is described in terms of formal, information, and universal levels. A researcher's ability to efficient intercultural scientific communication is presumed useful as a parameter of both the human capital and soft power assets quality.

Key words:

intercultural communication in science, education, soft power, human potential quality, linguistic personality..

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: «ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» ВМЕСТО «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Мошкин Сергей Вячеславович,

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
главный научный сотрудник,
доктор политических наук,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются признаки государства, способного эффективно использовать «мягкую силу» в международных делах. Применительно к России высказывается предположение, что «фантомные боли» по быломu могуществу вынуждают ее на политику реванша, что проявляется в резком увеличении военных расходов и проведении военно-силовых акций в отношении сопредельных государств с использованием тактики «гибридной войны».

Ключевые слова:

мягкая сила, гибридная война, военные расходы России.

Какой стиль внешней политики – жесткий или мягкий – наиболее приемлем для государства? – вопрос, не имеющий однозначного ответа, поскольку выбор всегда определяется бесконечной суммой факторов, влияющих на позицию национальных властей в постоянно меняющейся внешнеполитической ситуации. Здесь и оценка своих внутренних возможностей изменить поведение визави в выгодном для себя направлении, и оценка готовности партнера принять такие изменения, и моделирование возможной реакции третьих стран, не включенных в процесс напрямую, и прогноз по отдаленным последствиям каждого серьезного внешнеполитического шага, и много чего еще, что влияет на определение конкретных средств и инструментов в реализации внешнеполитических задач того или иного государства. Поэтому правильно было бы говорить не о противопоставлении, а о поиске оптимального, сбалансированного сочетания жесткого и мягкого стилей во внешней политике государства, об «умной силе» такой политики (smart power). Ведь даже Китай, чья «мягкая сила» (softpower) стала в последние годы предметом дипломатического восхищения

и академического интереса [12; 15], использует не только внешнеполитический «пряник», а очень часто и «кнул» для жесткого воздействия на оппонента (hardpower). Достаточно вспомнить китайско-японский конфликт по поводу островов Сэнкаку в 2012 году.

Однако использовать «мягкую силу», при всех ее достоинствах и преимуществах, дано не каждому государству. Такая возможность – привилегия немногих, а лишь тех, кто соответствует ряду признаков. Страна, претендующая на эффективность своей «мягкой силы» во внешнеполитических делах, должна быть в глазах противоположной стороны, как минимум:

- успешной (в абсолютных и относительных значениях);
- динамичной (особенно в бизнес-процессах);
- преимущественной (хотя бы в отдельных сферах);
- сильной (и не только в военном смысле);
- достойной подражания (хотя бы в некоторой степени);
- привлекательной для проживания граждан (в том числе из других стран);

• конструктивной для внешнеполитических контактов на межгосударственном уровне.

Трудно себе представить, что государство, не представляющее никакого интереса для своих зарубежных партнеров, было бы способно на действенную «мягкую силу». Какая «сила» может быть у страны, если у нее нечему поучиться и нечего перенять?!

Реалии современности показывают, что устойчивый потенциал «мягкой силы» наличествует в странах:

– с современной национальной конкурентоспособной экономикой, имеющей передовую банковскую систему и инвестиционную составляющую, способную создать мировые технологические бренды и обеспечить своих граждан высококвалифицированными рабочими местами с высокой зарплатой;

– с современной инфраструктурой, включая развитую транспортную, дорожную и инженерные сети, разнообразные сверхсовременные системы связи и электронных коммуникаций;

– с системой образования и подготовки кадров, отвечающей запросам современной экономики;

– с эффективной системой государственного управления и администрирования;

– с всевозрастающим уровнем качества жизни и развитой системой безопасности и социальной защиты граждан.

Именно эти признаки или настойчивое стремление к ним – а перечень, естественно, можно было бы и продолжить – делают то или иное государство успешным, привлекательным, достойным для подражания со стороны внешних партнеров и, тем самым, наращивают потенциал его «мягкой силы».

И, напротив, провалы и неудачи в экономической политике государства, неконкурентное производство и образование, избыточное и неэффективное государственное администрирование, коррупция, неразвитость систем жизнеобеспечения граждан, отсутствие условий для творческой и предпринимательской инициативы и пр. – не дают стране никаких шансов быть привлекательной для внешнего окружения (кроме стран, где дела обстоят еще

хуже) и буквально-таки делают ничтожной ее «мягкую силу».

В этом смысле, одна из серьезнейших проблем современной России заключается в том, что за четверть века реформ страна не нарастила, а, напротив, во многом утратила привлекательность для внешнего мира. Россия стала неинтересной и архаичной, у нее практически нечему поучиться и нечего перенять, она – больше не лидер мирового сообщества и не генератор современных стандартов жизни и развития. Кроме минеральных ресурсов, металла и вооружений россиянам, по сути, нечего предложить миру. Что же касается гуманитарного блока, то здесь дела обстоят еще хуже: деградирующие системы образования и культуры, здравоохранения, социального обслуживания населения, кризис пенсионной системы – плохие примеры для подражания. Из мировой державы, определяющей характер жизни доброй половины человечества, Россия превратилась в державу регионального уровня, с трудом удерживающую в поле своего влияния соседние государства, и явно не довольна своим нынешним статусом.

«Фантомные боли» по быломu могуществу провоцируют российские власти на реванш и далеко не за счет «мягкой силы», а самой что ни на есть «жесткой». По оценкам Global Peace Index (GPI) – это попытка международных экспертов оценить уровень насилия внутри государства и агрессивность его внешней политики – в 2013 году Россия занимала 155 место из 162 обследованных стран, став одной из самых немиротлюбивых стран в мире, уступив одну позицию даже КНДР. Хуже России в этом списке выглядят только Демократическая республика Конго, Пакистан, Судан, Ирак, Сирия, Сомали и Афганистан [16].

Впервые GPI был обнародован в 2007 году и с тех пор составляется ежегодно. За это время Россия всякий раз входила в десятку наиболее агрессивных и насильственных стран по отношению к мировому сообществу и собственным гражданам. В 2007 году Россия занимала 118 место из 121 изученных стран; в 2008 году – 131 место из 140; в 2009-ом – 136 из 144; в 2010-ом –

143 из 149; в 2011-ом – 147 из 153; в 2012 году – 153 место из 158 стран; в 2013 году, как отмечалось выше, – 155 место из 162 обследованных стран [11]. Есть все основания предполагать, что в 2014 году, после аннексии Крыма и дестабилизации обстановки на Юго-востоке Украины, позиции России в GPI только ухудшатся.

При подготовке GPI все государства, охваченные исследованием, анализируются по 23 качественным и количественным показателям, объединенным в три основные группы:

1. наличие и масштаб конфликтов – внутренних и международных, в которые вовлечена та или иная страна, и количество жертв в результате данных конфликтов, а также отношения государства с соседними странами;

2. уровень стабильности и безопасности внутри государства оцениваются по таким факторам, как доля беженцев и перемещенных лиц в общем количестве населения, число насильственных преступлений и самоубийств, доступность оружия, количество заключенных на душу населения, меры социальной защиты, соблюдение прав человека, уровень политической стабильности, наличие и степень террористических угроз, уровень ксенофобии и пр.;

3. уровень милитаризации государства оценивается по таким показателям, как размер военного бюджета по отношению к национальному валовому продукту, общий военный потенциал государства, импорт и экспорт оружия, количество военнослужащих и сотрудников служб безопасности на душу населения, суммарное количество вооружения на душу населения и т. д. [4].

Конечно, нет прямой зависимости между статусом государства в GPI и уровнем его приверженности «мягкой силе» во внешних делах, однако, применительно к РФ, складывается впечатление, что softpower как технология ведения внешнеполитических дел в России не только не востребована, но, напротив, сознательно игнорируется, уступая место привычным жестким приемам Realpolitik.

Это стало особенно заметно в период окончания второго срока президентских полномочий В.В. Путина. В феврале 2007 года он выступил

на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности с неожиданно резкой речью, которая была воспринята присутствующими как прямая угроза Западу [8]. В том же году Россия возобновила полеты дальней бомбардировочной авиации над Атлантикой и Тихим океаном, установила постоянное военно-морское присутствие в акватории Средиземного моря и Аденского залива, начала отправлять в походы отряды боевых кораблей в Западное полушарие, в частности, в зону Карибского моря [7]. На сегодняшний день российские войска, не считая миротворческих контингентов и групп советников, находятся на территории Абхазии, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Приднестровья, Сирии, Таджикистана, Южной Осетии, до недавнего времени – на территории Узбекистана и Украины. Кроме того, в ближайшее время возобновится работа российской военной базы Камрань во Вьетнаме.

Одновременно резко выросли расходы Российской Федерации на вооружение и содержание армии. Если в 1998 году военный бюджет России был на уровне 81,8 млрд. рублей (в текущих ценах), то в 2010 году он уже составил 1,28 трлн. рублей [9]. В 2013 году расходы федерального бюджета на национальную оборону и безопасность выросли до 2,35 трлн. рублей или на 25,8% больше, чем в 2012-ом [2]. В 2014 году обеспечение национальной безопасности и обороны обойдется российским налогоплательщикам в 2,69 трлн. рублей, при том, что расходы в 100 млрд. рублей по просьбе Минобороны РФ были перенесены на 2016 год из-за неготовности российского ВПК освоить столь огромную сумму [1].

Показательны и доли военных расходов в общем бюджете страны. В 2012 году Россия тратила на военные нужды 14,5% федерального бюджета, в 2013 году – 15,7%, в 2014 году – 17,6%. В 2015 году доля военных расходов по прогнозной оценке составит 19,7% бюджета, а к 2016 году эта статья расходов вырастет до 22% или 3,42 трлн. рублей [1; 10].

Не удивительно, что стремительное увеличение военных расходов России начало вызывать серьезное беспокойство у зарубежных

политиков и военных экспертов. Появилось мнение, «что именно РФ становится основной болевой точкой, дестабилизирующей обстановку в Европе» [14]. Это мнение укрепилось после российско-грузинской войны в 2008 году, когда Россия, в нарушение всех норм международного права и собственной конституции, совершила акт агрессии в отношении суверенной и независимой Грузии, вооруженной силой оккупировала часть территории и фактически отторгла от нее Абхазию и Южную Осетию, прикрываясь лозунгом защиты граждан Российской Федерации, проживающих там, и необходимости крайних мер «по принуждению Грузии к миру» [6].

Но если, несмотря на протесты международных организаций и отдельных государств, отторжение Россией части грузинской территории Запад воспринял как своеобразный «размен» за сербский Косово, то на действия РФ в Крыму весной 2014 года мировое сообщество отреагировало куда более жестко. Генассамблея ООН подавляющим большинством голосов поддержала территориальную целостность Украины и не признала законность крымского референдума о присоединении к России. Вслед за генассамблей ООН действия России в Крыму осудила Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) и лишила права голоса российскую делегацию, а также запретила россиянам занимать руководящие должности в ПАСЕ до конца 2014 года из-за поддержки российскими депутатами мероприятий своего правительства по оккупации и аннексии Крыма. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) также признала референдум в Крыму нелегитимным, условия его проведения – не соответствующими демократическим стандартам, а действия России – нарушающими основополагающие принципы и нормы международного права [5]. Российская Федерация была фактически исключена из G8. Страны ЕС и США установили в отношении России пакет санкций экономического и технологического характера, а также ввели ряд ограничений против большого числа высокопоставленных российских чиновников. Принятые меры преследовали цель предот-

вратить конфронтацию конфликта, поставить Россию в максимально возможную международную изоляцию и тем самым нанести ей политический и экономический ущерб в качестве наказания за экспансию на Украину.

Следует напомнить, что во время подготовки и проведения крымского референдума Россия применила в отношении Украины сравнительно новый вид вооруженного насилия – гибридную войну (hybrid warfare) – суть которой состоит в одновременном, смешанном использовании регулярной армии и нерегулярных вооруженных формирований, формальная связь с которыми отрицается этим воюющим государством [3]. От пресловутых «зеленых человечков», как окрестила их украинская пресса, или, по российской версии – «вежливых людей», блокировавших все госучреждения и украинские воинские части в Крыму, и чья государственная принадлежность ни у кого из наблюдателей не вызывала сомнений, напрочь отказалось российское руководство, обманывая мировую общественность и собственных граждан о непричастности этих людей к вооруженным силам России. И только когда правду стало невозможно скрывать, президент Путин публично признал, что «зелеными человечками» в Крыму были российские солдаты [13].

Впрочем, это был не первый случай гибридной войны со стороны России. Признаки ее просматривались еще в 2008-ом, когда под видом добровольцев на территорию Южной Осетии с российской стороны перемещались гражданские лица [6].

Государство, ведущее гибридную войну, скрытно привлекает на свою сторону для выполнения специфических, сомнительных с точки зрения права, акций и прочей грязной работы неофициальных исполнителей, будь то частные армии, отдельные наемники, группы добровольцев, представители местного населения, или, как это было в Крыму и на Кавказе, собственные спецподразделения без знаков различия. Эти исполнители могут делать в отношении противной стороны то, чего регулярные войска от лица государства, скованного международными конвенциями о правилах и обычаях войны,

делать не могут. Нерегулярные вооруженные формирования в такой войне не заинтересованы в афишировании связей с поддерживающей их стороной (это отличает гибридную войну, скажем, от войны партизанской), а регулярные войска государства, в свою очередь, могут нарочито продемонстрировать мировому сообществу свое миролюбие и невмешательство.

Поэтому на гибридную войну сложно отреагировать международно-правовыми средствами. Страна-агрессор всегда легко откажется от приписываемых ей взаимоотношений с наемниками. Вопрос наказания здесь – это вопрос сбора доказательств о прямой связи нерегулярных войск с государством-агрессором, что в условиях ведения боевых действий сделать непросто. И даже если доказательства будут собраны, нынешняя ослабленность международных институтов и организаций не позволяет эффективно пресечь агрессивное поведение нападающей стороны, тем самым развязывая ей руки в осуществлении скрытой интервенции с задействованием наемников и боевиков из числа местного населения. В результате миру предьявляется свершившийся факт – аннексия, якобы по инициативе и поддержке местного населения, случилась и, может быть, как это было в Крыму, без единого выстрела. Мировому сообществу в этом случае остается только одно – не признавать присоединения, но по факту смириться с ним, и устанавливать международные санкции невоенного характера.

Возможно, гибридная война – весьма выигрышная тактика для решения краткосрочных задач. Однако в отдаленной перспективе она обрекает агрессора на международную изоляцию и, как следствие, постепенную деградацию. Но главное, в контексте нашей темы, она закрывает для страны окно возможностей использования ее softpower. Россия, похоже, свой выбор сделала и, к сожалению, этот выбор не в пользу «мягкой силы». Пока у нее хорошо получается только «гибридная война».

1. Бюджет 2014–2016 годов: расходы на оборону сократят социальные обязательства // URL: <http://kapital-rus.ru/lite/larticle/267> (Дата обращения: 02.06.2014).

2. В 2013 году расходы бюджета РФ на национальную оборону вырастут на 25,8% // URL: <http://www.garant.ru/news/408975/> (Дата обращения: 02.06.2014).

3. Гибридная война Путина – никто не знает, как ответить // URL: <http://argumentua.com/stati/gibridnaya-voina-putina-nikto-ne-znaet-kak-otvetit> (Дата обращения: 26.05.2014).

4. Глобальный индекс миролюбия – информация об исследовании // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-peace-index/global-peace-index-info> (Дата обращения: 03.06.2014).

5. Заключение Венецианской комиссии о крымском референдуме // URL: <http://argumentua.com/reportazh/zaklyuchenie-venetsianskoi-komissii-o-krymskom-referendume-polnyi-russkii-tekst> (Дата обращения: 22.05.2014).

6. Как готовилась война // URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/44515.html> (Дата обращения: 04.06.2014).

7. Карта присутствия ВМФ РФ в Мировом океане // URL: <http://flot.com/project/map/> (Дата обращения: 02.06.2014).

8. НАТО: «Речь Путина – угроза Западу» // URL: <http://www.apsny.ge/analytics/1171393515.php> (Дата обращения: 04.06.2014).

9. На что Россия потратит военный бюджет // URL: <http://periscope2.ru/2011/07/19/2909/> (Дата обращения: 02.06.2014).

10. Расходы по разделу «Национальная оборона» на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов // URL: <http://oko-planet.su/politik/politikarm/143294-rashody-po-razdelu-nacionalnaya-oborona-na-2013-god-i-na-planovyy-period-2014-i-2015-godov.html> (Дата обращения: 02.06.2014).

11. Рейтинг миролюбия стран мира 2013 года // URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/06/11/5992> (Дата обращения: 03.06.2014).

12. Русакова О. Ф. Мягкая сила стран Азии // Дискурс-Пи. Научный журнал. Выпуск 11. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи». 2013. С. 31–37.

13. Путин признал «зеленых человечков» в Крыму, но не власти в Киеве // URL: <http://ria.ru/politics/20140417/1004350739.html> (Дата обращения: 05.06.2014).

14. Фридман Дж. В Украине Россия потерпела сокрушительное поражение // URL: http://rufabula.com/news/2014/05/30/fridman?fb_action_ids=10204038410106540&fb_action_types=og.recommends (Дата обращения: 04.06.2014).

15. Цзайци Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. С. 149–155.

16. Global Peace Index – 2013. Measuring the State of Global Peace // URL: http://www.visionofhumanity.org/pdf/gpi/2013_Global_Peace_Index_Report (Дата обращения: 03.06.2014).

1. Byudzheth 2014–2016 godov: rasxody na oboronu sokratyat social'nye obyazatel'stva // URL: <http://kapital-rus.ru/lite/larticle/267> (Дата обращения: 02.06.2014).

2. V 2013 godu rasxody byudzheta RF na nacional'nyu oboronu vyrastut na 25,8% // URL: <http://www.garant.ru/news/408975/> (Дата обращения: 02.06.2014).

3. Gibridnaya vojna Putina – nikto ne znaet, kak otvetit' // URL: <http://argumentua.com/stati/gibridnaya-voina-putina-nikto-ne-znaet-kak-otvetit> (Дата обращения: 26.05.2014).

4. Global'nyj indeks miroljubiya – informaciya ob issledovanii // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-peace-index/global-peace-index-info> (Дата обращения: 03.06.2014).

5. Zaklyuchenie Venecianskoj komissii o krymskom referendume // URL: <http://argumentua.com/reportazh/zaklyuchenie-venetsianskoi-komissii-o-krymskom-referendume-polnyi-russkii-tekst> (Дата обращения: 22.05.2014).

6. Kak gotovilas' vojna // URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/44515.html> (Дата обращения: 04.06.2014).

7. Karta prisutstviya VMF RF v Mirovom okeane // URL: <http://flot.com/project/map/> (Дата обращения: 02.06.2014).

8. NATO: «Rech' Putina – ugroza Zapadu» // URL: <http://www.apsny.ge/analytics/1171393515.php> (Дата обращения: 04.06.2014).

9. Na chto Rossiya potratit voennyj byudzheth // URL: <http://periscope2.ru/2011/07/19/2909/> (Дата обращения: 02.06.2014).

10. Rasxody po razdelu «Nacional'naya oborona» na 2013 god i planovyy period 2014 i 2015 godov // URL: <http://oko-planet.su/politik/politikarm/143294-rashody-po-razdelu-nacionalnaya-oborona-na-2013-god-i-na-planovyy-period-2014-i-2015-godov.html> (Дата обращения: 02.06.2014).

11. Rejting miroljubiya stran mira 2013 goda // URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/06/11/5992> (Дата обращения: 03.06.2014).

<http://gtmarket.ru/news/2013/06/11/5992> (Дата обращения: 03.06.2014).

12. Rusakova O.F. Myagkaya sila stran Azii // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. Vypusk 11. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi». 2013. S. 31–37.

13. Putin priznal «zelenyx chelovechkov» v Krymu, no ne vlasti v Kieve // URL: <http://ria.ru/politics/20140417/1004350739.html> (Дата обращения: 05.06.2014).

14. Fridman Dzh. V Ukraine Rossiya poterpela sokrushitel'noe porazhenie // URL: http://rufabula.com/news/2014/05/30/fridman?fb_action_ids=10204038410106540&fb_action_types=og.recommends (Дата обращения: 04.06.2014).

15. Czajci Lyu. «Myagkaya sila» v strategii razvitiya Kitaya // Polis. 2009. № 4. S. 149–155.

16. Global Peace Index – 2013. Measuring the State of Global Peace // URL: http://www.visionofhumanity.org/pdf/gpi/2013_Global_Peace_Index_Report (Дата обращения: 03.06.2014).

RUSSIA'S FOREIGN POLICY: «HYBRID WARFARE» INSTEAD OF «SOFT POWER»

Moshkin Sergey Vyacheslavovich

The Institute of Philosophy and Law of the Urals Division of the Russian Academy of Sciences,
Chief Research Scientist,
Doctor of Political Science,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Annotation

The article reveals typical characteristic features of a state, which is able to efficiently use «soft power» in international relations. As regards Russia, the article theorizes that «its phantom nostalgia» for the lost «might» forces the country to conduct the policy of revenge, which is manifested through skyrocketing defence spending and boosting military actions against neighboring states using «hybrid warfare tactics».

Key words:

soft power, hybrid warfare, Russian military spending.

ИМПЕРАТИВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ЭТО КОМПОНЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ИЛИ ФАКТОР ОХЛАЖДЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ С ЗАПАДОМ?

Мухаметов Руслан Салихович,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социально-политических наук, кафедра теории и истории политической науки, доцент, кандидат политических наук, Екатеринбург, Россия, E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена внешнеполитическим принципам России. Автор выделяет такие императивы, как антиамериканизм, концепцию многополярного мира, невмешательство во внутренние дела других государств. Много внимания уделено пересмотру архитектуры мировой финансовой системы. Показано, что руководствуясь данными принципами, отношение в мире к России является отрицательным.

Ключевые слова:

внешняя политика России, международный имидж России, «мягкая сила».

В последнее время в экспертном российском сообществе стала весьма популярной тема исследования места и роли «мягкой силы» во внешней политике России. Что же подразумевается под «мягкой силой» государства?

Термин «мягкая сила» (soft power) впервые ввел в научный оборот профессор Гарвардского университета Джозеф Най в 1990 году. Американский ученый придерживается поведенческой трактовки «силы». По его мнению, «сила» – это способность воздействовать (влиять) на других так, чтобы получить желаемый результат. Такое воздействие может осуществляться тремя способами: посредством угроз принуждения или принуждением («кнут»); с помощью поощрения или вознаграждения («пряник»); благодаря привлекательности, заставляющей других желать того же, чего и вы. Проецируя подобные размышления на сферу международных отношений и мировой политики, Дж. Най предлагает выделять две разновидности «силы» государства – «жесткую силу», включающую

военную и экономическую мощь и реализуемую двумя первыми способами, и «мягкую силу». «Мягкая сила» – это способность государства достигать желаемых результатов в международных делах через убеждение, а не подавление. Она побуждает других следовать определенным нормам поведения, что и приводит ее носителей к достижению желаемого результата [1, с. 25–26]. В качестве ресурсов «мягкой силы» Дж. Най выделял привлекательность культуры, ценностей (идеологии), правил и норм поведения, которыми государства руководствуются во внутренней и внешней политике. «Мягкая сила» – это воздействие (порой непреднамеренное) через положительный пример и притягательность конкретного общества, политической системы, социальных программ и т. д. Исследователь писал, что «мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами» [5, с. 66]. В свою очередь, сочетание «жесткой» и «мягкой силы» получило название «умная сила» (smart power).

Как уже было сказано выше, одним из компонентов «мягкой силы» являются внешнеполитические принципы государства. Давайте посмотрим императивы внешней политики России на предмет их привлекательности. Необходимо отметить, что хронологические рамки нашего исследования ограничены периодом, начиная с мая 2012 года, когда Владимир Путин стал в третий раз президентом страны, и по настоящее время.

Как нам представляется, основным принципом внешней политики России является на данный момент антиамериканизм, т. е. негативное отношение к политике, в основном внешней, США. Социологические замеры очень четко фиксируют рост в российском обществе антиамериканский настроений (см. таблицу 1).

Таблица 1. Отношение граждан России к США

	Март 2014 (%)	Январь 2014 (%)	Март 2013 (%)	Март 2012 (%)
Очень хорошо	2	2	5	4
В основном хорошо	32	41	43	46
В основном плохо	44	36	32	27
Очень плохо	12	8	7	8
Затрудняюсь ответить	10	13	13	15

Источник: Отношение россиян к другим странам <http://www.levada.ru/18-03-2014/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam>.

Но это не главное. Важно то, что Россия делает ставку на формулирование другого видения мироустройства. Российская Федерация – последовательный сторонник многополярного мира. В Москве убеждены, что оптимальной моделью для всех стран – вне зависимости от размера территории, численности населения или потенциала в той или иной сфере – является многополярная система. Другими словами, система, которая в полной мере учитывала бы законные интересы всех государств и в то же время предоставляла бы каждому из них надежную защиту с помощью международного права.

Многополярный мир в понимании Москвы – это не столкновение полюсов и соперничество между ними, а утверждение в международной жизни коллективных начал, тесное взаимодействие основных мировых центров на основе равноправия и партнерства. Российский подход заключается в том, чтобы

сотрудничество с государствами-членами мирового сообщества строилось не на религиозно-цивилизационном родстве, готовности безмолвно следовать в чьем-либо фарватере или готовности принять все ценности и разделить все взгляды тех, кто организует, например, антитеррористическую деятельность.

Москва выступает за многополярную модель мироустройства, в основе которой заложены следующие основные принципы.

Во-первых, новое мироустройство призвано отражать существование в мире различных центров влияния.

Во-вторых, новое мироустройство призвано опираться на результативное многостороннее сотрудничество, что предполагает надлежущую

координацию деятельности ведущих международных структур. Схематически это можно представить в форме пирамиды, вершину которой образуют ООН и ее Совет Безопасности.

Наконец, фундамент и своего рода цементующий материал всей конструкции – международное право [7].

По мнению Москвы «ключевые решения должны выработываться на коллективной основе, а не по усмотрению и в интересах отдельных государств либо группы стран, что должно действовать международное право, а не право сильного, не кулачное право, что каждая страна, каждый народ не исключителен» [3].

Таким образом, Россия выступает против однополярной модели мира и отвергает мировой порядок под американским лидерством. Как думают в Москве, в своем подходе к формированию нового мироустройства Россия не одинока, ее позицию разделяет широкий круг государств,

которые считают, что многостороннему сотрудничеству и укреплению международного правопорядка при центральной координирующей роли ООН в современном мире нет альтернативы.

Второй императив внешней политики России – принцип невмешательства во внутренние дела других государств. В Москве считают, что ни одно государство или группа государств (например, НАТО) не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние дела, входящие в компетенцию другого государства. Ни одно государство не может применять любые акты военного, политического или другого принуждения с целью добиться подчинения себе какого-либо государства в осуществлении им суверенных прав. Иными словами, Москва отстаивает базовый принцип невмешательства во внутренние дела и не одобряет позицию Запада о том, что пренебрежение этим принципом оправдывается гуманитарными целями.

Идея гуманитарных интервенций была рождена европейской социально-политической мыслью. Так, Г. Гроций, исходя из предположения о существовании универсальной человеческой общности, утверждал: «следует признать право королей (как и тех, кто обладает равными с ними правами) требовать наказания обвиняемых не только в преступлениях против них самих или их подданных, но и в преступлениях, которые непосредственно их не затрагивают, но при этом нарушают естественный закон или законы государства, вне зависимости от того, кто оказывается их жертвой» [4]. Большинство политологов и специалистов по международному праву понимают гуманитарную интервенцию как «применение силы или угрозу силой, осуществляемые государством или группой государств за пределами своих границ без согласия страны, на территории которой применяется сила, и направленные на предотвращение или пресечение масштабных и грубых нарушений основных прав людей» [4].

По мнению Москвы вмешательство во внутренние дела только тогда легитимно и легально, когда оно санкционировано либо соответствующими структурами ООН, либо региональными международными организациями.

Третий императив внешней политики РФ состоит в том, что она признает суверенное право любого государства устанавливать порядок на собственной территории в соответствии со своими традициями, право на особый путь развития, независимо от принятых в мире догм, правил, шаблонов. Иными словами, Москва отрицательно относится к советам извне относительно внутривластного устройства и осуждает «экспорт демократии». Это устойчивое словосочетание, которым некоторые российские СМИ, публичные издания и исследователи называют ряд смен политического руководства некоторых государств, осуществлённых при военном вмешательстве НАТО либо уличных протестах населения и повлекших переориентацию внутренней политики данных государств на внедрение демократических процедур и внешней – на дружественные отношения с западными странами [10]. «Экспорт демократии», как считают в Москве, происходит одним из нижеприведённых способов. Первый – «смена режима», т. е. отстранение от власти неприемлемых государственных лидеров и замена их новыми, более приемлемыми. Это, как правило, непосредственная и быстрая мера, предполагающая применение военной силы или проведение тайных операций, а также попытки изолировать – и экономически, и политически – соответствующее правительство [9]. В качестве примера приводят Ирак. Второй способ – «цветные революции». В российском политическом дискурсе под ними понимается процесс смены правящей элиты под давлением массовых уличных ненасильственных акций протеста в интересах и при непосредственном участии в планировании, организации и финансировании через международные неправительственные организации со стороны государств-членов НАТО. Считается, что в результате «цветных революций» (в конце 1980-х – начале 1990-х они назывались «бархатными революциями») произошла смена политических режимов в ряде восточноевропейских стран. Большинство российских исследователей единодушны в том, что «Революция роз» в Грузии (2003 г.) и «Оранжевая революция» на Украине (2004 г.) были «цветными революциями».

Россия не занимается сменой режимов, организацией «цветных революций». Возражения

Москвы против смены режимов в третьих странах связаны с двойным принципом нерушимости суверенитета и невмешательства во внутренние дела иностранных государств.

Россия, если не отрицает нынешний дизайн глобальной экономики, то стремится в силу своих возможностей перестроить архитектуру мировой финансовой системы. В частности, Москва выражает недовольство работой таких западных организаций, как Standard & Poor's, Moody's и Fitch, и ведет переговоры со своими партнерами, особенно КНР, об учреждении совместного рейтингового агентства. Россия со своими партнерами по БРИКС 14–16 июля 2014 года подписала рамочные соглашения о создании Банка развития и Валютного фонда. Подобно МВФ, Валютный фонд БРИКС создаётся для защиты стран-участниц от экономической нестабильности и взаимной помощи в случае резкого сокращения золотовалютных резервов какой-либо из стран-участниц. Банк развития, как и Всемирный банк, будет выдавать кредиты развивающимся странам на приобретение оборудования и привлечение специалистов, необходимых для выполнения какого-либо проекта. Его отличие от ВБ в том, что Банк развития БРИКС будет выдавать кредиты, не требуя проведения реформ или выполнения других условий. Россия подписывает соглашения о проведении двусторонних расчетов в национальных валютах. Переход на расчеты в национальных валютах призван снизить зависимость стран от использования американского доллара. Как считают в Москве, представительство развивающихся стран в международных финансовых институтах, таких как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ), должно быть и будет увеличено. Страны БРИКС призывают перераспределить квоты от развитых стран к развивающимся в МВФ и ВБ, чтобы достичь равноправного распределения голосов между развитыми и развивающимися странами.

США выступают за статус-кво, считают, что главной резервной валютой должен оставаться американский доллар, стремятся сохранить «контрольный пакет» в МВФ и ВБ.

Наконец, Россия взяла на себя роль выразителя и проводника консервативных идей

в современном мире и вступила в спор, таким образом, с Западом о положении религии и церкви в обществе, характере семьи, ценностях. Москва теперь открыто признает, что ее ценности не совпадают с современными западными ценностями в области прав человека. Как заявил Владимир Путин, «сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур» [8]. Президент является свидетелем морального кризиса человеческого социума. Он видит, что «многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в бога или веру в сатану... Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности» [3].

Москва выступает против западного понимания толерантности и прав человека. В основе данной концепции лежит представление об абсолютном достоинстве человека и о наличии универсальных, «общечеловеческих» ценностей, которые должны стать основой единой мировой цивилизации. Таким образом, она претендует на универсальность, исходит из приоритета прав личности над интересами социума. Концепция прав человека родилась и развивалась в западных странах с их особой исторической и культурной судьбой, поэтому западные стандарты устройства общественного и индивидуального бытия не могут одинаково подходить для всех стран, народов и культур. Другие государства, цивилизации имеют свой собственный исторический опыт организации общественной жизни и создания благоприятных условий для развития личности. По этим основаниям данная концепция прав человека для России не подходит. Иными словами, Москва ставит под сомнение пришедшие в Россию с Запада либеральные ценности и предлагает свою версию трактовки прав человека. Права человека не должны быть выше ценностей ду-

ховного мира и противоречить традиционным нравственным представлениям [6].

Таким образом, Россия заявляет о себе как о лидере мира, который восстаёт против Запада, в какой-то мере бросает Западу вызов. Москва выступает в качестве какой-то альтернативы Вашингтону. Цель Москвы – «быть лидером, защищая международное право, добиваясь уважения к национальному суверенитету, самостоятельности и самобытности народов» [8].

Благодаря тому, что в последнее время Москва демонстративно отказывается от базовых ценностей западного мира, отношение к России имеет негативную окраску. В частности, по данным Американского института изучения общественного мнения Gallup, к России уровень негативного отношения со стороны американцев самый высокий за последние годы – 60%, а положительно оценивают только 34%. Для сравнения: в 2002 году цифры были обратные – 27% и 66%. Исследование было проведено 6–9 февраля 2014 года, т. е. до присоединения Крыма к России и вооруженного конфликта на востоке Украины [2].

После начала вооруженного конфликта в мире стало больше людей, которые испытывают отрицательное отношение России. Об этом свидетельствуют результаты социологического опроса, который провела компания Pew Global Attitudes в 44 странах мира (см. таблицу 2).

Таблица 2. Отношение к России в мире

Страны	2013		2014		Изменение негативного отношения
	Положительное отношение	Негативное отношение	Положительное отношение	Негативное отношение	
США	37	43	19	72	+29
Польша	36	54	12	81	+27
Великобритания	38	39	25	63	+24
Испания	38	51	18	74	+23
Германия	32	60	19	79	+18
Италия	31	56	20	74	+ 18
Китай	49	39	66	23	-16
Палестина	29	57	41	46	-11
Филиппины	35	52	46	43	-9
Индия	45	23	39	16	-7

Источник: Russia's Global Image Negative amid Crisis in Ukraine <http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine/>.

21.07.2014).

8. Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (дата обращения: 21.07.2014).

9. Хаас Р. Смена режима и пределы ее эффективности Россия в глобальной политике. 2005. № 4. http://globalaffairs.ru/number/n_5468 (дата обращения: 21.07.2014).

10. Экспорт демократии [Электронный ресурс]. URL: <http://cyclowiki.org> (дата обращения: 21.07.2014).

1. Davydov Yu.P. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh // SShA-Kanada. 2007. № 1.

2. Dlya Ameriki Putin i Rossiya – bliznecy brat'ya [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/02/13_a_5905001.shtml (дата обращения: 21.07.2014).

3. Zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» ot 19 sentyabrya 2013 goda [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/news/19243> (дата обращения: 21.07.2014).

4. Inozemcev V. Gumanitarnye intervencii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://polit.ru/article/2005/04/29/intervenstia/> (дата обращения: 21.07.2014).

5. Naj-mladshij Dz. «Myagkaya sila» i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl'. 2004. № 10.

6. Osnovy ucheniya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi o dostoinstve, svobode i pravax cheloveka [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 21.07.2014).

7. Osnovnye tendencii razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenij i puti formirovaniya novogo, bolee bezopasnogo i spravedlivogo miroporjadka v usloviyax globalizacii [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/nsvnpop.nsf/osn_copy/9CD53C51DFEFB312C325704300315413 (дата обращения: 21.07.2014).

8. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu ot 12 dekabrya 2013 goda [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (дата обращения: 21.07.2014).

9. Xaas R. Smena rezhima i predely ee e'ffektivnosti Rossiya v global'noj politike. 2005. № 4. http://globalaffairs.ru/number/n_5468 (дата обращения: 21.07.2014).

10. E'ksport demokratii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://cyclowiki.org> (дата обращения: 21.07.2014).

IMPERATIVES OF FOREIGN POLICY OF RUSSIA: IS IT A COMPONENT OF «SOFT POWER» OR THE FACTOR OF COOLING OF RELATIONS WITH THE WEST?

Muhametov Ruslan Salikhovich,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of social-political sciences, the chair of theory and history of political science, candidate of political science, assistant professor, Ekaterinburg, Russia, E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the principles of Russian foreign policy. The author distinguishes imperatives such as anti-Americanism, the concept of a multipolar world, non-interference in the internal affairs of other states. Much attention is given to the revision of the global architecture of the world financial system. It's shown that, guided by these principles, the attitude in the world to Russia is negative.

Key words:

foreign policy of Russia, Russia's international image, «soft power».

VII НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА»

3–5 февраля.2013 г. на о. Цейлон (Ваддува, Шри Ланка) состоялась VII научно-практическая конференция «Дискурс травелога», в которой приняли участие ученые из Екатеринбурга, Тюмени, Нижневартовска, Челябинска, Кургана и Перми. По сложившейся традиции тема заявлена предельно широко, с тем, чтобы максимально способствовать творческому обмену идеями, проектами, их апробации в комфорта-

бельных условиях берега теплого Индийского океана.

На пленарном заседании после вступительного слова и приветствия Оргкомитета (проф. В. М. Русаков) с докладами выступили Зырянов Сергей Григорьевич, доктор политических наук, профессор (г. Челябинск) – «Дискурс модернизации образования в России и Шри Ланке»), Богомяков Владимир Геннадьевич, доктор

философских наук, профессор (г. Тюмень) – «Психография пространства в пределах Юго-Восточной Азии», Фадеичева Марианна Альфредовна, доктор политических наук, доцент (г. Екатеринбург) – «Травелог как система», Зырянова Валерия Михайловна, кандидат философских наук, доцент (г. Челябинск) – «Дискурс цейлонской культуры в России», Русакова Ольга Фредовна, доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург) – «Soft power как стратегия азиатских государств», Романова Кира Степановна, кандидат философских наук, доцент (г. Екатеринбург) – «Травелог как граница среднего класса», Аманова Ляля Мугалимовна, кандидат педагогических наук, доцент (г. Челябинск) – «Аксиологический аспект образовательного травелога гражданина», Яхонтов Валерий Иванович, кандидат технических наук, доцент (г. Курган) «Дорожные дискурсы» курганского травелога XVIII – начала XX вв.», Русаков Василий Матвеевич, доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург) – «Дискурс травелога: многообразие видов и жанров», Бурханов Рафаэль Айратович, доктор философских наук, профессор (г. Нижневартовск) – «Феномен странничества в христианской и буддийской культуре», Саранчин Юрий Константинович, доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург) – «Праксеологические аспекты дискурса травелога».

В дискуссиях приняли участие д. ф. н., проф. Саранчин Юрий Константинович, д. ф. н.,

проф. Бурханов Рафаэль Айратович, д. ф. н., проф. Юдин Василий Степанович, к. п. н., проф. Трескова Полина Прокопьевна, Аманов Кайдар Молдашевич.

Подводя итоги обсуждения, Председатель Оргкомитета В. М. Русаков отметил несомненные успехи в дальнейшей разработке темы «Дискурс травелога», пока еще остающейся достаточно экзотической для отечественной историографии. Это должно найти воплощение в заявках на гранты, публикациях и диссертациях. Он подтвердил приглашение редколлегии научного журнала «Дискурс-Пи» всем участникам опубликовать в нем свои доклады.

Участникам конференции были вручены сертификаты.

В заключении выступила Президент Международной академии дискурс-исследований О. Ф. Русакова. Она огласила решение Президиума академии о приеме новых членов и вручении им дипломов в знак признания их вклада в развитие дискурс-исследований. Вместе с Главным ученым секретарем академии М. А. Фадеичевой они вручили дипломы членов-корреспондентов академии Л. М. Амановой, В. М. Зыряновой, П. П. Тресковой.

Тексты докладов публикуются по мере их поступления в редколлегию в журнале «Дискурс-Пи» и размещаются на сайтах www.madipi.ru, www.discourse-p.ru.

VII SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «DISCOURSE TRAVELOGUE»

Юрий Константинович Саранчин
1956–2014

Скончался доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уральского экономического университета Юрий Константинович Саранчин. Его внезапная смерть глубоко потрясла нас всех, хорошо знавших и любивших его, и показала всю страшную степень невосполнимости этой утраты.

Юрий Константинович родился 12 мая 1956 г. в г. Минеральные Воды Ставропольского края. В 1973–1978 учился на философском факультете УрГУ. В те годы существовала система государственного распределения выпускников, которые направлялись для работы в различные вузы России – от Урала и до Камчатки. В 1978–1981 гг по распределению он добросовестно работал на кафедре философии Удмуртского государственного университета ассистентом, чем и заслужил право поступления в аспирантуру.

1981–1984 гг. он учится в очной аспирантуре на кафедре истории философии УрГУ

под руководством основателя и бессменного руководителя этой кафедры – Заслуженного деятеля науки России, доктора философских наук, профессора К.Н. Любутина.

В январе 1985 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Натурализм и антропологизм в английском материализме XVII века» в Ленинградском государственном университете.

В это время начинается еще один важный этап в его жизни: с декабря 1984 по июнь 2008 г. он доблестно служит в органах внутренних дел на преподавательских должностях. В Уральском юридическом институте МВД

России Ю.К. Саранчин прошел все должности от преподавателя до начальника кафедры философии, ему присвоено звание – полковник милиции.

Весьма непросто соединять офицерскую службу, управление кафедрой и интенсивную научную и педагогическую деятельность. Это требует напряженных усилий и большого труда, однако Ю.К. Саранчин – как настоящий полковник, – справляется с этими испытаниями и в 1997 защищает докторскую диссертацию на тему «Сциентистская версия философии марксизма» в Уральском государственном университете им. А.М. Горького. В 1999 г. он получает ученое звание профессора по кафедре философии.

В течение всей своей научно-образовательной деятельности Ю.К. Саранчин сохраняет верность однажды избранной под влиянием своего Учителя теме: область его научных интересов – история зарубежной и русской философии и религии. Он – автор значительного числа печатных работ (более 120), среди которых 5 монографий и учебников, в том числе такие, как «История западноевропейской философии» (М., Академический проект, 2004) в соавторстве с К.Н. Любутиным и «История русской философии» (М., Академический проект, 2005) в соавторстве с Емельяновым Б.В., Любутиным К.Н., Русаковым В.М.), 12 учебных пособий (из них 2 учебных пособия имеют гриф УМО Минобразования РФ).

Ю.К. Саранчин известен и как умелый организатор науки: в 1997–1999 гг., в те самые «лихие девяностые», когда начинался систематический развал отечественной науки и образования, а вузы и НИИ покидали массы преподавателей, он организовывал и проводил ежегодные «Уральские философско-правовые чтения». В 2003–2006 гг. он ежегодно организует научно-практическую конференцию «Человек. Религия. Право».

Его самоотверженный труд и беспорочная служба отмечены 5 правительственными наградами: медалями «За безупречную службу» III-й степени, «За отличие в службе» II-й степени, «За отличие в службе» I-й степени, «200 лет МВД РОССИИ», «За боевое содружество», нагрудным знаком «За верность долгу», почетной грамотой министра МВД России – за победу

в конкурсе учебных заведений системы МВД на лучшее учебное пособие.

С юности Юрий Константинович не расставался со спортом и потому он всегда был в отличной физической форме, что позволяло ему вести ту кипучую организаторскую, научно-педагогическую и исследовательскую деятельность, которая принесла ему заслуженное признание в кругах российских ученых и педагогов. Он чутко улавливал тенденции развития современного философского знания, новации в методологии социально-гуманитарного исследования. Объединение научной и образовательной общественности «Международная академия дискурс-исследований» выразило ему признание, избрав своим академиком.

Он был полон сил, жизнерадостной энергии, его переполняли различные творческие планы, научные проекты. Общаясь с Юрием Константиновичем, мы были уверены, что он вступает в замечательную пору творческой зрелости и мастерства, расцвета своих талантов.

Тем тяжелее стал удар для всех, знавших его, тем острее боль от этой зияющей раны.

В такие моменты трудно, если вообще возможно, выразить переживаемую всеми нами потерю. Прощай, дорогой товарищ, ты всегда будешь в нашей памяти.

Товарищи, коллеги, друзья

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала Дискурс-Пи

1) Автор направляет рукопись по электронной почте.

2) Текст статьи представляется на русском языке объемом до 19 100 знаков (без учета пробелов, включая сноски). Формат файла – Microsoft Word 97–2003. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную (не пробелами или табуляцией).

3) В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов и должны иметь последовательную нумерацию. Электронный вариант каждой иллюстрации представляется в отдельном файле.

5) Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

6) Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7) Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке.

8) Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9) Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11) Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12) Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

- ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

- сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Дискурс-Пи: Научный журнал / учредитель
Уральское отделение Российской академии
наук, Институт философии и права Уральского
отделения Российской академии наук; под
ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД
«Дискурс-Пи», 2014, № 1 (14) 2014. – 186 с. –
ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

**IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW**

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, 2014*

Главный редактор
О. Ф. Русакова

Дизайн обложки
В. В. Рушаков

Компьютерная верстка
GEO

Подписано в печать 19.09.2014 г.
Формат 60x84^{1/8}
Усл. печ. л. 21,62
Тираж 300 экз. Заказ № 0000

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
<http://www.discourse-p.ru>
e-mail: info@discourse-p.ru, info@idipi.ru

Отпечатано в типографии ИРА УТК
620146, г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83.

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ